

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
ГБУ РД «ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПЕДАГОГИКИ ИМ. А. А. ТАХО-ГОДИ»

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ЕГО КАК ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ СВОЕЙ

Махачкала
2026

УДК 821.351.0
ББК 83.3(2=Лезг)-9
К 93

Печатается по решению Ученого совета ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи» (протокол № 1 от 30 января 2026 г.).

С. Сулейман Стальский. Перед памятью его как перед совестью своей.
Учебное пособие. – Махачкала: ФОРМАТ, 2026 – 242 с.

Составитель

Курбанова Заира Гаджиевна, старший научный сотрудник сектора родных литератур ГБУ РД «ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук, доцент.

Ответственные редакторы:

Арухова Альбина Сефербековна, директор ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», канд. филос. наук;

Сафаралиев Низами Эседуллаевич, заместитель директора ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук.

Редактор

Сулейманова Фатимат Назимовна, старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы ГБУ РД «ДНИИП им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук.

Рецензенты:

Шабаетва Лейла Абдулкадыровна, заведующая кафедрой дагестанской литературы ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», канд. филол. наук, доцент;

Адилгиреева Заида Сельдерхановна, старший научный сотрудник сектора родных литератур ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», канд. филол. наук.

В настоящем учебном пособии, адресованном школьникам и преподавателям родной литературы, а также широкому кругу читателей, мы постарались раскрыть творчество народного поэта через призму времени, в профессиональной оценке ученых-литературоведов разных национальностей, поколений, взглядов, исторических отрезков пройденного пути. Они едины в том, что истинный светоч неподвластен любым переменам, его свет и тепло будут вечно служить делу добра и разума, совести и чести. Литературоведческий материал, посвященный удивительной жизни и творчеству народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, поможет читающей молодежи составить свое представление о настоящем поэтическом самородке, ярком представителе лезгинского народа, ставшим классиком многонациональной дагестанской литературы.

© Курбанова З.Г., 2026.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2023 году Республика Дагестан отметила 155-летие прославленного поэта, замечательного гражданина великой страны, настоящего горца – выразителя дум и чаяний лезгинского народа, Сулеймана Стальского. Его по праву можно назвать героем своего времени, потому что оно определило и раскрыло великий дар слова простого труженика, горца, вынужденного полжизни скитаться по стране в поисках лучшей доли. Слава к уже немолодому поэту пришла на волне кардинальных перемен государства, в котором впервые в истории человечества власть перешла в руки трудящихся – рабочих и крестьян. Поэт, сам выходец из беднейших слоев народа, не мог не приветствовать завоевания Октября и строительство новой жизни, основанной на равенстве, свободе, братстве и дружбе народов СССР.

О Сулеймане Стальском написано и сказано так много, что сразу трудно в полной мере осознать его подлинное новаторство, поэтическое мастерство, национальную самобытность, искренний патриотизм, безукоризненную честность и удивительное благородство в самые переломные моменты жизни, насыщенной горестями и радостями, трудностями и удивительными взлетами переменчивой судьбы. С полной уверенностью можно сказать, что она испытала его всем, чем только можно: несчастным детством без матери и отца, юностью, которая прошла в непосильном труде и борьбой с нищетой, зрелостью, совпавшей с годами революций, гражданской войны и иностранных интервенций. Сулейман Стальский всегда оставался верен своему народу, совести и чести горца, он жил заботами и интересами таких же бедняков, как он сам, мечтая о светлом будущем для молодого поколения Страны гор. Диапазон его интересов, надежд и желаний расширялся по мере роста его человеческого сознания, ощущения причастности к грандиозному преобразованию мира на духовном и физическом уровнях.

Каждый прошедший исторический этап жизни страны предполагает определенную его оценку, точно так же мы рассматриваем творчество классика дагестанской литературы Сулеймана Стальского через призму временных отрезков пройденного пути, так как актуальность и злободневность тематики, проблематики и художественных образов, созданных им, поражает точностью, выразительностью, глубиной мысли, не подвластных забвению или искажению. Этот коло-

ритный мудрый горец, выступивший на Первом съезде советских писателей в 1934 году со своими стихами на родном языке, не оставил равнодушными таких именитых мэтров художественного слова, как А. М. Горький, Б. Пастернак, М. Шолохов, Н. Тихонов, В. Луговской, Р. Фатуев, П. Павленко.

В своем заключительном слове великий писатель М. Горький так отозвался о поэте: «На меня, и я знаю – не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский, – я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман». Литературный портрет поэта был всесторонне раскрыт Григорием Марковичем Корабельниковым в книге «Сулейман Стальский»,¹ где он показал подлинную его оригинальность в развитии и как поэта, и как личности, на протяжении всего творческого пути.

В истории лезгинской литературы творчество Сулеймана Стальского исследовано такими известными литературоведами, как Гаджибек Гаджибеков, Магомед Гаджиев, Ахед Агаев, Камиль Султанов, Александр Назаревич, Гаджи Гашаров, Фируза Вагабова Рагимхан Кельбеханов, Арбен Кардашев, Фейзудин Нагиев. Каждый из них внес свой бесценный вклад в сулеймановедение, по-новому открывая все грани таланта поистине народного поэта. Первым дал оценку его творчеству талантливый молодой ученый Г. Гаджибеков в 20-х годах двадцатого столетия, он же стал и издателем его первых сборников стихов. Г. Гаджибеков осуществил подстрочные переводы произведений С. Стальского для знакомства с поэзией Гомера XX века русского читателя. Кроме того, он первый разработал периодизацию его творчества, которая явилась основой при составлении сборников сочинений Сулеймана Стальского и монографической литературы о нём². Гаджибеков считал также глубоко ошибочной тенденцию некоторых критиков отождествлять творчество Стальского с фольклором. Исследователь решительно выступал в защиту самостоятельности, оригинальности творчества поэта, считая, что нельзя «отождествлять» творчество Стальского с фольклором ни с тематической, ни с

¹ Корабельников Г. Сулейман Стальский. Литературный портрет. М., «Советская Россия», 1979.

² Курбанова З. Г. Лезгинское литературоведение: зарождение, становление, развитие. //Монография. С 35

формальной стороны. «Стальский использует в своем творчестве фольклор, пользуется красочным живым народным языком и выразительными средствами фольклора, но создает свои собственные формы»³. Его начинания в последующем были продолжены другими исследователями его творчества, такими, как Магомед Гаджиев. В его оценке М. Гаджиев опирался не только на требования науки о литературе, но и стремился выразить мысли в образной форме: «Трудно не принимать, тем более избегать стихов Стальского. Каждое слово из его произведений как тяжелый камень падал на головы некоторых людей, как острое шило вонзалось в толстую шкуру»⁴. М. Гаджиев первым заговорил и о сатире С. Стальского, о ее художественных особенностях. Он справедливо отмечал: «Ни до Сулеймана, ни после него никто из лезгинских поэтов не смог создать такие действенные сатирические произведения, какие творил он. С самого начала поэтической деятельности он увлекся сатирой. Сулейман знал, что сатира связана с риском, вплоть до выстрела из-за угла»⁵. М. Гаджиев отмечал и еще одну сторону творчества Стальского – гуманизм: «Сулейман никогда не разделял людей по вероисповеданию, национальности, он уважал в человеке человечность»⁶.

Следующим глубоким и всесторонним анализом поэзии лезгинского классика стало целостное и концептуальное монографическое исследование жизни и творческой деятельности С. Стальского Ахедом Гаджимурадовичем Агаевым. Исследование А. Агаева привело к пониманию сулеймановского поэтического творчества как многостороннего художественно-эстетического явления. Монография А. Агаева о Сулеймане Стальском вызвала большое количество отзывов в местной и центральной печати. Московские писатели и критики В. Португалов и В. Тельпугов писали о том, что читатели убеждаются, «столь многообразным и многоплановым было творчество большого самобытного художника, какой огромный тематический диапазон характерен для его поэзии, никак не уместяющейся в то узкое тематическое русло, по которому кое-кто пытался ее направить. Со страниц книги Агаева перед нами встает подлинный образ поэта-ашуга, вся жизнь которого – пример самоотверженного служения родине». Кни-

³ Гаджибеков Г. За художественную простоту, за народность // Дагестанская правда. 14 октября, 1936.

⁴ Стальский С. Шиирар ва поэмаяр. – Махачкала: Даггиз, 1947. – С. 10.

⁵ Там же – с. 15.

⁶ Там же – с. 20.

гу рецензенты определили как «ценный вклад в нашу литературно-историческую науку»⁷. Над творчеством С. Стальского ученый продолжал работать и в последующие годы. Своей оригинальностью выделяются работы А. Г. Агаева о народном поэте, написанные в 80–90-е годы. Новые подходы к пониманию творческого наследия С. Стальского расширили и углубили проблематику исследований последних десяти лет, касающихся вопросов тематики, художественности, жанровой специфики, языкового своеобразия, национальной формы его произведений. За перестроечные годы он опубликовал более шести научных трудов в виде очерков, докладов и статей, обосновывающих современные ориентиры в теории литературы и литературной критике, подготовил и издал на лезгинском и русском языках однотомник сочинений и сборники избранных произведений С. Стальского. В своих последних работах он проявлял интерес к философской лирике Стальского, к мировоззренческой стороне его поэтического наследия. Очень образно и ярко сказано о классике лезгинской литературы в статье А. Г. Агаева и В. Тельпугова «Кладовая солнца», опубликованной в газете «Литература и жизнь», где они сравнили его творчество с айсбергом, который еще ждет новых открытий и открывателей⁸.

Еще одним глубоким научным исследованием, посвященным проблемам сулеймановедения в лезгинской литературе, стала монография Г. Г. Гашарова «История лезгинской литературы», один из разделов которой был посвящен С. Стальскому. Г. Гашаров нашел свой угол зрения по отношению к творчеству поэта, и это дало ему возможность по-новому переосмыслить многие произведения его самобытного творчества. Ученый убедительно показывает эволюцию поэтики и жанровой специфики творчества «Гомера XX» (М. Горький), соотношение его, с одной стороны, с фольклором и ашугской поэзией, а с другой, с профессиональной литературой⁹. Подробно излагая различные точки зрения на характер творчества С. Стальского, ученый отмечает, что вопрос художественной специфики поэзии Стальского, ашуг он или поэт не праздный, имеет принципиальное значение, так как речь идет о его месте в поэзии родного народа и в целом в российской многонациональной литературе. Как верно отмечает Г. Гашаров, рассмотрение творчества С. Стальского в

⁷ Португалов В., Тельпугов В. Новое о старом Сулеймане // Литература и жизнь. 1963. № 43.

⁸ Агаев А., Тельпугов В, Кладовая солнца // «Литература и жизнь» от 15 декабря 1961 года.

⁹ Ценные мысли о своеобразии устной литературы содержатся в монографии Ахмедова С.Х. Художественная проза Дагестана. – Махачкала: ДКИ, 1996. – С. 27–29.

рамках фольклора было связано с тенденцией отождествления фольклора и литературы, наметившейся в работах 30-х годов отдельных фольклористов. Ряд авторов, механически следуя этой ошибочной традиции, и в последующие годы смотрели на С. Стальского, Джамбула и др. как на певцов-сказителей, как бы принижая, а порой и отрицая их яркую творческую индивидуальность¹⁰. И чтобы опровергнуть эти ошибочные оценки отдельных авторов оригинального и неповторимого творчества Сулеймана Стальского, Г. Гашаров, собственно, и написал свою работу об ашугстве и литературе у лезгин. В русле этой проблемы рассмотрены ранние произведения С. Стальского, обнаруженные самим ученым, а также все три периода его плодотворного творчества. В подтверждение своих выводов о яркой индивидуальности поэта исследователь приводит слова Эффенди Капиева о народном поэте: «Я раз и навсегда хотел бы разрушить обывательскую легенду, созданную вокруг имени Сулеймана Стальского, что якобы он был необыкновенно вдохновенный поэт, ходивший из аула в аул с домброй под мышкой и импровизировавший по всякому поводу прекрасные стихи. Ничего он не импровизировал. Он слагал свои стихи так же медленно и осторожно, как все другие поэты... Стало быть речь идет не о каком-нибудь легендарном певце, а о самом простом, обыкновенном поэте – Сулеймане Стальском». Все сказанное в разделе о С. Стальском привело Г. Гашарова к выводу о том, что Сулейман Стальский (как и всякий большой поэт) – законный наследник всей предшествующей художественной культуры: устной и письменной. Справедливо утверждение Гаджи Гусейновича о том, что Сулейман Стальский, наряду с обновлением и переосмыслением традиционных образов, создает в соответствии с требованиями века свои собственные выразительные средства. Если первые, сохраняя связь с первоисточником, обретают в творчестве поэта новую жизнь, то вторые – составляют суть его поэтического новаторства, его творческой индивидуальности¹¹.

Дагестанский критик и литературовед Рагим Мурадович Кельбеханов много лет успешно занимался исследованием лезгинской литературы, в частности, творчеством С. Стальского. Ученый анализировал поэзию С. Стальского сквозь призму традиций и новаторства, не соглашаясь по некоторым вопросам периодизации и оценки его творчества со своими предшественниками, высказывая свою, отличную от

¹⁰ Гашаров Г.Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература... – С. 108-109.

¹¹ Гашаров Г.Г. Лезгинская ашугская поэзия... – С. 110.

них, точку зрения, например, об дооктябрьском цикле, когда поэт обрушивает сатиру на тех, кто ставил себя над народом, чиня несправедливость и страдания: чиновников и духовенство. Исследователь считал, что именно тогда наиболее ярко проявляется сулеймановская ирония, когда восхваление оборачивается осмеянием, утверждение – отрицанием. Такой прием называется ироническим парадоксом. Он присущ восточной сатире¹². По его мнению, поэт не выступал как атеист против самих основ мусульманской религии, это отмечается и М. Гаджиевым. С. Стальский был мусульманином, для него были святы идеи ислама. На них он вырос и формировался как человек и как поэт. У С. Стальского есть ряд стихотворений, относящихся к религиозно-философской лирике. Они совершенно не изучены. Кстати, религиозно-философская лирика имеет богатые традиции в восточной, дагестанской и в том числе в лезгинской поэзии. В своих духовных стихах поэт ставит те же проблемы, что и в стихотворениях на социальные темы. Он взывает к человеческой совести, призывает к добру и честной, праведной жизни. Эта мысль звучит в гошме «Подумай, ты, мусульманин». Последние строки его перекликаются со строками стихотворения «Судьи», где поэт призывает представителей «правосудия» одуматься. Р. М. Кельбеханов выделяет три разных уровня новаторства поэта. К первому он относит те произведения, в которых содержание и форма составляют единство, отличающееся совершенством и новизной, ко второму критик причисляет те стихи, в которых новаторство проявляется не столько в решении темы, сколько в самом видении мира поэтом, к третьему уровню новаторства автор относит общее понимание мира поэтом. Исследователь отмечает, что С. Стальский всей душой принял Советскую власть, потому что к власти пришел человек труда – рабочий. В своей работе Р. М. Кельбеханов не обходит и «трудные вопросы». Так, он ставит актуальный для лезгинской литературной критики и всей дагестанской литературы вопрос о панегирических произведениях С.Стальского, воспевающих Ленина и Сталина. Критик объективно подходит к объяснению данного факта. Ведь обвинять поэтов и писателей с высоты сегодняшнего дня бессмысленно, так как они жили при Советской власти. Критик рассматривает их как родимое пятно той эпохи. Поэта никак нельзя назвать «идолопоклонником», «одописцем» и т.д. Он ни в коем случае не «обожествлял» вождей. Поэт искренне верил в их спра-

¹² Дорри Дж. Персидская сатирическая поэзия. – М., 1965. – С. 116.

ведливость. А коммунист для него – человек кристальной честности и чистоты, рыцарь правды, справедливости. С. Стальский называет коммуниста «солнцем земли». Надо признать, отмечает критик, что таких людей среди коммунистов было немало, и судьба многих из них оказалась трагической. Будучи новатором в лезгинской литературе, поэт создает человеческий идеал, нового героя советского времени. В то же время поэт оттачивает перо в своих сатирических стихах, направленных против социальных пороков, а также духовного уродства человека. Последовательный анализ творчества С. Стальского позволяет сделать критику вывод: он – первый у лезгин поэт-сатирик. Его новаторство в широком плане и состоит в том, что он обогатил родную поэзию сатирой в полном смысле слова. Сатирика-Сулеймана исследователь ставит выше Сулеймана-лирика. Монографическое исследование Р. М. Кельбеханова о С. Стальском, в котором по-новому освещаются многие вопросы, связанные с творчеством великого поэта, стало весомым вкладом в сулеймановедение.

Внимание современных исследователей творчества С. Стальского направлено на духовную лирику поэта, что позволяет сегодняшним читателям открыть еще одну грань его поэтического таланта, тем более, очень удачные переводы его стихов были сделаны известным поэтом и переводчиком Арбеном Кардашем в вышедшем недавно сборнике «Неизвестное». В нем звучат мотивы бренности земного бытия, вечности мироздания, божественной миссии поэта, добре и зле, истине и лжи, неистребимости человеческих пороков и неотвратимости ответа за них перед Всевышним. Мудрый Сулейман никогда не забывал о смерти и призывал к этому своих современников в стихотворении «Бедняга, ты ума лишен...». Все сказанное выше, позволяет нам выразить мысль о том, что творчество С. Стальского разнопланово и многообразно. Он был не только поэтом-сатириком, пропагандистом, лириком, философом, но и мудрецом, познавшим истину и законы бытия.

В нашем сборнике, адресованном школьникам и учителям родной литературы, мы постарались представить творчество великого поэта через призму времени, в профессиональной оценке ученых-литературоведов разных национальностей, поколений, взглядов, исторических отрезков пройденного пути, но все они едины в том, что истинный светоч неподвластен любым переменам, его свет и тепло будут вечно служить делу добра и разума, совести и чести, становясь бессмертной частичкой души своего народа. Надеемся, что материал

юбилейного сборника, посвященный удивительной жизни и творчеству Народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, поможет читающей молодежи составить свое представление о настоящем поэтическом самородке, ярком представителе лезгинского народа, внесшем бесценный вклад в многонациональную дагестанскую литературу.

Заира Гаджиевна Курбанова

Раздел 1
**ПРОГРАММНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО**

Рассказ Сулеймана о себе
(из новеллы Э. Капиева «Одиссея»)¹³

– ...Мать была беременна мною, когда отец ни с того ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди в хлеву. Оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили свой гнев на мне: тотчас же, не дав мне даже испробовать материнского молока, они завернули меня в дранный палас и подкинули к отцовским воротам. Так, с обиды, и началась моя жизнь. Соседка, у которой в ту пору родился мертвый ребенок, из жалости кормила меня грудью, обзывая щенком. До семи лет я оставался у нее. Потом отец однажды увидел – взрослый мальчик в соседнем дворе: «Ба, да это же мой сын! – и взял меня в свою саклю.

Отец мой был крестьянином, но очень несчастным. Он обрадовался случаю взвалить на сына часть своих забот и сразу же стал крикливым, как кавха¹⁴. Сакля его была полна детей. Злая мачеха прятала от меня кукурузные лепешки. Я рос там, где и родился, в хлеву, вместе с буйволом.

Не помню ничего о той поре, кроме навозного запаха. Потом болел отец, и стало совсем страшно. Я не знаю, что это была за болезнь, но его мучила тоска днем и ночью, как жажда. Он много думал и, когда, наконец, поднялся с постели, оказалось, что он сошел с ума. Целыми днями он собирал по улицам камни, приносил домой полные пазухи и прятал от людей, называя это богатством. Я вспоминаю отца, внезапно поседевшего, с желтыми глазами...

Он умер, оставив на руках мачехи шестерых детей и разбросанные по всему двору кучи булыжника...

Не вините меня, друзья, что не все могу вспомнить по порядку. Такие уж были времена. По всей округе у нас только два человека умели читать, да и те – начальник почты и старшина, который носил соломенную шляпу. Мне было, наверное, лет тринадцать, когда я

¹³ Этот рассказ впервые был опубликован в газете «Правда» от 26 апреля 1936 года. Со слов С. Стальского записан Э. Капиевым.

¹⁴ Кавха – старшина.

ушел из своего аула. В Дербенте меня призрел богатый еврей. Я ухаживал за его трехверстными виноградниками, сторожил конюшню, рубил дрова, чистил двор.

Четыре года батрачил я у этого человека, ни зимы, ни лета не замечая. А когда уволился, – оказалось, мне снова некуда себя деть и карманы мои по-прежнему пусты.

Тогда я вернулся в аул. Но в Ашага-Стале всегда было батраков больше, чем надо, и долгое время мне пришлось перебиваться поденной работой у соседей. Я был молод. Это очень унижительно, друзья, молодому человеку просить поденной работы у соседей. Люди рассказывали, будто в Гяндже, англичане арендуют у царя земли, где добывают какие-то корни. Там нужны рабочие; и вот вместе с другими я вскоре уехал в Гянджу. Два года работал я на плантациях, жил впроголодь, заболел малярией, и, наконец, не выдержав, сбежал. Это была настоящая ловушка: я не только ничего не заработал, но даже остался должен в харчевне, где кормили нас коровьими кишками. Из Гянджи я, и сам не помню как, добрался до Самарканда. Там я устроился чернорабочим в депо и работал несколько лет подряд. Затем около года работал я на постройке моста через Сырдарью.

Очень много увидел и узнал я за эти годы. А главное, я узнал, что везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку, что уйти самому от себя невозможно, что бедные люди на Сырдарье и в Ашага-Стале одинаково несчастны. Тогда потянуло домой, скорее на родину, где могилы предков. Но денег оставалось мало. Я застрял в Баку. Проработал там около двух лет. Жил все это время скромно, и, когда с грехом пополам накопилось немного денег, оказалось, что я уже тридцатилетний мужчина, у меня борода, и я уже старею. Надо обзаводиться семьей! В то время это была страшная забота для бедняка. Но мне повезло впервые в жизни. В ауле я нашел круглую сироту – дочь бывшего объездчика. Мне уступили ее за небольшой выкуп, нас поженили, и я навсегда остался в ауле. Шли годы. Как вспоминаю теперь, очень тяжелые и безрадостные. Своими руками вместе с женой мы построили маленькую саклю. Недоедали, недосыпали, завели огород. Огород охраняла жена, а я в это время жал у людей пшеницу. Так жили мы на окраине аула пять лет, стараясь быть похожими на людей...

Однажды, возвращаясь к обеду домой, на одной из улиц я заметил множество народу и удивился: «Что случилось? Или умер кто?»

А надо вам сказать, что люди в то время избегали друг друга. Беднота выходила и возвращалась домой почти украдкой, ибо каждый день по аулу рыскал кавха и ловил встречных на бесконечные повинности: рытье канав, косьбу сена.

«Что же случилось?» – подумал я и подошел к толпе. Посреди улицы сидели бродячие ашуги с бубнами в руках и пели о соловье, тоскующем по солнцу. Ашугам бросали в подола серебро и медь. Ашуги были одеты в лохмотья и пели с закрытыми глазами, как будто сквозь сон. Постоял я с народом, послушал: «Черт возьми, ведь это все давно лежит у меня на душе. Постойте-ка, постойте!»

– Султан, сказал я соседу, – ведь я каждый день говорю про себя то же самое, почему же мне до сих пор не пришло в голову спеть об этом, ты не знаешь?

На меня обернулись собравшиеся. (Как раз в это время все ашуги кончили петь)

– Ведь это мои слова! – крикнул я, расстегивая ворот бешмета, потому что мне стало совсем жарко.

– Куда тебе, убогий, – ответили мне. – Ты на себя посмотри: разве эти слова подходят к твоему носу, соловей ты?

Сосед сказал это, и вдруг вся улица затряслась от смеха. Был полдень. «Ого! – подумал я, – почему же не полночь теперь?...».

– Ведь это не силой, это не хитростью и не деньгами, а человек поет от сердца», – сказал я. – Разве мое сердце не из мяса? Над чем вы смеетесь, эй, люди?

Домой я вернулся пристыженный.

– О соловье может петь всякий, – прошептал я жене и, взяв в руки вместо бубна свою папаху, впервые в жизни начал слагать стихи:

...Влюблен без памяти в цветы,
Не замечаешь разве ты
Страданья, муки нищеты,
И плач, и стоны, соловей?

Эти слова из первой моей песни, которую я все-таки сложил к концу того дня. Я прочел ее друзьям, но друзья не поверили:

– О соловьях очень много песен на свете, – сказали они.

– Где ты слышала эту песню, Сулейман? Она нам нравится.

– Это моя песня, – сказал я.

– Уж не сходишь ли ты с ума, как отец твой, – ответили мне.

– Я мог бы сложить песню покрепче, о самом себе, но у меня мало хорошего в жизни», – сказал я друзьям. – Пусть не соловей будет, пусть будет собака, если вы не верите. Дайте мне собаку, и я сложу вам песню о ней.

– Хорошо, – ответили друзья, – в таком случае сложи-ка ты песню о старшине, а потом мы найдем тебе еще штук сорок...

Так постепенно я входил во вкус своего нового занятия. Мои друзья в большинстве были безземельными отходниками. Они годами пропадали на нефтяных промыслах в Баку и лишь изредка приезжали на лето в аул. Поэтому они видели острее и глубже моего. Они были почти настоящие рабочие, и я всегда благодарен им, этим лучшим людям, научившим мои глаза видеть.

– Мир, – говорили они, – это весы, умышленно сбитые с толку. Ты смотри, Сулейман, не ошибись. На этих весах и днем и ночью обвешивают нашего брата на кусок хлеба, на аршин бязи, а иногда и на целую жизнь, Будь посмелее, брат, проверяй все гири...

Песни твои я привык слагать в поле во время работы. Возвращаясь под вечер в аул, я часто присоединялся к друзьям и по дороге оглашал им то, что сложил за день. Я даже не заметил, как это вдруг мои песни стали повторять в ауле. Я не распевал их и не записывал. Мое новое занятие оказалось трудным и очень беспокойным для честного человека. Оно стало причинять мне много хлопот и мало радости.

Как-то во время отдыха у родника мы разговорились о мирских заботах. Прохожий мулла остановился здесь помолиться богу и после молитвы ради приличия ввязался в беседу. У меня тогда было очень плохо на душе: в тот день засудили моего знакомого, старого садовника, за долги сына, неделю назад убитого кровниками. Я сложил песню и спел ее громко. Мулла обиделся. Он ткнул меня посохом в грудь и начал кричать:

– Где это слыхано, чтобы голодранцы учили царских судей? Паршивый хвост! Твое дело плестись сзади, а думать за тебя, слава богу, поручено голове. Или, может быть, ты видел где-либо, чтобы ходили задом наперед? Скажи-ка!

Я вскочил с камня: слова муллы обожгли меня.

– Интересно, – сказал я, – разве на хвосте растут такие руки, – и, взяв за плечи, чуть-чуть приподнял муллу над родником. Тогда мои товарищи рассмеялись, и, по-моему, испортили все дело. Но мулла побелел и умчался в аул. За мной явился старшина. Меня забрали в

канцелярию, допрашивали и пытались посадить в тюрьму. Но пришли друзья. Они поклялись на Коране, что это просто недоразумение, и Сулейман, дескать, вовсе не со зла показал силу своих рук. Меня отпустили, строго-настрого предупредив, чтобы никогда больше не слагал я «грязных» песен. Я обещал.

Что мне оставалось делать? Правду говорить нельзя, а неправду говорить в стихах невозможно. После этого я много лет не оглашал новых песен, потому что не хотел рисковать своими глазами.

Когда-то давно в Кюринских горах жил у нас владетельный хан Мурсал. При нем был поэт, бедный ашуг Саид Кочхюрский. Слава Саида шла далеко, а хан не любил, чтобы при нем о других говорили хвалебное. Он скучал. Позвали ашуга.

– Пой, – сказал хан, у которого было восемь жен, и который скучал на этом свете.

Саид спел.

– Ты хорошо, кажется, спел», – сказал хан. – Ты мастер, но почему ты сморишь так дерзко? Ведь здесь присутствуют мои жены...

И выколол глаза ашугу.

Я слышал об этом не раз и хорошо помнил об этом. И поэтому решил беречь свои глаза. Но поэт, если только он не трус, молчать не может. Ему, против воли, будет тревожно от плохого и радостно от хорошего, а скрыть от мира, сохранить для себя свою песню ему не удастся. Поэт – это ореховое дерево. Покуда есть на его макушке хотя бы один-единственный плод, люди не перестанут швырять в него палками.

...Однажды я отправился в город на заработки. К тому времени обо мне, как о поэте, уже знали в народе, и, останавливаясь в Ашага-Стале, прохожие часто спрашивали о Сулеймане. В Дербенте после целого дня поисков работы я ночевал в караван-сараях¹⁵. Я был измучен, спал на пол. Вдруг слышу сквозь сон: кто-то поет мою песню. На сердце у меня стало непонятно радостно и сладко, и я впервые тогда почувствовал, как слезы стали подступать к горлу...

Со мной рядом в общей гостинице спало множество народу, таких же бедняков, как и я. Среди них были и лезгины. И вот слышу сквозь сон, как мою песню начинает заглушать другая, очень громкая и неуместная. То пел даландар¹⁶. Он начал спорить с бедняками, вы-

¹⁵ Караван-сарай – постоялый двор, гостиница.

¹⁶ Даландар – приказчик караван-сарая.

давая себя за лучшего певца и требуя от них в знак признания по четверти абаз¹⁷. Те отказывались, даландар настаивал. Тогда я встал.

– Эй, герой! – сказал я. – Ты от себя поешь или так, иногда чужое повторяешь?

– От себя.

– Тогда спой-ка, пожалуйста, об этом караван-сараяе и о нас, несчастных.

Даландар струсил. Подождал, подождал я и, не выдержав, начал по-своему. В караван-сараяе стало тихо, как в лесу. Всю ночь напролет слагал я песни, а наутро даландар снял свою папаху передо мной и отказался принять плату за ночлег.

В другой раз ко мне пришли только что вернувшиеся из Баку мои старые приятели, они рассказали мне печальную историю: на нефтяных промыслах была забастовка рабочих, но она кончилась неудачно, и их уволили, как зачинщиков.

Товарищи были печальны. Главное, в ауле пели про них оскорбительную песню. «Пляшите теперь, – пелось в ней, – повесьте на свои головы барабаны, отправьте жен своих на базар, пускай они продадут там свои матрасы и подушки, ибо вам, ослам, выгнанным палками с огорода, на что удобства?»

Эти стихи сочинил лезгинский поэт Гаджи, работавший тогда на промыслах вместе с моими товарищами, но не уволенный потому, что он всегда держал сторону хозяина.

Подлец! Разве я мог пройти мимо такого неслыханного случая? Я целый день бродил, не находя места, где бы мне было удобно. Я сочинил-таки ответ и спел его во всеуслышание со своей крыши. Мои друзья записали песню и, вложив ее в конверт, отправили в Баку. Помню, между прочим, там были такие слова: «Не отряхивайся грязными брызгами, паршивый пес. Не оскверняй звание поэта, ибо я вижу заранее, как голова твоя катится барабаном на свадьбе моих друзей».

Так, от случая к случаю, я слагал песни, подобно тому, как горячую, обжигающую пищу глотают осторожно, по маленькому кусочку...

Прошло пять лет. И вот я слышу однажды весной, что царя свергли, что все теперь равны, что настала свобода, так необходимая

¹⁷ Абаз – металлическая двугривенная монета.

народу. «Какая это свобода, – думаю я. – В судах по-прежнему властвуют над нами – интересная свобода, если только правда это».

Но потом закрутилось время. То англичане, то деникинцы, то бичераховцы, то аллаверды – кто их разобрал, кто их выдумал?

В то время я еще ничего не знал о большевиках, хотя и чуял сердцем, что кто-то должен прийти желанный народу и разогнать этот базар.

Я думаю много... Мимо моей сакли проезжали люди и спрашивали моего совета. Но я не всегда торопилась с ответом. Я знал: язык не нога – споткнувшись языком, часто остаешься лежать на земле, не в силах подняться.

Однажды в Касумкент пришли интервенты и повесили трех моих односельчан. За что? Оказывается, они были большевиками и шли из Баку к нам на помощь.

«Ого! – подумал я, – земля наша, горы наши, а люди, которых вешают и убивают, ведь тоже наши... Что же это такое? Значит, большевики, – это, выходит, мы сами, а чужие люди тут хозяйничают?»

В тот же день на улице встретился мне мой бывший хозяин.

– Сулейман, – сказал он, – почему ты не сложил песню в честь Казем-бея? Или бережешь ее для большевиков?

Я промолчал.

– Этот мир – колесо, – прибавил хозяин, – все время крутится, все время крутится..

– Неправильно крутится, – оборвал я его.

– Постой, постой, уж не просится ли твоя шея на крючок?

– Нет, ответил я. – крючок любит сало, а моя шея сплошь из мозолей.

В тот день, наверное, в моей крови одна капля заговорила по-большевистски. Я не стал ей, я дал ей волю... Ее голос оказался властным. Он стал родным...

Мои песни – как плач

Мне чужбина зажала сердце в тиски,¹⁸
Разъедает мне душу печали и горе!
В рот не лезут сухие чужие куски
Мои песни, как плач, зазвучали, о горе!

Кто поможет? Пред кем свое сердце раскрыть?
О мучениях, обидах кому говорить?
Что загублена юность, кому объяснить?
Богачи с меня шкуру содрали, о горе!

Как тебя, мой огонь потушу? Словно печь
Затащили меня, чтобы заново сжечь!
Надо скрыться, бежать!... Как тебя уберечь?
А ведь был я веселым вначале!...О горе!

Соловей

На яблоне, в листве густой,
Поет бессменный соловей,
Как чист, как нежный голос твой,
О вдохновенный соловей!

Поешь от мира отрешась,
Беспечен, счастлив ты сейчас.
Ах, дела нет тебе до нас,
Благословенный соловей!

Ты презирать людей готов,
Звеня в саду на сто ладов.
Но, трус, бежишь от холодов.
Стыдись, надменный соловей!

Постой куда ты? Страхи брось!
Поведай, как тебе жилось
Быть может голодать пришлось?
Будь откровенным, соловей

¹⁸ Зажала сердце в тиски – причинила душевную боль.

Но в эту зиму ты не дорог,
Был зимний день к тебе не строг.
Все краски ты свои сберег,
Мой несравненный соловей.

Вот взвился ястреб... Скройся прочь
В густую тень, в лесную ночь!
Могу ли я тебе помочь,
Мой дерзновенный соловей?

Конца не знаешь звону ты,
Не знаешь угомону ты,
Подобен граммофону ты,
Краса вселенной соловей!

Беспечность резвую забудь!
Гнездо найди! Со мной побудь!
И звуки Сулейману в грудь
Вливай, бесценный соловей!

Судьи

Вы продали б родную мать,
Не знаете вы состраданья, судьи.
И если взятки вам не дать,
Оставьте нас без вниманья, судьи.

С утра вершить начнете суд,
А сатана уж тут как тут!
Бедняк невинен? Упекут!...
Постыдны ваши все деянья, судьи.

Умеете сто тысяч раз
Дела терять, забыв о нас,
Стоять, потупив жадность глаз,
Когда не видите даянья, судьи.

Довольно грабить всё и всех!
Довольно ждать земных утех!

Ужасен ваш, поймите, грех,
Вас ждет большое наказание, судьи.

Ну, что с того, что вы, мошной
Кичась, стоите к нам спиной?
Награждены вы сатаной,
Но совести страшны терзанья, судьи.

Века вы грабили, века!
Довольно грабить бедняка!
От Сулеймана в вас, крепка,
Летит стрела негодованья, судьи.

Гневные строки

Иной готов прослыть ослом,
Найти сумеет в этом прок.
Под выжженным на лбу тавром
Сумеет притаить порок.

Иной решает – я силен,
Вынослив и могуч, как слон, –
Но, тяжелой кладью нагружен,
В дороге свалится он с ног.

Собой гордится он весьма,
Пусть нет и зернышка ума.
В башке пустой – густая тьма
Но хвастает – как я глубок!

Иной спесив, а не поймет,
Где горький яд, где сладкий мед.
Сует пирог сладчайший в рот,
Но превратится в яд пирог.

Бесчестье у него в груди,
В бою всегда он позади.
Ударишь – стерпит... А гляди:
Он важничает, как пророк!

Во всем, что скажет он, расчет,
Солгать прикажут – он солжет.
Мерзавцу лошади помет
Щитом сумеет стать на срок!

Его лицо светло, как бязь,
Его нутро – сплошная грязь.
Он всех, угодливо смеясь,
Скрутить в бараний хочет рог.

С кем, Сулейман, вступил ты в
Пусть узнает себя любой,
Идущий грязною тропой,
Сраженный силой гневных строк.

Не обидно ль?

С прохвостом подружиться, брат,
С презренным вором – не обидно ль?
Коль сердце честное стыдят,
Клеймят позором – не обидно ль?

Негодника впустив в свой дом,
Вести беседу с подлецом,
И цену придавать потом
Тем разговорам – не постыдно ль?

Иной считает из заик,
Что тайны речи не постиг,
Слюною брызжет, а привык
К похвальным хорам – не обидно ль?

Иной товарищ к правде глух,
И ложь ему ласкает слух,
И это – тягостный недуг, –
Таким быть хворым не обидно ль?

Я мужа знаю и одну
Ему подобную жену–

Из зависти прибьют. Ну-ну,
Стремиться к ссорам не обидно ль?

Затем лишь Мекку посетить,
Чтоб звание Хаджи носить,
Весь округ клеветой мутить
И наговорам – не постыдно ль?

Я многое сказать бы мог,
Но ясен Стальского намек.
Когда уродство и порок
Пред нашим взором – не обидно ль?

Колхозница Инджихан

Я вышел в поле, где жнитва,
Она трудом увлечена, я видел,
Серп исчезал, мелькнув едва,
Она трудом увлечена.

Как сладко на душе, когда
Немало твоего труда
Лежит в зерне... Страда, страда!
Она трудом увлечена, я видел.

Шла впереди. За нею – строй
Стирая пот со лба порой,
Бросала длинных связей рой.
Она трудом увлечена, я видел.

С кольцом на пальце роговым,
Серпом взмахнет – под стать двоим.
Я поразился... Ты своим
Трудом увлечена, я видел.

Прислала столько ты возов,
Нажала столько ты снопов!..
О, легкий быстрый взмах серпов!
Так трудится страна, я видел!

Ребята

От Сулеймана вам привет,
Страна цветет для вас, ребята.
В стране для вас встает рассвет,
Для ваших умных глаз, ребята.

Гоните прочь злодейку лень,
Встречайте песней каждый день,
Чтоб тень от солнца, как олень,
Скакала к вам, резвясь, ребята.

Вам все открыто , тетрадь.
Вам можно плавать и летать.
И звездный блеск и моря гладь
Всегда пленяет вас, ребята.

Просторен мир наш и велик,
В нем много счастья, много книг,
Но чтобы каждый все постиг,
Учитесь каждый час, ребята

Из края в край, весны полна,
Вас воспитавшая страна
Пускай цветет, сильна, стройна.
Сверкая, как алмаз, ребята.

Погибни, старый, мертвый мир!

Нам помыслы твои видны,
Погибни, старый, мертвый мир!
С тобой мы не были дружны,
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты мучил нас, – за каждый стон

Платили мы тебе прогон¹⁹.
Будь проклят подлый твой закон!
Будь в прах и пепел превращен,
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты был к отверженным суров,
В ярме держал нас как, волов !
С богатыми, среди пиров,
Делил сокровища миров, –
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты в темноте держал сердца, –
Ты презирал и серп жнеца,
И тяжкий молот кузнеца,
И ненавидел ты борца, –
Погибни, старый, мертвый мир!
Ты наставлял нас, обобрав,

От глупости лекарства нет

Незрячий книгу написать
(Ведь свет закрыт слепцам) не может.
Хвастун умеет лишь болтать,
Вести дела с таким – кто может?

Поможет ли глупцу совет? –
От глупости лекарства нет.
Никто приличный сшить бешмет,²⁰
Не будучи портным, не может.

Лишь тараторят болтуны,
Но, если в небе нет луны, –
И ночи без нее темны.
Мрак светом быть дневным не может.

Глупец зовет чужим свой дом,

¹⁹ Прогон – плата за проезд на почтовых лошадях и оплата проезда по железной дороге офицеров и чиновником.

²⁰ Бешмет – стеганный мужской кафтан.

А понедельник четвергом.
Хлеба на десять верст кругом
Убрать серпом одним кто сможет?
За рис простой ячмень приняв,
Ты варишь из него пилав,
Ячмень и с множеством приправ
Стать рисом дорогим не сможет.

Песок, хоть насыпай в сусек,
Не выйдет из него чурек.
Навоз не поле. И вовек
Грязь быть ничем другим не может.

Дела у глупых – никуда,
А речи хороши всегда.
Самур соли, – в реке вода
Быть с привкусом морским не может.

Мне долго ли учить глупцов,
Намеками моих стихов?
В лисиц не превратить слонов, –
Слон зверем быть иным не может.

Умеет Сулейман слагать
Стихи. Его душа – тетрадь!
И может ли шаир²¹ смешать
Хорошее с дурным? – Не может.

Табунщину

Из кожи лезь, потей за двух,²²
Когда коней пасешь, табунщик,
Не то от частых оплеух
Зубов ты не сочтешь, табунщик.
Не то прогонят батрака.
Не заплатив ни пятака,²³

²¹ Шаир – поэт.

²² Из кожи лезь, потей за двух – старайся изо всех сил.

²³ Не заплатив ни пятака – не заплатив ничего.

К суду притянут бедняка, –
И вовсе пропадешь, табунщик!
Не доверяйся потому
Ты из хозяев никому:
За горло схватят, и нему
Еще приставят нож, табунщик.
Тебе ночная тишина
Покажется мрачна, страшна,
Тебя измучает она, –
От мыслей не уснешь, табунщик!
Я ведал горе, видел я
И трупы в тучах воронья...
Я не родился для вранья, –
Слова мои – не ложь, табунщик.
Таскаешь на себе дрова...
Пойми, пустая голова,²⁴
И оцени мои слова:
Как зиму заведешь, табунщик?
Завистник думает, что твой
Хозяин делит хлеб с тобой, –
А он тебе скупой рукой
Мякину²⁵ сыплет в рожь, табунщик.
Певец из Сталя произвол²⁶
Хозяйский знает: ты пришел
К хозяину и нищ, и гол,
Таким же и уйдешь, табунщик.

Сорняки

Для этих – добрые дела
Посулами, словами стали.
Красиво речь их потекла,
Зато гнушаться нами стали.

Их грош поломанный прельстит,

²⁴ Пустая голова – лишенная ума, глупая голова.

²⁵ Мякина – отходы, остатки колосьев, стеблей при молотье.

²⁶ Произвол – не давать отчета в своих действиях, поступках, не считаться ни с кем и ни с чем, то и есть своеволие.

Продать готовы честь и стыд.
Какой высокомерный вид, –
Как будто узденями стали!
Их одолеет ночью прыть –
Велят крестьянина будить,
За бочкой пива снарядить, –
Султанами, царями стали!

Ведут себя не по-людски,
Живут впустую, по-скотски,
Их презирают старики,
Они нам чужаками стали.

Напыжятся, уста сомкнут,
Кто похрабрее – тех согнут,
Кто потрусливей – тех пугнут, –
Подумать, господами стали.

Кричат: «Я – друг вам, друг и брат», –
Хинин прослыть мукою рад!
Казаться зайцами хотят,
А хищными волками стали.

Кричат: «Партийцы мы!» – Обман:
Набили взятками карман!
Выдергивай их, Сулейман:
Они ведь сорняками стали!

Нехорошо

Махать напрасно кулаком,
Хоть ты и хват, – нехорошо.
И говорить о том, о сем,
Но невпопад – нехорошо.

Гордиться яркою свечой,
На взятки купленной тобой,
Хотя ты свечке дорогой,
Конечно, рад, нехорошо.

Сам убедись, как низок ты:
Личиной скромной правоты
Дурные прикрывать черты –
Порок и яд – нехорошо.
Меня ты выслушай, дружок!
В слезах чужих какой нам прок?
Нос задирать под потолок
Все говорят – нехорошо.

Высокомерный суеслов,
Своих лишен ты будешь слов, –
Поплатишься в конце концов.
А это – вряд ли хорошо.

Уж многих и в помине нет,
С которых списан твой портрет.
Пролить, сломав себе хребет,
Слез водопад – нехорошо.

Поберегись, чтоб как-нибудь
В дороге шеи не свернуть.
Нестись галопом там, где путь
Разрыт, размыт, – нехорошо.

Будь честен всюду и везде
И взятки не давай в суде:
Считать, что взятки на суде
Твой адвокат, – нехорошо.

Мне, Сулейману, как не знать
Грехи людские! Клеветать,
Друзей за деньги продавать –
Вот это, брат, – нехорошо!

Кто ханом возомнил себя...

Кто ханом возомнил себя,
Тот умных оттеснить готов.
Себя единого любя,
Он прочих всех судить готов.

Тот, кто умишком недалек,
Всегда слюною на песок
Свирепо брызжет... Волосок
Бревном изобразить готов!

Шелк перепутав с коноплей,
А жен – с мужьями, шут шальной
Берет в ладошку ком земной –
И крепость возводить готов!

Не различает тьму и свет,
Всю жизнь несет какой-то бред...
Эй, бестолковый! Сколько лет
Ты сам себя хвалить готов?

Вперед иль вспять? Заводит спор
И, за палас приняв ковер,
Осла двухлетнего – вот вздор! –
Верблюдом объявить готов.

Эй, дурень! Почеши калган:
Кто выбьет из него туман?
Поэт из Стала, Сулейман, –
Он хворь твою лечить готов!

Не сможет

Аллаха сведущим пером
Никто другой писать не сможет,
Весь даже род людской умом
Узреть его, объять не сможет.

Вне времени он и незрим,
К советам не привык чужим.
Тот, кто советуется с ним,
Его глагол слышать не сможет.

Он не садится, не встает,
И не кричит он, не зовет,
И в зиму – в самый лютый год–
Мороз его сковать не сможет.
Он Бог, он Господин миров,
Без слуг и без жандармов-псов.
Никто из нас посредством слов
Его изображать не сможет.

Как современный наш алим²⁷
Иль государственный хаким²⁸
Он не кичлив. Хвастливым сим
Он ровней вовсе стать не сможет.

Повсюду свет чудес того,
Зовут по-разному кого.
И волю высшую его
Никто ведь удержать не сможет.

Он падишах, но без страны,
Аяты им озарены.
Его мечты добра полны –
Себя ожесточать не сможет.

Ты, Сулейман, не уставай,
Вслух эти мысли повторяй,
Аллаху славу воздавай,
Что в сердце истлевать не сможет.

²⁷ Алим – ученый.

²⁸ Хаким – чиновник.

О бранный ты, мир

Ты не гордишься востю собой,
Не каждому ты мил, о мир,
Ты дом на время, не родной,
Ты просто прах, ты пыль, о мир.
Адама, праотца людей,
Отца языческих затей,
Рустама²⁹, нет кого сильнее,
Куда ты удалил, о мир?

Тебе – пристанищу всех бед
Довериться желанья нет...
Пророки были – высший свет,
Куда ты их свалил, о мир?

Являясь другом Бога сам,
Свет Божий подаривший нам,
Провозгласивший нам Калам
Посланец где? Забыл, о мир?

У нас, замученных, злодей,
Ты отнял Господа друзей.
Где мастер тот, кто из камней
Каабу³⁰ соорудил, о мир?

Тот, кто благочестив, умен,
Изведал, как ты зол, мудрен.
Юнца-красавца всех времен
Юсуфа³¹ ты убил, о мир.

Любой хадис³² возьми – он прав,
Что у тебя недобрый нрав.
Ты, другом дьявола избрав,
Мне душу охладил, о мир.

²⁹ Рустам – сказочный великан.

³⁰ Кааба – главное святилище ислама.

³¹ Юсуф – праведник и пророк, библейский Иосиф, символ красоты и благородства.

³² Хадис – предания о поступках и изречениях пророка Мухаммада.

Муса³³, Иса³⁴, затем Али,
Что с Богом разговор вели,
Посланец Господа – внемли,–
Сказали: ты постыл, о мир.
С тобой коль дружбу заведешь,
Не защитишь ты, не спасешь.
Намруда башню – и ту сплошь
Ты рьяно разгромил, о мир.
Имеют вещи свой черед:
Посадишь семя – прорастет.
Но ведь и День Суда грядет
Остудишь там свой пыл, о мир.

А правоверный люд простой
Никак не свяжется с тобой.
А Сулейману б знать, в какой
Душе гнездо он свил, о мир.

³³ Муса – пророк и посланник Аллаха, которому было ниспослано Писание, Моисей.

³⁴ Иса – особо почитаемый пророк, последний перед Мухаммедом.

Раздел 2
СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ В ШКОЛЕ

Курбанова З. Г.

**МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СУЛЕЙМАНА
СТАЛЬСКОГО НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ**

Для изучения биографии известного поэта С. Стальского можно применить исследовательские уроки, которые предполагают обязательную поисковую работу, к тому же воспроизводят саму форму исследовательской работы или на предварительной стадии (сбор материала), или в форме презентации итогов проведенного исследования (выступления на уроке, конференции, симпозиуме и т. д.). Метод проектов понимается как совокупность учебно-познавательных приемов, при помощи которых решают ту или иную проблему. В основе этого метода лежит самостоятельная деятельность учащихся, обязательным является и презентация результатов работы. Метод проектов может быть реализован как коллективной, групповой, так и индивидуальной формой. Учитель заранее определяет источники, консультирует по объему материалов выступления, устанавливает регламент, готовит необходимое техническое оборудование, выставку книг, портретов поэта. Учитель должен представить две известные работы замечательных дагестанских художников М.-А. Джемала и Аскара-Сарыджи и сопроводить их беседой об особенностях каждого портрета. Портрет С. Стальского работы Джемала лишен всякой парадности. Старый горец изображен спящим на тахте, устланной сумахом, в непринужденной позе. Одна нога его согнута, видно это привычная для него поза. Несмотря на преклонный возраст старого поэта, от всей его фигуры веет легкостью и подвижностью. Художник удивительно тонко передает характер, внутреннюю сущность человека. Говоря об особенности портретного искусства Джемала – изображать человека в естественном состоянии, в повседневной обстановке – Г. Цадаса очень верно подмечает в своем стихотворении:

Глянул вправо – среди них
Мой приятель, Сулейман,

Курит трубку, расстегнув,
Ватный, стеганный кафтан!³⁵

Образ «Гомера XX века» передан очень верно и колоритно. Портрет С. Стальского работы Аскара-Сарыджи более параден и торжественен. Он лишен всяких намеков на будничность и непринужденность. А лицо поэта сосредоточено, он изображен в момент вдохновения. Детали национальной одежды – мохнатая папаха, овчинная шуба, хотя и придают колорит портрету, но отодвинуты на задний план. В центре сам поэт, его вдохновленный образ, черты лица. Так на примере этих двух портретов учитель должен подвести учащихся к мысли об индивидуальной оценке художественных образов, о собственном видении, и передачи внешнего и внутреннего состояния героя.

Для обстоятельного и детального изучения жизни и творчества прославленного поэта Дагестана Сулеймана Стальского необходимо обратиться к литературоведческим исследованиям Г. Г. Гашарова³⁶. Можно разделить сообщения и доклады по следующим темам:

1. Ранее творчество поэта.
2. История создания стихотворения «Соловей» и его проблематика.
3. Сатирические традиции в поэзии С. Стальского.
4. Социально-политическая лирика С. Стальского.
5. Второй период его творчества (1917–1920): стихи о революции и гражданской войне.
6. Лирика советского периода: патриотическая и сатирическая тематика третьего периода (поэма «Дагестан»). Рассказ можно сопровождать мультимедийными средствами – видеозаписью выступления поэта на I Всероссийском съезде советских писателей, прослушиванием живого голоса поэта из фонохрестоматии.
7. Высказывания М. Горького, Э. Капиева, А. Г. Агаева, К. Султанова, Н. Капиевой, П. А. Павленко о С. Стальском.

Медиа-, мультимедиа урок – это урок, на котором используется компьютерная техника и программные средства, урок с компьютерной поддержкой. Урок строится по той же структуре, что и традиционный: актуализация знаний, объяснение нового, закрепление, кон-

³⁵ Цадаса Г. Выставка Джемала (шутка). Перевод Н. Капиевой, архив Г. Цадасы.

³⁶ Гашаров Г. Г. Лезгинская литература: история и современность Дагестанское книжное издательство. Махачкала, 1998. – С.87-116.

троль. Используются те же методы: объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, частично – поисковый и другие.

«Рассказ о себе», записанный Э. Капиевым со слов С. Стальского и опубликованный в газете «Правда» раскрывает все вехи жизни и творчества поэта, показывает его становление как выразителя народных дум и чаяний, певца новой жизни, сражающегося с людскими пороками с помощью острого и мудрого слова. Рассказ написан от первого лица, что, несомненно, усиливает документальность и биографичность изложенного материала.

Стихотворение «Соловей», по мнению всех писавших о Сулеймане, является первым по времени произведением поэта. Хотя еще в 1935 П. А. Павленко верно заметил, что «сочинять стихи и петь он (Сулейман) начал в раннем детстве»³⁷.

Тема о соловье – птице любви, счастья – в восточной поэзии имела давнее, укоренившееся на протяжении веков толкование. Сулейман Стальский смело пошел на разрыв с установившейся традицией и традиционную тему раскрыл в совершенно новом аспекте. Он впервые упомянул соловья – «красу вселенной» – в равнодушии к людским страданиям, в бегстве от реальной действительности. Стихотворение заканчивается призывом, обращенным к «беспечному соловью»:

Беспечность резвую забудь!
Гнездо найди. Со мной побудь!
И звуки Сулейману в грудь
Вливай, бесценный соловей!

(Перевод С. Липкина)

По меткому выражению Г. М. Корабельникова, «Сулейман низводит соловья с царского престола, на который его подняли лирики прошлого, и с дерзостью, исключительной не только для лезгинского ашуга, говорит о певце, далеком от жизненных интересов общества: «Подобен граммофону ты»³⁸.

Стихотворение «Соловей» было сочинено С. Стальским в самом начале 20 века – в 1900 году. В новый век он вступил с новой профес-

³⁷ П. А. Павленко. Собрание сочинений в шести томах, т. 6, М., Гослитиздат, 1955В дальнейшем все ссылки в тексте на сочинения Павленко даются по этому изданию. С. 70.

³⁸ Г. Корабельников. Дорога к образу. Из размышлений критика. М., «Советский писатель» №, 1975, с. 196.

сией, ставшей делом его жизни, – профессией поэта, которую он понимал как верное служение родному народу.

Стихотворение написано в форме «гошмы», каждая четвертая строфа восьми стихов текста – обращение к соловью, 2 и 8 стих повторяют друг друга, но при этом, совершенно одинаковые, они парадоксально приобретают разное звучание и смысл. Если первый стих – восхищение нежностью и чистотой голоса соловья, второе четверостишие – укор тому, кто беспечен и далек от мирских забот, то последующие строфы несут в себе явное осуждение и даже гневное обличение тех, кто равнодушен к бедам и страданиям других. Каждый из восьми стихов текста несет в себе определенный посыл к герою. Первый стих – бесценный соловей, второй стих – беспечен и счастлив, третий стих – трус, надменный, четвертый – быть может, голодать пришлось? Пятый стих – в эту зиму ты не дрог, шестой стих – не знаешь угомону ты, седьмой стих – гнездо найди, восьмой – ах, дела нет тебе для нас. Совершенно меняется эмоциональная окраска предложений. В седьмом стихе в конце каждой строфы восклицательный знак, что передает душевное состояние, негодование поэта, эпитет «бесценный соловей» приобретает сатирическое звучание. А в последнем четверостишии прилагательное «благословенный» звучит уже как сарказм, явное осуждение соловья, эгоиста, не способного сопереживать, «слепого и глухого» к народному горю. По последней строфе стихотворения, где используются различные эпитеты, можно определить, как меняется отношение автора к своему герою (вдохновенный, благословенный, надменный, несравненный, краса вселенной, бесценный); легкий укор сменяется возмущением, а в последующем негодованием, обличением и даже полным неприятием преступного равнодушия. Таким образом, на примере стихотворения «Соловей» мы можем проследить, как меняется гражданская позиция самого поэта, происходит его духовное становление, нравственный выбор, определяется сознание места и роли поэта в жизни людей. Важно отметить символичность этого произведения С. Стальского, как продолжателя лучших традиций в лезгинской литературе (сравнить со стихотворением Е. Эмина «Соловей»). На обобщающем этапе работы с поэтическим текстом можно составить синквейн:

1. Соловей
2. Благословенный, надменный, беспечный
3. Поешь, от мира отрешась; бежишь от холодов;
4. Все краски ты свои сберег

5. Ах, дела нет тебе до нас! Стыдись!

Чтобы раскрыть положение самого поэта в дореволюционный период, можно привести его: «Правду говорить нельзя, а неправду говорить в стихах невозможно». В его дореволюционной лирике изобличены конкретные носители – чиновники, религиозные служители, судьи, торгаши, сельские богатеи. По справедливому утверждению известного литературоведа Камиля Султанова, «политическая лирика С. Стальского счастливо сочетает в себе высокую идейность с большой эмоциональной силой»³⁹. Он правдиво и очень убедительно показывает типичные черты угнетателей народа. Говоря, например, о старшине, поэт не считает себя в праве ограничиться общей отрицательной оценкой его антинародной деятельности, а показывает его внутренний мир и находит, что и «душой он очень нехорош», ему свойственны грубость, бесчестность и продажность. В дореволюционных произведениях Стальского сильно доставалось представителям реакционного духовенства. Он неоднократно возвращался к теме о низких и коварных проделках мулл и изобличал их перед всем народом. Рассуждая о сатире Сулеймана Стальского на мулл, нельзя не сказать, что ни в коем случае не выступал против мусульманской религии. Он был верующим человеком. Разоблачая отдельных служителей культа, он выступал против нарушения ими предписаний той же религии. К «образцовой горской политической лирике» можно отнести стихотворение «Судьи», написанное С. Стальским в 1913 году, оно остро злободневно и слагалось по горячим следам событий. Вот что пишет А. Агаев о причине, побудившей поэта обратиться к этой теме: «...Как-то к С. Стальскому на балкон поднялся живший по соседству старый садовод Алимет. Он возвращался из суда и был мрачнее тучи... Оказывается, Алимет был жестоко обманут и одурачен судьей Мирзаметом. Неделю назад старик похоронил сына, убитого кровниками, но не успели просохнуть родительские слезы, как объявились люди, которые стали требовать возвращения долгов, взятых, якобы, покойным... – Мне что делать, Сулейман, – сокрушался Алимет, – может быть, ты чем утетишь, шаир?»⁴⁰. И Сулейман утетишил его стихотворением «Судьи», в котором с большой выразительностью и неслыханной смелостью обрушил на головы царских ставленников «град обвинений»:

³⁹ Султанов К. Этюды о литературах Дагестана. Советский писатель. Москва. 1978. С. 30

⁴⁰ Агаев А.Г. Сулейман Стальский. С. 111.

Вы продали бы родную мать,
 Не знаете вы сострадания, судьи,
 И если взятки вам не дать,
 Оставьте нас без внимания, судьи.

Судьи в его стихотворении предстают не защитниками справедливости, а служителями сатаны, преследующими невинных бедняков. Очень тонко подмечена поэтом подлейшая способность служителей Фемиды «сто тысяч раз дела терять», «потупив жадность глаз», когда нет подношений. Предложения эмоционально окрашены, насыщены обращениями, односоставными предложениями, обозначающими неприглядные действия вершителей людских судеб. В последних четверостишиях мы видим гневное обличение грабителей народа. Поэт призывает их одуматься и осознать грех, всю его пагубность, так как «совести страшны терзанья». С. Стальский рисует образ кичащихся своей мощной и стоящих спиной к людям служителей сатаны – так поразительно ярко и точно названы антигерои стихотворения, судьи. Поэт на стороне обиженных и ограбленных, тех, кто веками терпит гнет. Его праведный гнев и негодование, как стрелы, направлены против притеснителей.

В следующем стихотворении «Гневные строки» поэт обрушивается всей силой своего негодования и поэтического мастерства на человеческие пороки. Для определения авторской позиции можно предложить табличный вариант, позволяющий визуализировать абстрактные понятия и дать им свою оценку.

Сатира как способ выражения авторской позиции

Лирический текст	Какие человеческие пороки клеймит поэт?
Иной готов прослыть ослом, – Найти сумеет в этом прок. Под выжженным на лбу тавром Сумеет притаить порок.	Притворство и угодливость
Иной решает – я силен, Вынослив и могуч, как слон, – Но тяжкой кладью нагружен, В дороге свалится он с ног.	Завышенная оценка, самомнение Хвастовство, бахвальство

Собой гордится он весьма, Хоть нет и зернышка ума. В башке пустой – густая тьма, Но хвастает: как я глубок.	
Иной спесив, а не поймет, Где горький яд, где сладкий мед. Сует пирог сладчайший в рот, – Но превратится в яд пирог	Раболепие и снобизм
Бесчестье у него в груди, В бою всегда он позади. Ударишь – стерпит... А гляди: Он важничает, как пророк!	Трусость и высокомерие
Во всем, что скажет он, – расчет. Солгать прикажут – он солжет. Мерзавцу лошади помет Щитом сумеет стать на срок!	Лживость и расчетливость
Его лицо светло, как бязь, Его нутро – сплошная грязь. Он всех, угодливо смеясь, Скрутить в бараний хочет рог	Интриганство и мстительность

Последнее четверостишие, концовка, определяет непримиримый боевой настрой поэта, сражающегося «силой гневных строк» с любым, «идущим грязною тропой». Важно подчеркнуть именно сатирическую направленность стихотворения «Гневные строки». Для этого необходимо предложить учащимся выбрать из трех предложенных литературно-художественных приемов тот, что определил для выражения своей гражданской и нравственной позиции С. Стальский:

Ирония – сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт или противоречит (противопоставляется) явному смыслу; вид тропа: выражающее насмешку лукавого иносказания, когда в контексте речи слова употребляются в смысле, противоположном их буквальному значению. Ирония в переводе означает "притворство", "насмешка". Она возникает, когда на словах говорится одно, а подразумевается совсем другое, противоположное.

Сатира – острое проявление комического в литературе и искусстве, обличающее пороки как отдельных людей, так и всего общества или государственного строя.

Сарказм – это насмешка, которая может открываться позитивным суждением, но в целом содержит негативную окраску и указывает на недостаток человека, предмета или явления, то и есть того, в отношении чего происходит.

В дальнейшем, анализируя стихотворения «Не обидно ль?», «От глупости лекарства нет» можно использовать такие таблицы для определения идейной направленности произведений С. Стальского.

ЖИЛ ПОЭТ В АШАГА-СТАЛЕ

(Из книги Р. М. Кельбеханова «Сулейман Стальский в школе»)

Весной 1933 года в Дагестане побывала группа известных советских писателей: Н. Тихонов, П. Павленко, В. Луговской. Они навестили Сулеймана Стальского. На родину поэта, в селении Ашага-Стал, гостей сопровождали Р. Фатуев, Ю Шовкринский и А. Фатахов.

Писатели увидели Стальского совсем не таким, каким его им рисовало воображение. «К ним навстречу вышел невысокого роста старик, – пишет Тихонов. – Его домашний бешмет был сильно поношен, и появился этот человек не из дома, а откуда-то с боку, из-за дерева. Он шел тихо обняв своей сухой, небольшой рукой шею маленького буйволена, которому ужасно хотелось порезвиться на свободе. Старик был босиком...»⁴¹.

При виде незнакомых людей, продолжает Тихонов, старик несколько смутился, но, узнав, что они к нему, «с чувством собственного достоинства» пригласил нас в дом.

«В его жестах и движениях не было ни намека на угодливость или беспокойную суетливость, – отмечает Фатуев. – Он принял нас как равных и близких его делу людей, словно это было обычно, что люди за многие сотни километров приехали к нему в гости»⁴².

«Кунацкая» оказалась тесна, поэтому гости и хозяин для беседы облюбовали полянку в роще перед домом. Здесь, по рассказу Тихонова, Сулейман попросил их «почитать стихи по-русски». Те заметили,

⁴¹ Н. Тихонов. Двойная радуга.– М., Советский писатель, 1964. С. 295.

⁴² Прожектор, 1934, №12, с. 20.

что он, не зная языка, вероятно, ничего не поймет. Но Сулейман улыбнулся и сказал: «Поэт поэта узнает по голосу»⁴³.

Так в ничем, казалось бы, непримечательном старике писателям открылся человек, хорошо понимающий природу поэзии, тонко ее чувствующий; человек, целиком находящийся «во власти слова, рождающегося в глубине сердца»⁴⁴.

По просьбе гостей и старый поэт читал свои стихи. Н. С. Тихонов так передает свое впечатление: «Это был рассказ вечного батрака, вечного труженика полей и городов, и я подумал, что в могучей простоте, в откровенной... грубой, как каменистая почва горных краев, правде его стихов говорит жизнь, какую принимай как хочешь. Но не почувствовать эту страсть, эту силу, найденную в самой природе, ты не сможешь»⁴⁵.

А вот как передает свое первое впечатление Р. Фатуев: «Этот старик, – пишет он, – поражал своим знанием жизни и страстной любовью к своему делу. Кое-кто из нас торопился записать его спокойную речь, речь настоящего мудреца и философа, зная, что этот день не будет повторен после. Старик говорил, как человек, умеющий видеть то, что не всегда заметно для каждого. Его наблюдения поражали нас своей остротой и необыкновенной ясностью. Так могут видеть и понимать только люди большого жизненного опыта и богатые внутренней жизнью. Так могут видеть жизнь только настоящие поэты»⁴⁶.

П. Павленко замечает, что Сулеймана «нельзя...назвать неграмотным, хотя он, действительно, не пишет и не читает»⁴⁷. Да, Сулейман Стальский был человеком, глубоко внутренне одухотворенным от природы. И его характеризовало, прежде всего, великое жизнелюбие и замечательно развитое чувство нового. В своем сердце он словно вмещал весь мир. Это и подчеркнул Н. Тихонов в отклике на смерть поэта: «Он был жадный до жизни человек... На все новое откликался с живостью юноши... Из маленького аула своего зорко следил он за огромной жизнью, и ни одно событие не проходило вне его внимания. Он не умел читать, но он умел, как никто, слушать голос мира»⁴⁸.

⁴³ Н. Тихонов. Двойная радуга, с. 297.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Н. Тихонов. Двойная радуга, с. 298.

⁴⁶ Р. Фатуев. Певец кюринских предгорий. – Прожектор, 1934, № 12, с. 20.

⁴⁷ П. Павленко. Писатель и жизнь. – М.: Советский писатель, 1955, с. 166.

⁴⁸ Н. Тихонов. Большое сердце. – Литературная газета, 1937, № 64, 26 ноября.

Важные фактические сведения о поэте находим также в воспоминаниях его родных, в очерке Эффенди Капиева и других дагестанских ученых.

Так, например, Мусаиб Стальский в «Рассказе об отце» обращает внимание на изумительную память Сулеймана: «Когда мне поручили записать произведения поэта, он легко продиктовал мне пять тысяч своих стихов, включая и созданные до революции. Я не помню случая, чтобы отец сбился, забыл, хотя бы одно слово их своей жемчужной сокровищницы»⁴⁹.

Об этом и говорит Эффенди Капиев: «Память у него была феноменальная, он (Сулейман) держал в голове многие тысячи строк своих и тысяч строк чужих стихов»⁵⁰.

А. Годник в 1937 году свидетельствовал: «В изданном сборнике Етима Эмина большинство песен записано со слов Сулеймана Стальского»⁵¹.

С самых разных сторон предстает поэт из очерков, мемуаров, отдельных высказываний о нем. В частности, Гамзат Цадаса, очень любивший Сулеймана, восхищался не только умом и редкой памятью его, но и тем, как тонко понимал он вопросы творчества⁵².

Сулейман Стальский был чутким, отзывчивым, внимательным к людям человеком и большим общественником. Интересы народа, страны были для него всегда на первом плане. С. Мехтиев вспоминает: «Старая подруга Сулеймана (жена) рассказывает: «Вот он все время говорит о нашей стране, о советских людях, а о себе, о своей жизни – никогда»⁵³.

Показателен в свете сказанного и такой эпизод. Во время работы I съезда дагестанских писателей, на очередном заседании, после стихотворного выступления Сулеймана Стальского был объявлен перерыв. Эффенди Капиева и старого поэта, вышедших прогуляться застал дождь. Они укрылись под навесом чьих-то ворот. «И тут выяснилось, – пишет Капиев, – что Сулейман вовсе не думает о том, какое впечатление произвело его выступление на слушателей. Он, помолчав, сказал: «Очень хорошо, что идет дождь! Сейчас как раз посевы кончили, и в нашем ауле, в нашем колхозе все ждут дождя! Как хо-

⁴⁹ С. Стальский. Сборник материалов. – Махачкала: Даггиз, 1939, с. 100.

⁵⁰ Эффенди Капиев. Избранное. – М.: Худ. Лит-ра, 1959, с. 644.

⁵¹ ЦГА ДАССР. Фонд Сулеймана Стальского, р.– 1066, оп. I, ед, хр, 123, л. 15.

⁵² Там же, л. 8.

⁵³ С. Мехтиев. В последние дни. (Сб. «Сулейман Стальский».– Махачкала, 1939. С. 109).

рошо, что идет дождь!»... Таков он был – простой, скромный человек из народа, думающий везде и каждую минуту о своем колхозе, о своей земле, о полях, засеянных народом»⁵⁴.

У себя на родине Сулейман Стальский пользовался исключительным почетом. «В ауле дом Сулеймана играет особую роль, обладает особой притягательной силой, – отмечал А. Годник. – В ауле обычай: каждый, кто уезжает или приезжает, заходит к Сулейману поговорить или хотя бы просто сообщить, где был или куда уезжает... Таково своеобразное проявление почтительной любви колхозников к Сулейману Стальскому. Очень общительного по характеру поэта чуть ли не в любое время дня можно было видеть в окружении односельчан: «Школьники часто дружески встречались с Сулейманом, беседовали с ним, цитировали его песни, – пишет А. Годник. – Жители аула, взрослые и школьники, всегда знали, над чем работает Сулейман. Он делился с ними результатами своей работы за день»⁵⁵. Чуткий, наблюдательный, общительный, Сулейман «умел, как говорит Г. А. Аликперов, воздействовать на людей, подмечая, казалось бы, даже мелочи их поведения, отношения к окружающему»⁵⁶.

Ашага-Стальский колхозный бригадир Саид Сафикулиев, например, вспоминает, как однажды поэт посоветовал ему: «Слово, которое причиняет тебе боль, не говори другому... Слишком кислый укус разъедает посуду. Тебе, бригадир, нельзя слишком сердиться, чтобы не ослабить свою бригаду, свою работу»⁵⁷.

Все лично знавшие Сулеймана Стальского тепло отзывались о нем, ценили в нем не только поэта, но и человека. «Самое главное, – скромность, – наставлял Сулейман начинающих писать, – и чем умнее человек, тем он скромнее». Сам поэт не изменял этой истине, всегда и всюду оставаясь самим собой. «Он был одинаков и там, на головокружительной высоте, куда подняло его время и народ, – подчеркивал Капиев, – и в самых низинах, в кругу своих соседей – пастухов, древних седобородых стариков».

Огромную роль в жизни поэта сыграли I Всесоюзный съезд советских писателей и встреча с А. М. Горьким. Первый съезд советских писателей, констатировав большой рост национальных литератур, подверг резкой критике националистические тенденции, которые

⁵⁴ Эффенди Капиев. Избранное. – М.: Худ. лит-ра, 1959. С. 630.

⁵⁵ Там же, л. 15.

⁵⁶ Там же, л. 3.

⁵⁷ Там же, лл. 6-7.

нередко бытовали тогда в печати, умаляя ценность малых литератур и их художников. Это имело непосредственное отношение к Сулейману Стальскому. Мнение съезда, провозглашенное виднейшими писателями страны, не могло оказать благотворного влияния на него: на правильную самооценку как художника. Что же касается встречи с А. М. Горьким и его роли в жизни Сулеймана Стальского, то об этом надо сказать следующее. В своем заключительном слове на съезде великий писатель так отозвался о поэте: «На меня, и я знаю – не только на меня – произвел впечатление ашуг Сулейман Стальский, – я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман»⁵⁸.

И вот, начиная с этого времени, действительно, очень быстро растет известность Сулеймана Стальского во всем Союзе.

«Встречаются иногда поверхностные критики-скептики, – писал в 1948 году А. Ф. Назаревич, – склонные объяснить популярность Сулеймана Стальского тем фактом, что Горький назвал его на I съезде писателей Гомером XX века. Такие воззрения ничего не вскрывают и ничего не объясняют»⁵⁹. Назаревич прав. Но несомненно и то, что оценка Горького вызвала самый широкий интерес к творчеству поэта и обусловила интенсивный перевод его стихов на русский и другие языки. «Встреча Сулеймана с Горьким, который дружески относился к национальным литературам вообще, обусловила и другое важное для поэта и дагестанской литературы событие. В январе 1935 года Сулейман обратился к Горькому с письмом, с просьбой направить в Дагестан писателей, которые издали бы «книгу о Стране гор, становящейся страной веселых садов, жизнерадостных колхозов и умных, здоровых юношей»⁶⁰. Просьбу Стальского Алексей Максимович выполнил. Но вместе с тем в ответе поэту он указал: «...было бы лучше, если бы о мужественной борьбе Дагестана написали сами горцы. Вероятно, в Дагестане, сохранились в памяти старых людей, бывших бойцов, боевые песни, рассказы, легенды, – вот что и должно

⁵⁸ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1934, С. 676.

⁵⁹ Сулейман Стальский. К 10-летию со дня смерти. Сборник статей. – Махачкала: изд. Даг базы АН СССР, 1948, с. II.

⁶⁰ Сулейман Стальский. Сочинения. Перевод с лезгинского. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964, С. 415.

быть основой истории вашего края»⁶¹. Вероятно, письмо Горького побудило самого Сулеймана создать поэтическую историю своей страны – поэму-хронику «Дагестан».

Отметим, кстати, здесь еще такой факт. В 1939 году критик В. Кашеев в своей статье, посвященной семидесятилетию Сулеймана Стальского, утверждал, что Горький и Стальский встречались дважды, замечая при этом, что «второй раз Стальский встречался с Горьким в начале 1936 года»⁶². Утверждение В. Кашеева – ошибочное. Вторично с Горьким С. Стальский не встречался.

4 февраля 1936 года Сулейман Стальский приезжает в Москву на пленум Союза писателей. Здесь поэт получил приглашение на совещание передовиков социалистического животноводства. Горький в 1936 году в Москве не было: он находился в Крыму⁶³. Под этим впечатлением и родилось, очевидно, стихотворение «Не суждена была нам встреча», к сожалению, не известное еще русскому читателю. Приводим его в своем переводе:

Обидно мне, как никогда,
Сам в этом виноват, конечно,
В Москву с приездом запоздал,
И не сбылась моя надежда.

Я Горького искал – найти
Его смог. Теперь в груди
Останется, как взаперти,
Все, что сказал бы я – будь встреча.

Он для меня – как свет глазам,
Сидеть сейчас бы вместе нам,
Чай выпить, перейти к стихам,
Тепло беседовать, как прежде.

Обычай у поэтов есть –
Оказывать собрату честь.
Грустинка вкралась в мою песнь–

⁶¹ Горький М. Письма о литературе / сост. А. И. Овча-ренко. – М.: Сов. писатель, 1957. С. 486.

⁶² Литературная газета, 1939, № 28.

⁶³ Летопись жизни и творчества А. М. горького. Вып. 4. М.: изд. АН СССР, 1960.

Не суждена была нам встреча.

Такое – сердце боль чинит,
С кем думы мне свои делить?
Меня обратно поезд мчит..
День гаснет, наступает вечер.

Я, Сулейман, душою чист,
Немного пусть, но знаю жизнь.
И мой девиз: у тез учись,
Кто мыслью – океан безбрежный.
(Перевод Р. М. Кельбеханова)

Раздел 3

ИЗВЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ, ПОЭТЫ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ О СУЛЕЙМАНЕ СТАЛЬСКОМ

Сулейман Стальский подлинно народный поэт... Пример Стальского заставляет нас задуматься о десятках таких Сулейманов, которые еще скрываются в народных массах Дагестана. Их надо выявлять.

Г. Гаджибеков

На меня, и – я знаю – не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи. Затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их.

Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман.

М. Горький

Сулейман Стальский принадлежал к тому разряду истинно народных поэтов, которые были возвращены самим народом, но широкое признание получили только при Советской власти. Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обрели певучую, пленительную в своей непосредственности и свежести форму песен-стихов. И обогащенные талантом певца – снова шли в народную гущу, чтобы жить не умирая. Но стихи Стальского находили заслуженное признание не только у себя, в горах. Кто из нас, читая их, даже несколько обесцененные переводом, не радовался, не восторгался изумительными по красоте и выразительности строфами?

М. Шолохов

Он был жадный до жизни человек. Я видел, как он ходил по Москве, с гордой теплой улыбкой, озирая великий город. На все новое он откликался с живостью юноши.

Он не умел читать, но он умел, как никто, слушать голос мира.

Н. Тихонов

На первом съезде писателей обращала на себя внимание фигура старика в пастушеской одежде горца. Это Стальский. Сулейман Стальский, – передавали друг другу, – дагестанский ашуг. Он привез съезду привет в стихах со своей родины. Старик вежливо, в величавом безмолвии сидел в аванзале, дожидаясь часа своего выступления.

Программа съезда разрасталась. Прибывшие делегации раздвигали вширь его распорядок. Ораторам не предвиделось конца, и их речи разносились с утра на вечер, с заседания на заседание. Тем временем сухо потрескивающие юпитеры фотографов раскаляли и без того жаркую атмосферу битком набитого Колонного зала. И вот чуть-чуть очумелые, мы, как в лихорадке носились по президиуму в почтовое бюро и помещение для машинисток, к мандатному столу или в фойе, куда нас вызывали с записками. Озаренные люстрами, в пропотевшем до нитки летнем платье мы садились, вставали, совещались, звонили в звонок и призывали к порядку.

А он сидел, как сел в первый день, в барашковой шерсти и войлоке, неподвижно скромный и учтиво горделивый. Он сидел и смотрел куда-то в даль перед собой, и только раз к нему подошел Горький, которому он радостно и почтительно шагнул навстречу, в его поле зрения вместе с Горьким вошли колонны, лампочки и публика в зале, и вместе с ним вышли, когда Горького отозвали в сторону.

Трибуна, вселявшая такое волнение в нас, его не испугала. Она не изменила его голоса, не нарушила его спокойствия, ни черточкой не сломила красивой простоты и стройности его повадки. Ему дали слово. Зал насторожился. Ровно и по-вековому текла незнакомая медленная речь. Было ясно: зал для него тесен, помост – недостаточно высок. Верстовой простор виделся его взору, верстовая высь подпирала его. Вот что, кроме приветствия, привез он с Дагестана, вот с чем сидел несколько дней среди нас.

Завидна участь творцов, закладывающих начатки нового родного просвещения. В них все культура: каждый их шаг и вздох, движение мысли и поступка, их телесный облик, все одухотворено, все значимо, все на пользу. Помимо сложенных им творений и самая жизнь народного барда есть памятник письменности, потому что автор становится книгой для записей следующих поколений. Так будет, верно, и со Стальским. С той же располагающей естественностью, с какой переступал он любой порог, вступит он в обстановку бессмертия и перейдет в легенды, прямодушный, внушительный, непритязательно

вдохновенный.

Б. Пастернак

Его простое, мудрое лицо торжественно. Он не эстет, скандирующий стихи для рекламы, не бродячий увеселитель, задабривающий слушателя дешевой остротой, не позёр, играющий в мудреца. Он – поэт, он думает вслух о том, о чем про себя мечтают и думают все... Весь он напоминает что-то великое и благородное.

П. Павленко

Только в эпоху величественных народных движений появляются такие люди. Сулейман Стальский был громадным и настоящим поэтом в глубоком и первоначальном значении этого слова. Самое понятие это выпадает из обычных будничных представлений о поэте. У древних римлян имелось слово для обозначения народного певца: «Vafes». Одновременно в этом слове содержалось значение и поэта, и провозвестника, то есть избранника народного, говорящего от лица самого народа, из самой глубины души его.

В дни последнего писательского съезда мы все видели один удивительный по своей скрытой символике фотографический снимок: два великих мастера советской литературы беседуют в перерыве – М. Горький и Сулейман Стальский. Это один из самых значительных документов единства и дружбы нашего многонационального искусства. Оба они принадлежат к тому высокому разряду творцов, которые, по слову поэта, призваны народом «глаголом жечь сердца людей».

Л. Леонов

Умер Сулейман Стальский. Помню первое впечатление от его выступления на съезде писателей, его сухую молодую фигуру горца, сосредоточенное смуглое лицо. При чтении его горячих стихов было такое чувство: старый поэт переживает вторую молодость. Его национальная лира нашла источник вдохновения в делах советской эпохи, поднялась до мотивов мирового значения и возможно облекла их в форму национальной песни.

К. Тренев

Мы, писатели и поэты Дагестана, клянемся перед твоей могилой, великий Сулейман, что в нашей жизни и в нашем творчестве мы бу-

дем твердо идти по проложенному тобою пути. Будем учиться мастерству на твоих песнях и стихах.

Г. Цадаса

Меня всегда чрезвычайно трогала и волновала эта простота и непосредственность Сулеймана. Я убежден в том, что он именно тем и был прославлен, тем и замечателен и велик, что всегда оставался самим собой, не рисовался, не кривил душой ни при каких обстоятельствах жизни. Он был одинаков и там, на головокружительной высоте, буквально на небесах, куда подняло его время и народ, и в самих низинах, в кругу своих соседей пастухов, древних седобородых старцев.

Э. Капиев

Политическая поэзия – это то чем жил Сулейман. Едва ли он так называл ее, он просто жил ею. Она была для него естественна, как природа, как жизнь, как песня.

В. Луговской

Сулейман был поэтом-бойцом, чья песня звала и убеждала. Таким он остался до последнего дня своей жизни...

А. Сурков

Естественно располагаясь по годам и событиям, стихи и песни Сулеймана Стальского образуют целую поэтическую историю народов Дагестана. В его поэзии отражается тем самым возросший кругозор умственных и политических интересов народа.

К. Зелинский

Каждый раз, когда читаешь прекраснейшие выступления Сулеймана Стальского, поражает напряженность и тонкость ярко и образно выраженной мысли, волнует сочетание тончайшей и древнейшей культуры восточного красноречия и подлинной взволнованности, искренностью и сдержанной простотой.

Г. Фиш

Вечный труженик Сулейман Стальский не отделял труд стихотворца от труда землепашца. И тем и другим он владел одинаково хорошо и мастерски. Всю жизнь его стих и его работа шагали рядом, рука об руку, вместе. Работая на поле, он слагал стихи. Слагая стихи, он думал об огромных полях страны, на которых трудятся такие же простые, как он сам и очень похожие на него люди. О них он слагал изумительные песни, их судьба его волновала как собственная. В этом и заключается сила поэзии Стальского.

Р. Гамзатов

Сулейман Стальский – настоящий народный поэт. Он хорошо знал свой народ, его дух, его характер. Поэтому в его произведениях я вижу настоящих лезгин. А как мастерски он изобразил думы и чаяния своего народа. Поэзия Сулеймана, которая богата мудростью, напоминает чистый горный родник.

Т. Хурюгский

Нам, молодым писателям и поэтам, помогают и будут помогать в творчестве произведения Стальского. Мы должны и будем у него учиться языку, народности, будем так же любить Родину и великую партию Ленина, как любил Стальский. Стальский был поистине великим человеком, великие люди никогда не умирают.

А. Сулейманов

Сулейман Стальский был первым среди лезгин и непревзойдённым сатириком. Ни до Сулеймана, ни в его время, ни после него не было среди лезгин ни одного поэта, который бы создавал сатирические произведения такой силы, коими насыщена поэзия Стальского.

М. Гаджиев

Когда я начал читать певучие, музыкальные песни и стихи Стальского, я почувствовал неиссякаемый источник поэтической красоты.

Ю. Хаппалаев

Прекрасно знал Сулейман лезгинский фольклор. В его памяти хранились буквально тысячи мудрых пословиц и поговорок, звучных народных песен, волшебных сказок. Лучшие образцы фольклора, его образы и меткие слова Стальский мастерски вкрапливал в свое творчество, а в свою очередь, оно утвердилось в народе, само становилось достоянием фольклора.

М. Стальский

Сулейман Стальский, подобно Гомеру, воплотил весь опыт, все чувства, все многовековые художественные образы своего лезгинского народа – и не только своего, но и всех народов Дагестана. Как и Гомер, он – великий, подлинно народный поэт, создавший произведения, вошедшие в сокровищницу литературы. Его творчество – это эпос социалистической стройки, и поэтому он принадлежал не только Дагестану. Он – выразитель мыслей и чувств всех народов Советского Союза.

А. Назаревич

Сулейман Стальский был истинным поэтом. Поэтому, естественно, для него не существовали большие или малые, знаменательные или второстепенные темы: поэт откликался на все события, происходящие в стране и за ее рубежами, и самые обыденные, самые повседневные факты нашей действительности в его мудром сердце превращались в настоящие жемчужины поэзии.

А. Саидов

Для Сулеймана Стальского не существуют сами по себе, скажем, судья, мулла, торговец, кавха, учитель, управленец, вождь, лидер или кто-либо другой. Хотя эти социальные типы преимущественно и фигурируют в его творчестве, но только потому, что в них он объединил черты людей, занимающихся тем или иным родом занятий.

Говоря об эстетической сути его творчества, можно считать художественным подвигом открытие им на специфическом местном (кавказском) материале колоритных образов. Их много в созданной им галерее, но их можно свести к триптиху – лицемер, глупец и злодей.

А. Агаев

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ
СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

от 1 сентября 1934 года

(отрывок)

Всем, что сказано, я обращался к литераторам всего съезда, и, значит, – к представителям братских республик. У меня нет никаких причин и желаний выделять их на особое место, ибо они работают не только каждый на свой народ, но каждый – на все народы Союза Социалистических Республик и автономных областей. История возлагает на них такую же ответственность за их работу, как и на русских. По недостатку времени я мало читаю книг, написанных литераторами союзных республик, но и то малое, что прочитано мною, внушает мне твердую уверенность, что скоро мы получим от них книги, замечательные по новизне материала и по силе изображения. Разрешите напомнить, что количество народа не влияет на качество талантов. Маленькая Норвегия создала огромные фигуры Гамсуна, Ибсена. У евреев недавно умер почти гениальный поэт Бялик и был исключительно талантливый сатирик и юморист Шолом Алейхем, латыши создали мощного поэта Райниса, Финляндия – Эйно-Лейно, – нет такой маленькой страны, которая не давала бы великих художников слова. Я назвал только крупнейших и далеко не всех, и я назвал писателей, родившихся в условиях капиталистического общества. В республиках народов, братских нам, писатели рождаются от пролетариата, а «а примере нашей страны мы видим, каких талантливых детей создал пролетариат в короткий срок и как непрерывно он создает их. Но я обращаюсь с дружеским советом, который можно понять и как просьбу, к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии. На меня, и – я знаю – не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. (Аплодисменты.)

Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его.

Он очень много дает материала и вам и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего. Речи на заседаниях съезда и беседы вне зала заседаний обнаружили единство наших чувств и желаний, единство целеустремленности и обнаружили недопустимо малое знакомство наше с искусством и вообще с культурой братских республик. Если мы не хотим, чтоб погас огонь, вспыхнувший на съезде, мы должны принять все меры к тому, чтоб он разгорелся еще ярче. Необходимо начать взаимное и широкое ознакомление с культурами братских республик. Для начала нужно бы организовать в Москве «Всесоюзный театр», который показал бы на сцене, в драме и комедии, жизнь и быт национальных республик в их историческом прошлом и героическом настоящем. (Аплодисменты.) Далее: необходимо издавать на русском языке сборники текущей прозы и поэзии национальных республик и областей, в хороших переводах. (Аплодисменты.) Нужно переводить и литературу для детей. Литераторы и ученые национальных республик должны написать истории своих стран и государств, – истории, которые познакомили бы народы всех республик друг с другом. Эти истории народов Союза Советских Социалистических Республик послужат очень хорошим средством взаимного понимания и внутренней, идеологической спайки всех людей семи республик.

**НАРОДНОМУ ПОЭТУ ДАГЕСТАНА
СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ**
(письмо)

Уважаемый товарищ Сулейман Стальский!

Я очень виноват перед тобой, виноват в том, что не мог ответить на твое письмо в течение двух месяцев. Это объясняется тем, что очень много спешной работы и я не успеваю вовремя исполнить ее. Но твое желание – исполню: в Дагестан, вероятно, уже выехали русские писатели для того, чтобы сделать книгу по истории Дагестана, изобразить картину длительной кровавой борьбы горцев против царского самодержавия, против грабителей купцов и кулаков Терской области. Эта мужественная борьба Дагестана должна быть написана, но мне кажется, что было бы лучше, если б о ней написали сами горцы. Вероятно, в Дагестане сохранились в памяти старых людей, бывших бойцов, боевые песни, рассказы, легенды – вот что и должно

быть основой истории вашего края. Наверное, у вас есть хорошо грамотная молодежь, – сделайте так, чтоб она собрала и записала рассказы о прошлом Дагестана, чтоб она нашла документы по истории своей родины и рассказала о ней всем людям Союза Социалистических республик. Хорошее дело будет. Крепко жму твою руку, будь здоров! Да хранит тебя твой народ!

М. Горький

П. Павленко

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

(отрывок)

В 1933 году, вернувшись из бригадной поездки по Дагестану, группа писателей (Н. Тихонов, В. Луговской и П. Павленко) рассказала Алексею Максимовичу о своей встрече в горах Южного Дагестана с поэтом Сулейманом из Ашага-Стала, до той поры неизвестным вне своей республики. В следующем году старик Сулейман был вызван на Первый Всесоюзный съезд советских писателей и занял место в его президиуме. Мне выпало на долю знакомить Стальского с Горьким. Сулейман ужасно волновался и несколько раз даже снимал свою высокую черную папаху, чтобы стереть пот с головы... Стальский был маленького роста, папаху делала его выше, заметнее. Я посоветовал ему не снимать папаху, сидя рядом с высоким Горьким.

– Ах, дорогой! – сказал старик, маша рукой в отчаянии, – когда гром над тобой, подметками не прикроешься. Одному я рад, что мы оба старики и хоть в этом деле я старше его, – надеюсь, не посмеется надо мной.

А Горький уже шел навстречу, улыбаясь своей умной улыбкой и широко раскрыв руки для объятий. И, поздоровавшись, тотчас сел, чтобы не возвышаться над Стальским, что могло смутить гостя. Вечером, попозже, Стальский сказал мне, кивнув в сторону Алексея Максимовича:

– Похожий.

Он твердо и красиво выговорил это трудное слово на малознакомом ему русском языке, ничего к нему не прибавляя, точно и одного этого слова должно было вполне хватить для определения его мысли. Не сразу дошла она до меня – каюсь.

– Как на сердце был, так есть, – раздражаясь, что он плохо понял, добавил старик, и только тут я оценил блестящую краткость его опре-

деления. Горький оказался похожим на того Горького, чей образ ему, Сулейману, давно уже являлся в мечтах. Горький оказался как раз таким, каким Сулейман его себе представил, и старик был горд тем, что он так хорошо и правильно думал об Алексее Максимовиче и что так отлично сочетались его были с жизнью, и все оказалось достойно, как и подобает быть.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Сулейман Стальский прожил поучительную жизнь.

Отец Сулеймана был бедняком. Мальчик родился в хлеву и до семи лет рос на руках сердобольной соседки, потому что в это время его родители разошлись. С семи лет он снова оказался в доме отца, женившегося второй раз и уже имевшего детей от второй жены. Сулейман остается сиротой и в родном доме.

...Южный Дагестан удивителен своей природой, своими садами. Прекрасен климат. Трудолюбивы люди. Плодоносна земля. И, однако, был тёмный и забитый народ, письменности (официальной – прим. ред.) до наших советских дней не существовало. Аулы были бедны, нищи – и вместо того, чтобы блаженствовать на своей прекрасной земле, лезгины тысячами уходили на заработки в чужие края, потому что дома, – среди удивительных садов своих, жить было им нечем.

...Что-то было в нем схожее с М. Горьким – в опыте молодости, в долгих скитаниях. Во время этих странствий Сулейман Стальский также много увидел, обогатился опытом и закалился в борьбе.

Завязывается разговор о поэзии, о Дагестане.

Сулейман читает стихи вместо ответа, потому что все большое, что пережито страной, воспето им.

Когда Сулейман на секунду задерживает строку, забывает слово, народ подсказывает ему хором.

– Вот мои книги, – показывает на них Сулейман. – У них в голове записаны все песни, что я сложил. Я даже ошибиться не могу, они всё мое знают.

Да, народ знал своего Сулеймана так же отлично и полно, как и Сулейман знал свой народ. В этом единении поэта с народом таилась вся сила Сулеймана.

Когда он говорил перед народом, исчезала робость его жестов, голос приобретал особую твердость, уверенность.

Весь он становился мудрым, большим.

Так вот он каков, Сулейман!

Надо было видеть его в окружении своих слушателей, в тесном общении со своим народом, чтобы до конца понять все величие его таланта, все истоки его громадной популярности и авторитета. Сулейман был не просто ашугом, слагателем песен, – он был учителем жизни, политиком и вожаком. А поэзия являлась для него лишь формой учительства, манерой изложения жизненной мудрости.

Невольно приходили на ум сравнения с другими знакомыми ашугами. В те годы в Дагестане три поэтических старика делили между собою славу старейших и популярнейших – лезгин Сулейман, аварец Гамзат Цадаса и кумык Абдулла Магомедов.

Но Сулеймана Стальского ни с кем из них нельзя было сравнить. Он очаровывал и привлекал всем обликом своим – сидел ли он в это время у стены своего дома, на солнцепеке, или бродил в садах, или копался, что-то едва напевая, в своем огороде.

– Эй, песня вышла! – кричал он сельчанам, когда надумывал свежие стихи. И крестьяне просто и весело собирались вокруг своего чудесного старика, как бы отдав ему свои глаза, свой слух, свои чувства, и восхищались песней Сулеймана, т. е. тем, что увидел он их глазами, услышал их ушами, пережил их сердцем, пока они работали в поле.

Величие Сулеймана именно в том, что он черпал свою песню из глубины души народа, вырывал её из отдельных сердец и вновь возвращал её каждому обогащенной своей мудростью.

Таков весь глубокий смысл его простой и мудрой жизни!

Сулейман Стальский всю жизнь пробыл человеком, не знающим грамоты, и, однако, назвать его неграмотным было бы как-то совершенно неверно.

Он владел тюркским, иранским и лезгинским языками.

Это был человек острый на слово, остроумный, любивший мудрую пословицу и поговорку, которых он знал несметное количество. Он знал также много лезгинских, тюркских и иранских стихов. Он помнил наизусть около двухсот песен и поэм Етима Эмина, своего учителя в поэзии.

Исследователям лезгинского стихосложения предстоит большая работа по определению поэтических корней творчества Сулеймана Стальского, по изучению его поэтической речи.

Мы можем коснуться лишь его общего поэтического кругозора, который в какой-то степени, безусловно, находится в теснейшей вза-

имосвязи с оригинальностью его исключительного дарования.

В конце лета 1934 г. Сулейман Стальский впервые приехал в Москву на съезд писателей. На нём была папаха, стеганый бешмет, кожаные «лапти» лезгина-сельчанина.

Сухонький, невысокого роста, медленный в движениях, Сулейман держался осторожно и, быть может, немного растерянно.

В первые же дни съезда состоялось его знакомство с А. М. Горьким. Затаясь, став как-то еще меньше, входил Сулейман Стальский в комнату за стеной Колонного зала, где его прихода уже ждал Горький.

Сулейман что-то хотел спросить, по-видимому, о том, как ему приветствовать Алексея Максимовича, и – не успел. Улыбаясь и глядя на гостя сияющими, радостными глазами, Горький уже подходил к Стальскому.

Я много слышал о вас. Рад пожать вам руку, – сказал он, склоняясь к невысокому. Стальскому, смущенному и – как тогда показалось – неподготовленному к этой исторической встрече с великим пролетарским писателем, о котором он давно слышал в горах. Но Стальский тотчас ответил Горькому своим обычным негромким голосом.

– Я рад, что мы оба старики, – произнес он с удивительной нежностью. – Мне будет легко говорить с вами.

И они, сев рядом, заговорили через переводчика, как если бы были знакомы много десятилетий, очень непринужденно, очень свободно. И улыбались, поглядывая друг на друга.

– Замечательный старик! – говорил Алексей Максимович.

– Да-да... Невероятный прямо!

Председательствуя затем на заседаниях съезда, Алексей Максимович часто искал глазами тоненькую фигуру Стальского, скромно сидящего где-нибудь во втором или третьем ряду членов президиума.

Немногие знали, что старик на долгих и утомительных заседаниях сочиняет стихи, с которыми и рассчитывает на днях выступить.

22 августа 1934 г. он, не торопясь, вошел на трибуну съезда, остановился, не доходя до кафедры, чтобы она не заслонила его от аудитории, и, не прибегая к помощи микрофона, чего не рисковали делать опытейшие ораторы, звонким, привычным к пению голосом начал свои взволнованные строки:

Не торопясь, сквозь зной и дождь, мы в дальность дальнюю пришли.

Товарищ Ленин – мудрый вождь, его увидать мы пришли.

Красноармеец и нарком мне кровно близок и знаком.

*И все товарищи кругом, что в этот светлый зал пришли.
Развевая нашей жизни хмурию, мы солнце подняли в лазурь.
Живи, наш Горький – вестник бурь, мы навещать тебя пришли.
После заключительных строк:
В большой простор нагорных стран приветный знак ашугу дан.
И вот я, Стальский Сулейман, на славный съезд певцов пришел*

– пронеслась буря аплодисментов, зал загудел, заговорил, невысокий, сухой старик в бешмете и чувяках спокойно правил сердцами зала, вместившего опытнейших писателей Союза и многих видных писателей из-за рубежа.

Ничто теперь не волновало и не смущало его, он не искал формул встречи, не требовал подсказа, он сделал проще и гениальнее – остался таким, каким был у себя в ауле, и выступил так, как привык выступать перед своим народом, – с полной безыскусственностью и предельной простотой.

...Наследство его колоссально. Оно «не только в книгах стихов, записанных со слов поэта, но и в тех живых, как он сам называл, книгах – это слушателях, что идут от сердца к сердцу, от сотен к сотням, от тысяч к тысячам, от миллионов к миллионам!

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

(отрывок)

Эффенди Капиев был фигурой чрезвычайно своеобразной в русской советской литературе. Горец, он писал по-русски. Русский по своей культуре, он был весь во власти древней горской поэзии, и его литературный вкус, не пренебрегавший Байроном и Стендалем, не чуждавшийся старой иранской поэзии, но выросший и окрепший на русском стихе от Пушкина до наших дней, всегда склонялся к волшебной чистоте устной народной поэзии – горской песне.

Он шёл на поиски куда-то вдаль, к фольклору, к тому, что многим казалось доживающим последние сроки и уж, во всяком случае, не выходящим из границ, быть может, и чудесной, но все же на забвение обреченной экзотики. На этом своем поэтическом пути он встретил живого поэта огромной силы. Это был Сулейман Стальский. Таким, вероятно, мечтал стать сам Капиев или такого мечтал он создать своим воображением художника. Жизнь опередила Капиева. Воображаемый поэт существовал реально. Стих могучей силы в теле

упрямца-подвижника уже многие годы властвовал в горах.

Честолюбец примкнул бы к Стальскому, как принято говорить в авиации, ведомым, стал бы вторым продолжателем не им начатого и, быть может, поэтическим наследником всего того, что могло определиться в результате двойных усилий.

Как иногда случается в поэзии, тем более в берущей начало от устной, ведомый мог определить ведущего – из них двоих младший обладал тем, что отсутствовало у старшего, – умением владеть русским стихом, и оттого был ближе к печатному станку. Имя же Стальского в те годы почти не пересекало границ Дагестана. Стихи его за пределами родины знавали лишь редкие сотни профессионалов.

Эффенди Капиев был сам поэтом. В поисках самого себя он нашел другого, уже сформировавшегося и властного поэта с большой жизнью. И Капиев с самоотверженностью истинного поэта склонился перед находкой. Он стал первым переводчиком Стальского на русский язык. Голос мудреца из аула Ашага-Стал, в котором не бывали в то время многие из дагестанских литераторов, воображавших себя новаторами и чуть ли не зачинателями литературы, пронесся над всей страной и покорила всех. Оказалось, что в глубине Дагестана живет великий поэт, которого недоставало всем нам. Человеком, который осчастливил нас Стальским, был Капиев. Мне и по сию пору его переводы кажутся лучшими, но даже не в этом дело. Нет смысла утверждать, что уже никогда и никто не сумеет нам передать стихи великого Сулеймана с большой силой и поэтическим тактом, чем это сделал Капиев. Важно не забивать другого обстоятельства, что Капиев был первым и что в те годы, когда он знакомил нас со Стальским, не было никого сильнее, чем он, да и не могло быть. Капиев переводил Стальского, как он переводил бы самого себя. Он вносил в переводы дух той поэтической и культурной широты, которая была свойственна ему самому, он сохранил и ту своеобразность поэзии, которая была присуща одному Стальскому, хотя оказывалась не чуждой и поэтической натуре Капиева. Будь Стальский счастливой, но случайной встречей, Капиев ограничился бы ролью переводчика.

Бунин, переводя «Гайавату», продолжал свой, далекий от Лонгфелло путь исканий, никогда впоследствии не испытав на себе влияния со стороны этого столь сильного, но в общем случайного «попутчика».

Поэзия Капиева впадала в море, которое сначала не имело имени. Потом он узнал, что это море – Стальский, и этому морю, в кото-

ром растворилась его собственная судьба, он отдал всю жизнь.

Так определилась его проза, и книга «Поэт» тоже родом из аула Ашага-Стал, и кажется, что она – не произведение одного, а запись, летопись, сказание многих, лишь бережно собранное одним.

В ГОСТЯХ У СУЛЕЙМАНА

Он живет в небольшом ауле за Касумкентом. Его стихи знает весь Дагестан. Аварцы, даргинцы и поэты других дагестанских народов, языком которых он не владеет, приезжают к нему советоваться о делах поэзии и слушать его стихи. Он поет негромким, чуть вздрагивающим старческим голосом, пристально глядя в глаза слушателю и скупно жестикулируя рукой. Движения его руки медленны и очень достойны, продуманны. Правой рукой оттеняя чтение, в левой он часто держит мундштук с папиросой-самокруткой, к которому не прикасается губами, пока не окончит пения.

Он не поет, он получитает-полупоет, он размышляет нараспев. Пятеро гостей приходят к нему вечером июльского дня. Вот невысокий, хотя и в два этажа, дом из глины с саманом, щуплый старичок в древнем домашнем бешмете ведет за рога буйволена из сада в плетный загон. Буйволенок норовит вырваться, но старик крепко держит его за рога и хлопотливо семенит босыми ногами.

Гостей он не ждет и смущен. По деревянной лесенке гости поднимаются во второй этаж в кунацкую. Серые паласы, на полках вдоль стен – сияние медных кастрюль и блюд, лучшего украшения восточного жилища.

Но комнаты малы, в них будет нам всем тесновато, тем более, что уже началась суета – готовят чай.

Мы спускаемся на лужайку перед домом на стыке между несколькими старыми садами, садимся на теплую траву кружком вокруг хозяина, и сын его приносит с собой тетрадь стихов отца – новшество, заведенное сыном в дому.

Сулейман владеет, как помнится, тремя языками: родным, лезгинским, тюркским и, кажется, персидским, этим международным языком Востока, языком старой, мудрой поэзии. Следовательно, его нельзя назвать неграмотным человеком, хотя он, действительно, не пишет и не читает ни на одном языке. Его поэтические знания, по видимому, колоссальны и усвоены крепко, потому что не хранятся в справочниках и архивах, а погружены в памяти, тренируемой лет с

десяти.

Он невысок, сух, общителен. Лицо с короткой, черно-седой бородкой и усами, закрученными на концах чуть-чуть вверх, очень городское, очень культурное, тонкое, почти персидское по мелкому рисунку линий, по выражению изящества.

Сочинять стихи и петь их он начал в раннем детстве. Какой-то бродячий певец поразил его воображение могуществом песни, и Сулейман начал слагать свои стихи раньше, чем произнес их вслух. Он был уже взрослым человеком, когда вызвал на соревнование пришедших в аул певцов, победил их в песнях и, отобрав хомуз, запретил посещать Ашага-Стал. С той поры, вот уже лет тридцать пять, ни один ашуг не заходил в селение, где живет Сулейман, потому что никто не рассчитывает победить этого тщедушного на вид, но могучего душой старика.

Став поэтом, Сулейман не прекращал заниматься хозяйством, да и теперь занимается им, как и в молодости, слагая песни во время работы. Он знает, что его песни поют всюду, где люди понимают лезгинский язык, но он удивлен, узнав, что переведен и напечатан по-русски в нескольких журналах. Он не видел этих журналов, не получал гонорара; переводчики, хвастаясь открытием нового поэта, не удосужились ни послать ему переводов, ни денег за стихи.

Это было летом 1933 года.

– Кто же мои гости? – учтиво спрашивает поэт, и товарищ, мужественно пытающийся говорить сразу на двух языках – кумыкском и тюркском, объясняет, что в числе приехавших два русских стихотворца.

– Вы пишете или поете? – спрашивает он гостей.

– Мы пишем, – отвечают они ему.

Я думаю, что написать все можно, но тогда не горит, не рвется сердце. Я, когда хочу сложить песню, всё бросаю. Если работал на поле – оставляю дело, берусь за песню. Тут сразу кричу соседям: идите, слушайте, вышла песня!

Конечно, он не одобряет и не может одобрить письменного творчества, в котором, как ему кажется, меньше непосредственности и много холодной, расчетливой работы.

Но он поет и тихим голосом судьи, просит, чтобы гости прочитали свои стихи.

Первым читает Луговской стихотворение «Учитель». Медленно скручивая папиросу длинными, сухими пальцами и слегка прищури-

глаз, Сулейман слушает, едва заметно шевеля губами в такт мелодии.

Затем ему переводят.

– Очень хорошая песня, – говорит он просто, задумывается на секунду, как бы повторяя ритм и тему прослушанного, и повторяет, подняв брови: «Хороша, очень хороша».

Вторым читает Николай Тихонов. Сулейман очень внимательно, как-то вбок слушает чтение, пристально глядит вдаль и, получив перевод, говорит:

– И эта песня очень хорошая. Легко идет, сильно.

Он вспоминает, как когда-то давно воспел он голод своей страны, и уездный начальник запретил ему слагать песни. Но в том-то и счастье поэта, что песня не требует ни бумаги, ни печатных машин – она идет от сердца к сердцу, её передать можно шепотом – и песня бежит по секрету от одного к другому и вдруг становится общей. Лезгин сам иной раз не знал, услышал ли он её от соседа или придумал в час голодного сна...

Над вечереющей поляной стоят последние лучи солнца. Листва дрожит на свету. Мы сидим на корточках, а за нашими спинами толпятся ашагастальцы.

Мы говорим о песнях, об искусстве, о Дагестане. Сулейман рассказывает или читает стихи вместо ответа, потому что большое, что пережито страной, воспето им. Когда он на секунду задерживает строку, толпа подсказывает ее поэту.

– Вот мои книги, – говорит, показывая на них, Сулейман. – У них в голове записаны все песни, что я сложил. Я даже и ошибиться не могу. Они все знают.

И гортанным голосом, очень звучным и гибким для его лет, полупоёт-получитает. Его простое, мудрое лицо торжественно. Он не эстет, скандирующий стихи для рекламы, не бродячий увеселитель, задабривающий слушателя дешевой остротой, не позёр, играющий в мудреца. Он поет, он думает вслух о том, о чем про себя мечтают и думают все, говорит о печалях, находит путь к радостям и мечтает о будущем, глядя в себя. Весь он напоминает что-то великое и благородное.

Его хочется сравнить с Рабиндранатом Тагором, но это сравнение было бы пустой параллелью. Он не Тагор, но, быть может, такими, как Сулейман, будут поэты будущего. Вернувшись с поля и поставив в стойло быков, он выйдет на поляну и, смахнув пот с усталого лица, голосом, прерывающимся от волнения, пропоет песню, от которой

все вздрогнут. Вздрогнут от того, что она близка всем и давно копошилась внутри каждого, но вот поэт вырвал ее из отдельных сердец и вновь возвращает народу обогащенной общей мудростью. И люди, только что прошедшие горячий день на полях, усталые, черные от загара, стоят, не шелохнувшись и почти не дыша. Они отдали старику Сулейману свои глаза, свой слух, свои чувства, и вот что он видел своими глазами, своими ушами, пережил своими чувствами, пока они работали в поле. Все они создали прекрасную песню – Сулейман рассказал ее нам от их общего имени.

В. Луговской

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО АШУГА

Простые песни Сулеймана Стальского западали в сердца, они лились свободно и мужественно по великой стране, в них гремели отзвуки наших побед, в них звучала непримиримая ненависть к врагам народа, к старому миру насилия, нищеты, подлости и национального угнетения.

«Ашуг» – значит «влюблённый». Старый Сулейман был, как юноша, влюблен в молодую советскую землю, в доблестных детей этой гигантской земли, её глубоко человечный, радостный, непоколебимый строй. Он отдал ей лучшие годы своей жизни...

Всеми своими корнями, всей жизнью и трудом крестьянина и народного поэта он был связан с родной страной, со всем народом, и так велика была его любовь к родному лезгинскому народу, что она перехлестнулась через Лезгинию на весь Дагестан, через Дагестан на весь Кавказ, через Кавказ на всю страну «от моря, от края и до края».

Ранней осенью 1933 года Тихонов, Павленко и я пришли в аул Ашага-Стал. Сучья трещали под тяжестью груш и персиков, мягкие очертания южнодагестанских гор, ежеминутно меняя цвета, плыли над долиной. Была большая вечерняя тишина,

На окраине аула, утопавшего в садах, мы толкнулись в низенькую калитку и вошли к Сулейману Стальскому. Хозяин в очень небогатом бешмете, в рыжеватой папахе загонял буйволенка, подпихивая его за рога, поглаживая, уговаривая. Стальский обернулся к гостям, запахнул бешмет, и мы впервые увидели светлые, спокойные глаза старого поэта. Не торопясь он подошел к нам. Посидели, поговорили. Но уже через несколько минут в саклю пришли колхозники, узнав, что русские писатели приехали навестить своего лезгинского собрата.

Все вместе мы отправились на большую лужайку, окруженную могучими деревьями, где правильным кругом сидело всё население аула Ашага-Стал. Сулейман сел в центре, мы – несколько поодаль. Перед нами поставили кувшин ключевой воды и положили чурек. В молчаливом, внимательном кругу мы беседовали о поэзии. Дрозды перелетали через поляну и распевали свои славные песенки. «Я ненавижу пустоту в стихах, – говорил Стальский, – певец должен передавать своему народу лучшее, что есть в нём самом, лучшее, что есть в самых лучших людях».

Старый ашуг глубоко и тонко судит о ценности, назначении и трудностях искусства. Беседуя с ним, мы затрагивали очень сложные и трудные вопросы нашего ремесла, и каждый раз ответ Сулеймана был прост, образен, глубоко правдив. Он попросил нас с Тихоновым прочесть стихи. Тихонов, помнится, читал «Балладу о синем пакете», я – «Песню о ветре». Старик внимательно слушал нас, склонив голову и чуть шевеля пальцами в такт. Мы кратко перевели содержание, и Стальский высказал свое суждение, не затрудняясь, ласково и правильно. Огромный круг людей молчал, лишь табачный дымок поднимался над толпой. Начал читать Стальский. То есть читал не он, а его сын, читал по большой конторской книге, в которой записывались прекрасные импровизации народного поэта Дагестана.

Стальский подкреплял и дополнял стихи комментариями, какими-то воспоминаниями, обращаясь к своим сельчанам. Они одобрительно и благодарно кивали.

Сколько мира, красоты, человечности было в этом вечернем чтении, что до сих пор и до конца моей жизни буду помнить даже выражение лица, игру теней, звуки голосов. Поэт передавал своему народу стихи, напетые для народа, полные ясной мудрости, а старые деревья, под которыми он вырос и состарился, тихо шумели.

Второй раз я увидел Сулеймана уже в президиуме съезда писателей. Он был так же спокоен и полон достоинства, только светлые глаза старого поэта смотрели взволнованно и тревожно. Он прошел весь путь работников нашей великой страны – от аула до Колонного зала и Кремлевского дворца. Он жмурился от света прожекторов, которые М. Горький в этом же зале назвал «анафемскими свечками».

Стих Стальского был умным, красивым, прозрачным, и дело здесь вовсе не в том, что он был народным поэтом-ашугом. В ашугской традиционной поэзии мы можем найти сколько угодно примеров своеобразного формализма, выкрутасов, увлечения вычурными

описаниями красавиц, роз и соловьев, – дело в том, что Сулейман Стальский был великий ашуг, взявший все лучшее из поэзии ашугов и пронизавший её единой целеустремленной идеей. Он выбирал самые ясные, самые сильные и меткие сравнения, понятные каждому. Отсюда и его популярность среди всех народов Союза. Он, работавший без карандаша, без пера, на память, умел кратко, языком красочным и скупым передать важные и серьезные мысли в почти афористической форме.

Мы ждем обстоятельного исследования поэтики старого Сулеймана, мы, советские поэты, хотим, чтобы наши критики и литературоведы вплотную занялись изучением и пропагандой творчества великого ашуга.

Политическая поэзия – это то, чем жил Сулейман едва ли он так называл её – он просто жил ею. Она была для него естественна, как природа, как жизнь, как песня

Н. Тихонов

СЕРДЦЕ ГОР (отрывок)

И я увидел заново тот большой день, который застал нашу писательскую бригаду в Касумкенте. Тогда бригада была в полном оборе. Кроме Юсуфа, Павленко, Луговского, меня, с нами были молодой лезгинский поэт Фатахов, московский художник Лаков, писатель Роман Фатуев – автор рассказов о новом и старом Дагестане.

В Касумкент мы попали после длительных странствий по прибрежной полосе Каспийского моря с её холмами, покрытыми великанскими мальвами, по предгорьям, где столетние ореховые деревья и могучие тополи возносили в бледно-голубое небо свои вершины, и под ним буйствовало море зелени и цветов. Запах цветущих азалий наполнял солоновато-жаркий воздух предгорья, с которого широко открывалось море, до удивления синее и густое, как смола.

Мы видели новые поселения, города, где эпоха уже распоряжалась пространством по-своему, дыша красными вспышками «Дагогней», звеня якорями кораблей в Махачкалинском парту, шумя гудками новых фабрик в Дербенте, сигналив фонарями рыболовных судов у причалов Белиджи, видели аулы, сохранившие еще старинные промыслы, древние обычаи, патриархальный пастушеский быт.

В Касумкенте, как и всюду, мы спросили у друзей, есть ли здесь поблизости пишущие люди, писатели или поэты. Нам сразу сказали, что в ауле Ашаги-Сталы, в трех километрах от города, есть старик ашуг. Он бедный крестьянин, неграмотный, сочиняет стихи и поет их под чунгур. О нем знают и говорят люди. Зовут его Сулейман. Ему уже больше шестидесяти лет. Мы отправились к нему целой компанией. Было воскресенье. Мы шли, весело разговаривая, меньше всего думая о предстоящей встрече. Нас прежде всего поразил новый большой многоарочный мост через пенистый Гильгяричай. Дальше пошла ровная дорога, окаймленная деревьями, сквозь просветы которых далеко на юге виднелись горы Шахдага, призрачные, синеватые, готовые вот-вот исчезнуть в жарком мареве.

Я шел, к удивлению прохожих, не по дороге, а по канаве, по колесу в рокочущей тихо воде, бежавшей с гор. Я был в новых щегольских высоких сапогах, но они так жали мне ногу, что, идя по воде, я испытывал облегчение и давал себе слово немедленно сменить их, вернувшись в Касумкент. Я смотрел рассеянно по сторонам, разговаривал с товарищами, шедшими рядом с канавой по дороге, но во мне жило какое-то неясное предчувствие, росло какое-то волнение, как перед встречей с чем-то необыкновенным.

А между тем вот уже и аул Ашага-Стал, действительно утопающий в садах. Нам показывают дом, обыкновенный горский дом, двухэтажный, глиняный, старый.

К нам навстречу вышел невысокого роста старик, таких много в любом ауле. Его домашний бешмет был сильно поношен, и появился этот человек не из дома, а откуда-то сбоку, из-за дерева. Он шел тихо, обняв своей сухой, небольшой рукой шею маленького, крепкого буйволена, которому ужасно хотелось порезвиться на свободе. Старик был босиком, и то, что его застали незнакомые люди врасплох, смутило его. Но, убедившись, что пришли именно к нему, он сразу крикнул в дом, и оттуда вышел человек, взял от него буйволена и повел его в плетеный загон. Сулейман же, став сразу другим, собранным, с чувством собственного достоинства жестом хозяина пригласил нас в дом.

Мы вошли в кунацкую на второй этаж. Все здесь было простое и старое, как бы проверенное жизнью. Старенький палас прикрывал серую стену, другой палас лежал на глиняном полу. На полках, как полагаются, стояли кастрюли, блюда, чашки, тарелки.

Нас скромно приветствовала пожилая женщина в горской одеж-

де, сын хозяина, еще какой-то родственник. Уже начались хлопоты с угощением. Но мы попросили хозяина поговорить с нами не в комнате, где нам будет и тесно и хозяевам неудобно, а в роще, благо уже спускался вечер, и на поляне перед домом так хорошо пахло жаркой зеленью и ароматами полей и садов, долетавшими в эту маленькую рощицу, занявшую уютную ложбинку, за которой сразу шел склон холма, покрытого густым кустарником. Мы расположились на полянке в роще. Немного погодя из дома вышел Сулейман. Он надел чарыки, сын его нес тетрадь – остаток старой конторской книги. Через графы, черные и красные, шли записанные сыном стихи отца.

Сулейман сел прямо на траву. Мы последовали его примеру. Я вгляделся в черты его лица и понял, что я запомню его навсегда. Это было лицо человека, всю жизнь жившего тяжелым трудом, прошедшего через многие испытания, которые не оставили, однако, своего мучительного следа. Ни одной раздражающей, резкой или усталой старческой линии не было в этом лице. Сулейман носил небольшую бороду, усы, тонкие концы которых были закручены вверх. Глаза его были опущены, точно он погрузился в глубокое раздумье. Но общее выражение этого тонкого, выразительного, спокойного лица было добрым и не лишенным величия.

Как много видел этот человек такого, что должно было сломить его, но он не только не сломился, а поднялся над всеми бедствиями своей жизни и, главное, понял смысл жизни совсем не в том обычном понимании, к чему стремятся вообще люди, а в том, что, может быть, сначала было непонятно ему самому. Он во власти слова, рождающегося в глубине сердца, и это слово поэта мы сейчас услышим...

Сулейман заговорил. Прежде всего он осведомился с большой вежливостью, кто же его гости. Мы по очереди представились ему. Так как он не говорил по-русски, а мы не знали лезгинского, беседа наша несколько осложнялась – переводить стихи с голоса не так просто. Он попросил нас почитать ему стихи по-русски...

– Но, Сулейман, ты же не поймешь эти стихи, не зная языка.

Он слабо улыбнулся, как бы удивляясь наивности говорившего это, и ответил, трогая струну чунгура:

– Поэт поэта узнает по голосу!

Это было сказано очень много думавшим о природе стиха человеком. Мы читали ему по очереди. Он слушал незнакомо звучащие строки, сворачивая папиросу своими длинными, артистическими пальцами, иногда начинал шевелить губами, будто повторяя за чте-

цом стихи, потом внимательно выслушивал перевод, глаза его смотрели поверх сидевших. Он похвалил услышанное. Начался разговор о нем самом, о его стихах, о его жизни.

В роще потемнело. Вечернее солнце еще освещало верхушки тополей и верхний край холма над нами, а в роще уже плыл сумрак, и в этом сумраке Сулейман начал читать и петь свои стихи.

Да, он был прав, поэт поэта узнает по голосу. Но это не был голос старого ашуга-профессионала, такого, каким был наш знакомец Искандер, певший чужие песни и не умевший как следует сложить свою, это не был голос муллы – поэта в душе, читавшего стихи Корана как свои и лирически толковавшего их людям, это был голос, в котором слышались радость и гнев земли, как будто таким голосом могла заговорить эта роща, эти горы, эта речка, несущая с гор глыбы, с грохотом падающие друг на друга. Это был рассказ вечного батрака, вечного труженика полей и городов, и я подумал, что в могучей простоте, в откровенной, какой-то последней, грубой, как каменистая почва горных краев, правде его стихов говорит жизнь, какую принимай, как хочешь. Но не почувствовать эту страсть, эту силу, найденную в самой природе, ты не можешь. И, вероятно, перевести его на другие языки, сохраняя эту лепку слов, эту горячую глину, из которой он создает образы, невозможно. Можно передать его мысли, можно по-своему подойти к этому младенческому и сложному языку, но никакой перевод и тем более подстрочник не в силах даже передать тени того движения жизни, которое жило в его стихах.

В роще стало совсем сумрачно, и я, оглядываясь, не мог сначала понять, почему нас так много. Никто не приходил с улицы, а людей на поляне заметно прибавилось. И с каждой минутой их становилось все больше. Я не знал, что среди густого кустарника по склону холма проходит тропинка, которая выводит на поля. Сейчас, кончив работу, по ней спускались в аул поселяне. Они шли бесшумно, как ходят горцы, и, видя сидящих людей, слушающих песни их Сулеймана, они тоже садились на корточки, положив свои серпы рядом на землю, и сидели, затаив дыхание. Из аула доносило приторно-сладкий, пахучий кизячный дым, доносило мычанье коров, блянье овец, какие-то звоны вечера, скрип арб, но люди в роще сидели совершенно неподвижно.

Мы все были во власти этой народной поэзии, избравшей своим певцом бедняка, прожившего каторжную жизнь, бедняка, лишённого всякого образования, снабженного даром редчайшей памяти и свобо-

дой духа, которая неисчерпаема, так как она рождается из окружающей его природы и в силу этого она не может иссякнуть.

Мы еще долго сидели на поляне после того, как он кончил читать и петь стихи. Мы уже говорили о самых разных вещах, и хозяин превосходно разбирался в тех новых задачах, которые ставила жизнь перед его родным аулом, перед Дагестаном.

Мы говорили и о его стихах и о нем самом. Он жил более чем скромно, он не получал ни гонораров, ни пайков. Его прославляли, но никто не думал, как сделать лучше жизнь этого старого человека.

Мы сказали, что сделаем все, чтобы его быт был облегчен, чтобы он мог больше думать о стихах, чем о тяжелой полевой работе.

Он поблагодарил со сдержанной гордостью, поблагодарил за посещение, за добрые слова.

Мы шли в Касумкент под огромным впечатлением услышанного. Я подумал, что восточная пословица: «Счастлив день, когда ты встретил поэта», – имеет настоящий смысл, это не просто красивая фраза. Да, это был счастливый день. Я слышал поэтическое слово, составлявшее душу, двигавшее жизнь, заполнявшее все существо человека. Мрачный пессимист Шопенгауэр говорил: «Начинайте читать книги только тогда, когда у вас иссякли собственные мысли». Сулейман, на страже которого стояла сама природа, наделившая его талантом Гомера, не прочитал в жизни ни одной книги, и его мысли не иссякали, питаясь от источника большой жизни. И он не растратил свой дар на то, чтобы продавать его по частям, не утратил его под тяжестью пережитого, но, прикасаясь к людям и к земле, он сохранил и умножил радость, которой он мог делиться с каждым желающим. Он жил стихом и дышал им. В нем жили народ, страна, история. Он был живой летописью событий.

Тонкий звон его чунгура, как будто являлся серебряной нитью, соединявшей его с окружающей природой. И я представлял себе, как он сейчас, после нашего ухода, взволнованный встречей с людьми, приехавшими из далекой, непонятной ему Москвы, сидит на балконе своего глиняного дома.

Небо вызвездило. Что-то белеет там вдали, если посмотреть на юг. Это дымчатые снега далеких Шахдагских гор, за ними Азербайджан, там, у моря, лежит большой нефтяной город, в нем он был перед тем, как отправиться за море, в раскаленные пустыни Средней Азии. Была тяжелая, каторжная работа в адском зное пустынь, когда он строил мост на Сырдарье, темнота и голод всюду – и опять Баку.

Труд и бедность, вот что дала ему жизнь, но она сказала: «Я дам тебе такую силу, с которой ты проживешь жизнь, как самый большой богач, – слово поэта, разящее глупца и радующее умного человека, потому что ты расскажешь ему о нем и миру о нем. Это богатство поставит тебя выше всех богачей. И ничто не сможет отнять его у тебя». Это правда, жизнь кончается. Уже шестьдесят четыре года в бедности, но зато я свободен, как птица, как облако, как ветер Шахдага. Вот сегодня были у меня добрые люди, спрашивали, как живу, говорили, что они помогут мне, что я не должен так дальше жить, так трудно, в такой бедности. Я не мог сказать им, чтобы их не обидеть, что эта бедность естественна, потому что, если бы я был осыпан милостями, мой стих мог бы потерять свой блеск, свою силу, как кинжал, зарытый в чернозем, утрачивает свое значение. Они думают, что мне что-то нужно. Я уже все получил: от народа, от своего родного края, который окружил меня прекрасными горами, живописными садами, добрыми людьми, красивыми девушками, молодыми джигитами. Я люблюсь всем этим, и оттого, что мне дадут какой-то паек, мне не прибавится мудрости.

Спасибо им за добрые слова. Я не понял, что за стихи мне читали, но мне показалось, что это хорошие стихи. Я так и сказал им: хорошие песни легко идут, сильно идут. Я по голосу знаю, как идет звук...

Так представлялся мне великий ашуг, когда мы подходили к Касумкенту и остановились на мосту, чтобы полюбоваться переливами мелких волн Гюльгерычая.

«Поэт поэта узнает по голосу» – осталось жить во мне, как свет ракеты, которым всегда можно осветить сумрак ночи. И на крыше дома в лакском ауле Цовкра, перед тем, как я заснул, мелькнуло передо мной видение другого аула, Ашага-Стала, с обликом старого ашуга в затрепанном бешмете, с легким чунгуром в тонкой сильной руке.

А. Безыменский

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Это было крепкое и долгое рукопожатие. Большущая рука великого мастера пролетарской литературы Максима Горького с необычайной человеческой нежностью сжала руку народного поэта Дагестана Сулеймана Ашага-Стальского. Они стояли друг против друга, певцы большевистской силы и юности, два знатных гражданина Со-

ветской страны, и неизвестно было, кто больше волновался: тот, кто высокий, – наш родной, замечательный Максим, или этот маленький седобородый лезгин в бешмете и папахе.

– Очень рад... Очень рад... – говорит Алексей Максимыч, – много слышал о вас... давно слышал о вас... Я просто счастлив, что вижу настоящего народного певца.

Он смотрит то на Сулеймана, то на переводчика. Он ждёт ответа и не может удержаться от веселой улыбки, услышав его концовку.

Мне читали рассказы Горького, – отвечает лезгин, – я счастлив тем, что стою рядом с ним, я счастлив приветствовать его... тем более, что мы ровесники.

– Ему 66 лет, – добавляет переводчик. Горький снова берёт руку Стальского и долго, долго не выпускает её. А народный поэт Дагестана продолжает:

– При царе мы не смели поднимать глаза. Теперь мы ходим, высоко подняв голову, и говорим полным голосом. Полным голосом и я буду говорить на съезде, полным голосом и я буду петь свои песни...

– Вот это хорошо... вот это хорошо... – повторяет его собеседник и желает певцу долгой жизни и радостного творчества.

– У нас есть обычай, – заключает Сулейман. – Когда лезгин идет к другу в гости, он несет ему лучшие плоды своего сада. Лучшие плоды своего творчества понесу я Советской стране.

... Ему присвоено звание народного поэта Дагестана. Это воистину народный поэт, один из великих талантов страны, ранее угнетаемых капитализмом, а ныне в полную силу развернувшихся.

Сулейман Стальский – один из таких певцов, о которых надо слагать и будут сложены песни славы.

Э. Капиев

МОЯ РАБОТА С СУЛЕЙМАНОМ СТАЛЬСКИМ

Товарищи! Я представляю тему своего доклада⁶⁴ несколько иначе. Не «Творчество Сулеймана Стальского», как сказано в повестке дня, а «Опыт моей работы с Сулейманом Стальским». Это я считаю необходимым подчеркнуть, ибо многое, о чем мне придется здесь говорить, может показаться вам неожиданным. В этом случае прошу иметь в виду, что и опыт, о котором идет речь, был не совсем обыч-

⁶⁴ Доклад на Всесоюзном съезде фольклористов, посвященном вопросам творческой помощи сказателям и народным певцам. Москва, 9 декабря 1940 года.

ным и что рассматривать его следует не с точки зрения сегодняшних готовых понятий и установок, а с учетом тех обстоятельств и того времени, в котором он сложился.

Несколько вступительных слов.

Сулейман Стальский – простой народный поэт, подобных которому можно найти немало на нашей обширной родине.

С 1934 года, после известной его встречи в Москве на съезде писателей с Алексеем Максимовичем Горьким, начинается полоса широкого внимания и интереса к его творчеству со стороны советской общественности.

Я должен сказать честно, что до этого Сулейман почти ничем не выделялся среди своих многочисленных собратьев – народных певцов Северного Кавказа, так же, как и он (а иногда, может быть, активней и ярче), воспевавших новую жизнь и большие события своего времени. И в этом я не вижу ничего плохого, в этом нет ничего удивительного, когда незаметный, рядовой, ничем особенным не выделяющийся, простой и неграмотный ашуг может в наше время, в нашей стране стать всенародным певцом, выразителем дум и стремлений своей обширной родины, своего народа, своей земли.

Раз и навсегда я хотел бы разрушить обывательскую легенду, созданную вокруг имени Сулеймана Стальского, что якобы это был необыкновенный вдохновенный поэт, ходивший из аула в аул с доброй под мышкой и импровизировавший по всякому поводу прекрасные стихи. Ничего он не импровизировал! Он слагал свои стихи так же медленно и осторожно, как и все другие поэты. Выступал он скромно, без жестов, а порой, казалось, даже монотонно, бесстрастно... Был он велик именно той своей обыденностью, простотой, похожестью на всех, равностью с теми неграмотными стариками, его соседями, с которыми он всегда бывал искренен, на языке которых говорил и без которых был немислим. Стало быть, повторяю, речь идет не о каком-нибудь легендарном певце, а о самом простом, обыкновенном народном поэте Сулеймане Стальском. Надеюсь, биография его известна, и я могу перейти прямо к теме своего доклада.

В конце 1934 года, после известной оценки фигуры и значения Сулеймана Стальского, данной Максимом Горьким, ко мне обратился корреспондент «Правды» с просьбой помочь ему получить для праздничного номера газеты стихи Сулеймана.

Для этого я встречался с поэтом дважды. Первая моя встреча с Сулейманом Стальским произошла в 1934 году весной в Махачкале.

Союз советских писателей Дагестана готовился тогда к своему первому, съезду. Я работал секретарем Союза. Среди делегатов, приехавших из аулов на съезд, был и старый лезгинский поэт Сулейман Стальский, о котором до тех пор никто ничего особенного не слышал.

На трибуну взошел старик очень медленной, достойной походкой. Несколько минут он стоял, собираясь с мыслями, обнажив голову, барабая пальцами по своей папахе, которую держал в обеих руках, как бубен. Это старая привычка, старая традиция всех ашугов. В промежутках между двумя четверостишиями, собираясь с мыслями, они обычно барабают пальцами по бубну, чтобы пауза не была абсолютно мертвой, чтобы не терять связи и держать внимание слушателей на стройном ритме песни.

Сулейман, очевидно, в первую минуту растерялся на трибуне, и так как у него не было бубна, то он барабанил пальцами по папахе.

Теперь я совершенно не помню темы той песни, пропел Сулейман съезду. Вероятно, это было обычное приветствие, песня поздравление. Но я хорошо помню, что, окончив петь, он немного подождал и громко спросил:

– Можно еще?

Раздались аплодисменты. Тогда он начал еще... Пропев вторую песню, Сулейман, так же спокойно сойдя с трибуны, с той же медлительностью и достоинством направился обратно в зал. Случилось так, что он сел на свободное место рядом со мной. Из разговора выяснилось, что Сулейман прекрасно владеет тюркским языком. Язык этот знал и я...

Теперь я уже не помню, о чем и долго ли мы говорили с ним. Но хорошо помню, что в перерыве между двумя заседаниями, выйдя на улицу, мы попали под дождь. Как сейчас, вижу согбенную фигуру Сулеймана, шагающего рядом со мной, вывернув свою черную баранью шубу шерстью наизнанку (так делают в горах, когда идет дождь, чтобы не портилась овчина). Сулейман остановился под навесом чьих-то ворот. Дождь усилился. Под навесом собралась толпа делегатов.

И вот здесь меня удивило следующее: Сулейман не думал о съезде, не думал о том, какое впечатление произвело его выступление на слушателей (другие только тем и были заняты), а помолчав, сказал:

– Очень хорошо, что идет дождь! Сейчас как раз посевы окончили, и в нашем ауле, в колхозе все ждут дождя. Как хорошо, что идет дождь!

Сулейман запомнился мне на всю жизнь с этой фразой на устах. Таков он и был – простой, скромный человек из народа, думающий везде и каждую минуту о своем колхозе, о своей земле, о полях, засеянных народом...

Вторая моя встреча с Сулейманом Стальским была в поезде. Мы ехали в Москву на съезд писателей. В вагоне произошел такой эпизод, не рассказать о котором я не могу. В Махачкале очень трудно заранее достать билет на Москву, ибо поезда формируются и идут маршрутом из Тбилиси. Сулейману достался билет в международном вагоне, мне достался в жестком, далеко в конце состава. Купе Сулеймана оказалось, как обычно, двухместным. Нижняя полка была занята дородной дамой, которая ехала до Ростова. Сулейман все утро просидел на верхней полке, не слезая и стараясь не курить. Он, по видимому, решил, что весь низ должен принадлежать даме...

Но вот поезд остановился в Ростове, дама сошла. В это время, войдя в купе, я застал Сулеймана уже сидящим внизу. Он сказал:

– Женщина уступила мне свое место, так как я старый человек.

Я застал Сулеймана сидящим в такой позе, в какой он обычно сидел у себя в сакле: поджав ноги в пестрых джурабках и покуривая свою длинную трубку...

Несколько минут я стоял, боясь нарушить его «кейф». Вдруг двери купе открылись и в купе вошел проводник, а вместе с ним высокий гражданин в панаме и с желтым чемоданом в руке.

Проводник сказал:

– Передайте старику, чтоб он немедленно забрался на верхнее место. Нижнее забронировано за этим интуристом от самого Ростова.

Сулейман, выслушав меня, уже собрался было встать. Но в это время интурист, молча и брезгливо взяв двумя пальцами его папаху, бесцеремонно отбросил её на столик, а рядом с Сулейманом поставил на диване свой несессер.

– Кто он такой? – спросил Сулейман.

Я ответил, что он человек из другого государства.

Сулейман подумал и остался сидеть на месте.

Очень медленно и спокойно стал он вновь набивать свою трубку. Проводник и интурист ждали. Ждал и я. Потом Сулейман нахмурился и, не глядя ни на кого, а только кивнув головой в сторону интуриста, ответил:

– Во-первых, ты передай ему, что я колхозник. Понял? Во-

вторых, ты скажи ему, что я старый человек.

– Сказал? В-третьих, ты скажи ему, что я как-никак народный поэт – маленький или большой, мол, в своем ауле. А в-четвертых, – сказал Сулейман, внезапно повысив голос, – в-четвертых, ты скажи этому человеку из иного государства, что здесь не его государство, а мое.

– Ишь ты, разошелся! Пускай сам забирается наверх, а я останусь внизу.

Итак, до того, как корреспондент «Правды» обратился ко мне с просьбой помочь ему получить праздничные стихи Сулеймана, я встречался с поэтом дважды и уже любил в нем человека.

Дома, у него в ауле, я впервые увидел Сулеймана весной 1935 года. В Ашага-Стал мы приехали вместе с корреспондентом. Сулеймана мы застали больным. Когда мы вошли к нему в саклю, он сидел на кровати бледный, с отеками под глазами, и вид у него был весьма понурый. Нужно было получить стихи. Но как? Речи о том, чтобы он сложил специально новые стихи, быть не могло, и беспокоить его в таком состоянии мы не решились. Стало быть, приходилось ограничиться старым. Но Сулейман сам предложил выход.

– Есть у меня несколько шкурок, – сказал он после беседы с нами. – Нужно сделать праздничную шубу. Вы будьте закройщиками, и с вашей помощью, может, мне удастся сшить новую шубу. Я вам дам мерку и буду наблюдать, сидя в постели, а вы работайте...

Здесь же, при непосредственном внимании Сулеймана, я «скроил шубу», то есть выбрал из нескольких стихов лучшие четверостишия, наиболее отвечающие моменту. «Иглой» Сулеймана четверостишия эти были «сшиты». Получилось два коротеньких стихотворения, которые вскоре же были опубликованы в «Правде».

Должен сказать, что в тот день, участвуя в какой-то мере в «сшивании» этих стихов, как образно пошутил Сулейман, а может быть, и в некоторой доделке их, я и не подозревал, что приобщаюсь к большому, ответственному делу, что с этого момента жизнь, и творческая судьба моя как литератора пойдут по новой, далекой дороге. Я смотрел на это, как на исключительный, единственный случай, но вышло так, что это мое первое прикосновение к творчеству Сулеймана определило и весь дальнейший характер и методы моей работы с ним. Произошло так, что потом само собой разумелось, что я только и не просто безоговорочно должен переводить все, что «выпелось» из души Сулеймана, я должен подвергать это некоторой редакции со-

гласно с волей, вкусом и характером самого автора.

Будем, товарищи, правдивыми. В те времена, когда я начал работать с Сулейманом, дело перевода с национальных языков на русский язык было делом новым и этим вплотную, углубленно никто не интересовался. Сулейман, как известно, был первой ласточкой, предопределившей эту воистину цветущую весну народного творчества, какую мы переживаем сегодня, и в смысле обмена опытом, и в смысле широкого внимания к литературам братских народов, и в смысле изучения дела переводчиков – моря переводчиков! Стало быть, я шел по тропе, мало проторенной, одним чутьем ориентируясь там, где ныне широкая оживленная дорога. Я не фольклорист-теоретик и быть таковым не собираюсь. Сейчас, в свете сегодняшних требований и опыта, многое из того, что делал я тогда, кажется, может быть, и мне самому ошибочным и наивным, – это вполне естественно! – Однако я обязан рассказать все по порядку, хотя бы ради исследователей творчества Сулеймана.

Возвращаюсь к теме. С того момента, как появились стихи Сулеймана в «Правде», отовсюду, буквально со всех концов страны, поэта стали осаждать десятками телеграмм, писем, заказов, к нему начали стекаться специальные корреспонденты и репортеры. Началось паломничество к Сулейману Стальскому. Сулейман, и сам того не ожидая, вдруг очутился на такой высоте, что теперь нельзя было ему «ударить в грязь лицом». Каждый вздох его слышала вся страна. Здесь нужно было быть поэтом большого политического кругозора и огромной эрудиции, полным творческих сил, чтобы достойно держаться в вышине и не упасть. Не экзотическая оригинальность Сулеймана интересовала страну и народ, а его живое, боевое слово, сказанное кстати, отвечающее времени, и, согласный с думами передового народа, его горячий отклик, ибо народ в нем видел своего сына. Время призывало Сулеймана и требовало, чтобы он был трибуном. Новое чувство влекло за собой и новые мысли. Он стал во главе бурно формирующегося советского фольклора...

... Есть люди, идеализирующие в фольклоре архаизмы и древние формы. Речь идет о кабинетных фольклористах. Они готовы культивировать окаменевшие формы, уже давно не звучащие, чуждые времени и духу времени, рожденные в незапамятном быту, быть может, тогда и к месту, но ныне ставшие нелепыми, как нелепы деревянные плуги. Эти люди тормозят, консервируют развитие народной литературы, они искусственно поддерживают безнадежные, одряхлевшие,

уже умершие эпитеты и образы, эстетски смакуя их, предлагая исходить из старого, топтаться на месте. А между тем фольклор, как и язык, как и все живое на земле, развивается и движется вперед, ищет и находит новые эпитеты, новые образы. Освободить новый советский фольклор от условностей старой формы – это задача дня! Дать возможность людям смелее экспериментировать! Всегда и во все времена обогащали науку лишь дерзкие люди, творцы, ломающие старые понятия, не примиряющиеся со старым. Сегодня стираются древние рамки и понятия о фольклоре. Рождается новая великая народная литература, которая есть и будет состоять из слияния фольклора и письменной литературы. Разве не являются тому ярким примером Сулейман Стальский, Джамбул Джабаев, Крюкова и многие другие? Являются! Чтобы понять это, почувствовать, увидеть, нужно лишь обладать чувством (нового и внимательно оглядеться вокруг...

Сулейман сказал однажды:

– Вот вы, грамотные люди, все верхом, а я – пешком, и мне трудно догнать вас и время. Подсадите меня! Не надо ждать, сдерживая коней, пока я догоню вас, опираясь на палку, – я стар, недолго мне сопутствовать вам, – пристройте меня, юноши, рядом с собой в седле и правьте дальше.

Стало быть, неграмотный певец был не так уж прост, он был мудр, он был подлинным творцом и понимал больше, чем иные наши кандидаты филологических наук...

И тогда я понял свою задачу. Надо держать поэта в седле современности, помочь ему, неграмотному, но одаренному ашугу, которому выпала великая доля быть трибуном своего народа, не отставать от быть впереди него. И вся моя работа с Сулейманом исходила из этого требования самого Сулеймана.

Я предвижу возражения, но что я в данном случае выбрал свою роль правильно, я не сомневался и не отрекаюсь: на том стою!

Нужно ли было вообще вмешиваться в творческий процесс Сулеймана Стальского? Может быть, надо было предоставить его самому себе? Может быть, самобытное, оригинальное лицо Сулеймана исказилось в результате моего «грубого» вмешательство? Это спорный вопрос!

Быть может, сам себе не отдавая отчета, я все же отлично чувствовал, что имею дело со «взрывчатым веществом», и всегда был бережен, никогда ничего не навязывал Сулейману, а только показы-

вал ему, и он был волен сам выбирать, что ему по вкусу. Я не вел его за руку, как поводырь слепца, а лишь служил при нем подмастерьем, я выполнял работу рецензента, советчика. У многих выдающихся поэтов они были, и влияние их на творчество этих поэтов неоспоримо. В конце концов пусть это было содружество литератора и народного певца. Возбраняется ли это? Преступление ли это и перед кем?

Однажды, под вечер приехав в аул, я застал Сулеймана одного в чулане. Он сидел в глубоком раздумье. Над ним нависали баранья туши: сушилось мясо, как всегда осенью в ауле. Вокруг него стояли мешки с мукой. Он сидел, нахлобучив папаху, сосредоточившись...

«Что еще такое?» – подумал я озадаченно. Оказывается, он сочинял песню «Об утильсырье». Это меня удивило. Но еще большее удивление вызвали у меня его стихи. Оказывается, Сулейман неправильно понял самую тему: зачем и для чего надо собирать утильсырье, а главное, взял неправильный тон для своей песни, он решил построить песню, как просьбу: наше государство, мол, нуждается, ему нужно выпустить много машин для нас, так вы, мои друзья, собирайте старые тряпки, старые галоши. И это он слагал искренне, от души, будучи уверен, что так и надо, ибо все, что сочинял Сулейман, – уж я-то знаю это! – было искренне и шло от чистого сердца. И тут он убежден, что так и нужно: что раз нельзя заставлять собирать тряпки, а надо просить, то необходимо просить как следует.

Что мне оставалось делать? Разумеется, я ему объяснил и помог, но с этой минуты совесть моя была уже абсолютно чистой в смысле того, что я делаю нужное, допустимое, вполне законное дело, вмешиваясь некоторым образом в творческий процесс Сулеймана Стальского. С этой минуты мне стало ясно, что помогать ему не только надо, но и должно. Иной фольклорист, может быть, оберегая голую оригинальность Сулеймана, беспрекословно взял бы эту его неудачную песню «Об утильсырье», академически точно перевел её и, быть может, написал бы исследовательскую брошюру по поводу чередования гласных в песне Сулеймана «Об утильсырье», ибо самую песню в таком виде нигде бы, конечно, не напечатали. И брошюру бы эту изгрызли мыши... Тем дело и кончилось бы.

Но я видел в Сулеймане прежде всего живого поэта. Я должен был разъяснить ему, расшифровать тему, раскритиковать стихи. Повторяю снова: время и общественность требовали от Сулеймана не голого проявления его оригинальности, а требовали, чтобы он был на высоте своих задач и понимания тех вопросов, которые решает его

страна, требовали, чтобы голос его, оригинальный и неповторимый, звучал не в арьергарде, а во главе колонны.

Вот почему я решил: пусть потом академики разбираются и исследуют влияние сушеного бараньего мяса на творчество Сулеймана, – мне эта оригинальность ради оригинальности не нужна, так же как не нужна она и моей стране и времени. Беру ответственность за эту свою дерзость целиком на себя: надо было помочь ашугу держаться в седле современности, какого бы риска это мне ни стоило. Судите сами.

Может быть, когда Сулейман был малоизвестен и неторопливый голос его раздавался только в его округе, он мог прекрасно справиться со своим делом и без чьей бы то ни было помощи. Но когда к его слову стали прислушиваться и студент, и пограничник, и академик, и комсомолец, и крестьянин, и рабочий, когда стихи Сулеймана предназначались для радио, для газет и каждое его четверостишие стало получать всесоюзный резонанс, то здесь уже мастер один не справлялся. Непокойная жизнь началась у старика. Ему был необходим помощник. Правильно ли я определил свою роль? Может быть, с чисто академической точки зрения, и не совсем правильно, но с точки зрения живой жизни, я именно так и должен был решить свою задачу. Вот слова Сулеймана:

– Если старый кузнец делает колесо для арбы, если в дереве или железе трещина, то соседи, более зоркие, должны ему на это указать, помочь выбрать новый материал, посоветовать, если они его доброжелатели. А то как же: несчастье будет, арба опрокинется.

С великой осторожностью, оберегая колорит и звучание песен, а иногда пусть, быть может, и в ущерб этому, я взял на себя ответственность консультировать содержание стихов Сулеймана, как мог. Это сказано смело, но пусть будет так. Я надеюсь, это не будет расценено как нескромность.

Ведь и вообще всякое сознательное творчество протекает под чьим-то влиянием и контролем фактора времени, под влиянием некоей среды, обстановки. Я хочу сказать, что просто так, как придет на ум, без учета цели и без критики, что важно, что нужно, что скучно, что устарело, поют разве только одни лишь птицы да дети. Следовательно, раз речь идет об учете интересов времени и уровне современной политической мысли, то ясно, что неграмотный старый ашуг, будь он даже семи пядей во лбу, не мог один справиться со всеми вопросами. Задачи певца будут тем шире, чем шире его возможности.

Или не так: задачи певца будут изменяться и возрастать пропорционально тому, как возрастает мощь его голоса, его кругозор, аудитория. Гомер в наши дни пел бы иными стихами, и разве «Илиада» и «Одиссея» не редактировались в течение долгих лет исполнителями, самим народом и теми, кто заучивал эти бессмертные песни, до тех пор, пока они не затвердели на папирусе? Аудитория Сулеймана была необъятна, время Сулеймана – небывалое время по богатству и насыщенности событиями: оно, это время, имеет орлиные крылья, и за ним едва успевают даже «верховые», не говоря о «пеших».

Со всей смелостью и ответственностью за свои слова я заявляю здесь: да, я совместно с ним редактировал каждый новый стих Сулеймана, прежде чем он попадал к переводчикам, я сокращал неудачные образы и эпитеты, и, обсудив с Сулейманом содержание, только в таком виде, после одобрения и поправок, уже новых поправок самого Сулеймана, передавал в печать. Здесь, разумеется, идет речь не только о тех стихах, которые переводил я сам, но в значительной степени и о тех, подстрочники которых передавались московским переводчикам. Однако не понимайте это упрощенно, не думайте, что работа, эта носила бюрократический характер. Она протекала в оживленной, живой обстановке. Сулейман сам поощрял и требовал подробно высказаться по поводу каждой его новой песни и часто с хитрой усмешкой как бы испытывал меня, достаточно ли я разбираюсь в его стихах. И поступал в конце концов так, как сам считал нужным. Далеко не всегда соглашался он с моей рецензией, но все же часто бывало и так, что он, задумываясь, одобрительно кивал головой и тут же заменял одно четверостишие другим, поворачивал мысль в нужную, острую сторону. Никогда я не забуду тех часов, которые провел я с Сулейманом в светлых, творческих этих беседах. Я, бывало, чувствовал себя счастливым, когда удавалось мне угодить ему в хорошем смысле и когда он, не теряя достоинства, важно опуская руку на мое плечо, говорил:

– Здесь ты прав. Верно, мальчик!

Например, можно ли было сохранить в стихотворении, посвященном съезду девушек-горянок, такой образ: «Девушки, вы птицы, достойные золотой клетки».

На первый взгляд это звучит, может, и не столь странно; вы, мол, птицы, не простые птицы, а особенные. Но, если вдуматься, получается нехорошо: почему девушки достойны клеток, хотя бы и золотых?

В стихотворении «На смерть Орджоникидзе» Сулейман говорят: «Серго, ты умер, цветок наш красный стал черным, изменился его цвет навеки». Это неверно политически.

Таких примеров я мог бы привести множество, но в данном случае вы, вероятно, ждете от меня ответа на главный вопрос: чем и какими методами я руководствовался в этой своей работе? Я отвечу так: никаких раз и навсегда определенных методов и правил здесь найти нельзя. Работа эта не поддается контролю и не определяется заранее так же, как и всякая другая творческая работа. Все зависит от такта и честности, от художественного вкуса рецензента и опыта переводчика, который, по-моему, так же ответствен, как и поэт.

Начнем сначала. Во-первых, я помогал Сулейману правильно найти тему. Возникла беседа. В разговоре я выяснял, проявлял ли Сулейман интерес к данной теме, или он абсолютно к ней равнодушен. Иногда, конечно, он и сам называл темы своих стихотворений (например, как-то в Москве он пришел ко мне с широко открытыми глазами и сказал: «Буду слагать песню о гибели самолета «Максим Горький». (Это было в день гибели самолета.) Очень часто, повторяю, Сулейман сам находил и важную тему, и нужный, правильный тон и слагал по этому поводу большую или меньшую песню. Но иногда, будучи не в силах разобраться в деталях политического события или темы, он упускал главное, подчеркивал и развивал случайные моменты, делал частные выводы.

Опять-таки предвижу, что некоторые товарищи неправильно, вульгарно истолкуют мои слова. «Надо было предоставить Сулейману самому себе, пусть бы он сам выбирал и темы для песен и сам устанавливал свое к ним отношение». Отношение – одно, а подход (тон, толкование) – другое. Речь идет не о поэтическом отношении к теме, а о политическом – это нельзя путать.

(Голос: «Не надо было тянуть Сулеймана к каждому юбилею»).

Это почему же? Во-первых, я не тянул Сулеймана к «каждому юбилею», а во-вторых, я не нахожу в этом ничего предосудительного, я считаю, что, наоборот, нужно было. Мы мобилизуем и ставим на службу времени, на службу великим задачам дня все средства страны. Почему же голос и талант Сулеймана, прославленного певца, должен быть в стороне от больших событий, переживаемых его Родиной? Я не понимаю. Разве столетний юбилей со дня гибели Пушкина не событие, и разве не нужен, не важен был отклик на это событие народного поэта, представителя маленького, не имевшего в про-

шлом понятия о печатной литературе горского народа? Это было нужно хотя бы потому, что через столетие обращался Пушкин к Сулейману, к нашему времени, пророча в своем знаменитом «Памятнике» тот день, когда его назовет всяк сущий на его родине язык. Сулейман должен был откликнуться!

Или, скажем, пятидесятилетний юбилей Серго Орджоникидзе. Разве это не было событием для страны? Это было событием, особенно для Кавказа и Дагестана, где боролся и побеждал Серго вместе с горцами в суровую пору гражданской войны и где его имя стало родным. Вот, между прочим, и все юбилеи, к которым я «притянул» Сулеймана. Их было не так уж много.

Справедливость, однако, требует сказать, что мысль написать поэму о Серго Орджоникидзе была подана не столько мной, сколько найдена самим поэтом. Как-то раз во время приезда моего в аул он мне сказал, что надо сложить необычную, достойную песню о Серго Орджоникидзе. «Она должна быть большой, – говорил он, – составка мне план, потолкуем». Это было за год до пятидесятилетия Серго. В чем заключалась моя помощь? Еще летом началась подготовительная работа. Но так как в данном случае речь шла о «большой песне», то есть об эпической поэме, совершенно ясно, что Сулейман не смог бы сразу создать в уме стройное произведение. А может быть, и смог бы, я не спорю. Но в данном случае он имел дело с неведомым ему до сих пор сложным жанром и поэтому особо подчеркнул, что нужно, мол, не щадить сил и что я должен остаться с ним в ауле на некоторое время. По его поручению я составил конспект и, разбив тему на пять глав, пересказал ему своими словами. Надобно сказать, что в отличие от работы, может быть, многих переводчиков, мое вмешательство в творчество Сулеймана никогда не касалось формы его стихов, того «самого, что в основном определяет колорит и оригинальность творчества поэта.

Форма у Сулеймана была одна – раз и навсегда определенная. Это были четверостишия – рубаяты, издавна известная и культивировавшаяся в Малой Азии, в Турции, на Кавказе традиционная форма ашугских стихов.

К слову сказать, Сулейману, видно, и самому надоело под конец слагать все в одной и той же форме: тра-та-та, тра-та-та, та, та, и так тысячи строк. Скучно! И вот однажды старик решил «обновить» форму и вместо трех строчек и четвертой – рифмующейся (редифной) – начал лелеять четыре строчки – рифмующиеся, а пятую – общую –

редифную. Но, между прочим, пятистрочные рубаяты существовали столько же времени, сколько и четырехстрочные, так что и тут новаторства не было. Я это к тому, что форма, даже при всем желании Сулеймана обновить ее, была все та же – тысячелетней давности форма рубаятов.

Итак, моя помощь, мое вмешательство, повторяю, касались всегда лишь главным образом содержания. Прежде чем продолжать разговор о моей переводческой работе, считаю нужным снова вернуться к мысли о выборе темы и моей инициативе в этом деле.

Я уже говорил, что часто Сулейман сам находил и правильный тон, и нужную тему. Но иногда я наталкивался и на равнодушное отношение Сулеймана к важной теме. Тогда я употреблял все средства к тому, чтобы незаметно для него увлечь его, заинтересовать, вызвать в нем удивление. Так было, например, с песней «О красном казачестве».

Я никак не мог убедить Сулеймана в том, что казаки – это наши друзья. В его сознании, так же как и в сознании горского крестьянства, слово «казак» было синонимом слова «белогвардеец». Дело в том, что у нас в горах деникинские казаки во время гражданской войны оставили о себе кровавую славу. Поэтому, когда вся страна заговорила о советском казачестве, стихи Сулеймана на эту тему были очень нужны. С давних пор на Кавказе горцы и казаки, подстрекаемые царским правительством, враждовали между собой. Здесь как раз и нужно было новое слово, слово Сулеймана, представителя горского народа, слово, определяющее новое отношение горцев к своему соседу, красному казачеству.

Мне пришлось много говорить, пришлось приводить примеры из истории, примеры дружбы и взаимопомощи между казацкой беднотой и горской беднотой. Но я не скрыл от Сулеймана и того, что его стихи необходимы именно сейчас, что это имеет огромное значение для всех горских народов.

Отсюда вывод, что «подавать мысль» значило не просто называть тему или привлечь внимание, но это значило, прежде всего, растолковать певцу значение и смысл темы, подать её остро. Разумеется, это, как правило, должно отвечать характеру певца и должно вытекать из общего изучения круга его задач и возможностей.

Особо я останавливаюсь на методах моей переводческой работы. Я не признаю работу переводчиков как некий второстепенный вид творчества. Переводчик есть поэт, создающий равноценные стихи на

другом языке, переводчик есть, образно выражаясь, соперник, а не раб переводимого поэта. Это не моя мысль, об этом говорил еще Жуковский. Но так как стихи, переведенные на другой язык, должны сохранять аромат и душу оригинала (это самое главное и важное), то переводчик, кроме всего, должен быть человеком, глубоко чувствующим поэзию двух языков: того, с которого переводит, и того, на который переводит. Мало того, переводчик должен любить и знать страну, чувствовать и ощущать народ, представителем которого является переводимый им автор.

Я не знаю лезгинского языка, но зато я изучил в свое время тюркский, я сам горец, родился в тех же горах, где и Сулейман; лезгинский и лакский (гази-кумыкский) народы являются как бы едиными в своей истории, в своей судьбе. Да и, кроме того, лезгинское народное творчество и его традиции, и его музыка – все это могло быть родственным и мне с самого детства. Сулейман читал и толковал мне свои стихи по-тюркски. В процессе того, как я для себя в записной книжке составлял подробный подстрочник, шла так называемая редакторская работа. Часто вместо первоначального варианта четверостишия или отдельной строки Сулейман на ходу придумывал новые, заменял один образ другим и так далее. Сожалею, что не всегда это подробно фиксировалось мною и не всегда сохранялись материалы, поэтому многие стихи Сулеймана в моем переводе часто отличаются от оригинала, то есть от того варианта оригинала, который был записан первоначально кем-либо на родном языке. Эта весьма специфическая работа проходила, я еще раз, во избежание кривотолков, подчеркиваю – при непосредственном творческом участии самого Сулеймана. «И вожди, и кнут», как говорят у нас, были у автора. Я лишь обсуждал с ним, но никогда не переделывал на свой лад, по своему почину. Так, критикуя, обсуждая и сокращая вялые места, ненужные повторы, я, наоборот, сохранял и оберегал все, на мой взгляд, самобытное, оригинальное и непосредственное. Насколько мне это удавалось, и устраивают ли мои переводы сегодня издателей академических однотомников Сулеймана – это особый вопрос, но я твердо убежден, что песни и стихи Сулеймана Стальского, каким бы методом они ни возникли, если они при его жизни получили широкий общественно-политический резонанс, независимо от того, кто бы их ни переводил, есть биографический факт в творческой жизни поэта. Ныне они представляют интерес особый, гораздо больший, чем тот, о котором часто тревожатся запоздалые кабинетные ревнители фольк-

лора. Они, эти песни, сделали свое дело и существуют, затвердев в том виде, в каком завоевали славу. Я говорю это к тому, что теперь, после того, как финики уже съедены, есть много охотников, которые, наточив топоры, пытаются подрубить дерево под корень, потому-де, что финики были выращены не совсем тем методом, каким полагается.

Возвращаюсь к тому.

В своих переводах стихов Сулеймана Стальского на русский язык я всегда стремился сохранить основное зерно его образов...Иногда после критического пересмотра приходилось одно стихотворение делить на два. Например, выступление Сулеймана в Кремле на съезде колхозников-животноводов вначале было сложено им как одно стихотворение; работая над переводом, мы сделали из одного – два стихотворения. Это было сделано ради точности содержания.

Кроме того, был однажды случай, когда несколько вариантов на одну и ту же тему пришлось объединить в одно стихотворение-поэму. Так возникли «Думы о Родине». В то время издательство «Молодая гвардия» готовило сборник «Наша Родина». Сулейман получил предложение написать в этот сборник, где будут участвовать все лучшие поэты страны, песню, вроде запева, предисловия, введения в книгу. Сулейман дал согласие, и я снова по его поручению составил конспект. По этой канве он и начал шить узоры четверостиший. Работа эта была не новой для него, точно так же по моим конспектам поэт задолго до этого дождал самую большую и монументальную свою поэму «Дагестан». Сулейман творил и тут же диктовал мне, тут же варьировал тему, развивая найденную в общей беседе :о мной мысль, и так далее. Так возникла поэма. Может быть, метод этот, как правило, не всегда приемлем, но это был эксперимент, результатом которого явилась такая широко известная вещь Сулеймана, как «Думы о Родине». Особо остановлюсь на том, как Сулейман создавал свои песни.

Самый процесс творчества проходил у него необычайно естественно, без напряжения, без того, чтобы, «насупив брови и засучив рукава, бросаться врукопашную с самим собой» (народное выражение).

Он мог творить, сидя на коне, по дороге из аула на базар, лежа в постели перед сном, разгуливая по саду или даже беседуя с соседями, сидя на солнцепеке у ворот. Все это получалось у него непринужденно, память у него была феноменальная, он держал в голове многие

тысячи строк своих и тысячи строк чужих стихов. Он творил просто, как говорил.

Вот, к примеру, подробный рассказ о том, как поэт сложил песню о Пушкине: Это было в конце лета. Мы говорили с Сулейманом, сидя на террасе, о русской поэзии, и в разговоре я вспомнил, что скоро будет столетие со дня гибели Пушкина. Надо было, чтобы Сулейман откликнулся на это событие, сказав что-нибудь по этому поводу на своем языке.

Со спокойной совестью обратился я к Сулейману:

– Сулейман, надо, чтобы ты что-нибудь сложил о Пушкине.

– А кто он такой? Жив или умер? – спросил Сулейман. Я объяснил, что Пушкин умер сто лет назад, сказал, что это был великий русский поэт, стал знакомить его с биографией Пушкина. Сулейману обычно надо было рассказывать не просто, а так, чтобы он живо представлял обстановку и героев. Например, говоря о Дантесе, надо было подчеркнуто изобразить отвратительную фигуру убийцы. Нужно было говорить образно. Вообще всегда в разговоре с Сулейманом нужно было говорить образно, иначе он скучал и не поддерживал беседы.

Итак, мы говорили о Пушкине.

Я прочел Сулейману «Сказку о рыбаке и рыбке». Прослушав сказку, он сказал:

– Ай, негодяйка, так ей и надо! Старики должны были жить мирно, счастливо, – я слышал такие сказки не раз, а здесь эта старуха все испортила.

Я прочел ему «Кавказского пленника». Он с видимым удовольствием прослушал звучные пушкинские стихи и даже справился: в каком ауле это было, что он, дескать, что-то не слышал о таком случае. Потом он надолго задумался.

Конечно, я мог бы покинуть его и вернуться через несколько недель за готовыми стихами, но я решил подождать. Ехать к Сулейману в аул было очень сложно. Ехать приходилось по железной дороге, по шоссе и, наконец, идти пешком по тропе. В данном случае мне не пришлось долго ждать. Сулеймана заинтересовала тема. Он задумался и, немного помолчав, обратился ко мне:

– Жарко, – сказал он (день был действительно жаркий). – Иди выкупайся; там, в роще, у дороги, есть родник. Пока ты будешь купаться, я, может быть, что-нибудь сочиню о Пушкине.

Я понял, что это неповторимый случай, мне нужно остаться и по-

наблюдать, как Сулейман будет слагать стихи. Вот сидит Сулейман у себя на террасе. Зной. Где-то в глубине двора слышно, как пищат заблудившиеся в бурьяне цыплята. Тишина. В этой тишине и в зное сидит Сулейман один на террасе, безмолвно, сосредоточившись. Какая-то назойливая муха кружится над его лысиной. Он отгоняет её, отмахивается от нее руками и, наконец, уступив ей место, пересаживается на другое. Сидит он тихо, что-то шепча про себя, шевеля указательным пальцем и временами нахмуриваясь.

По дороге проезжает всадник. Еще издали всадник, снимая папаху, кланяется Сулейману через ограду. Здравствуй, Сулейман! Как здоровье?

– Здравствуй, – Сулейман безразлично. – Добрый день, сын мой. И, ухватясь рукой за столб, подпирающий крышу, встает.

– Что слышно на базарах? Какие новости?

– Ничего, – отвечает всадник, – все по-старому. Всадник исчезает. Сулейман вновь задумывается и опять медленно опускается на свое прежнее место у ступенек.

Вдруг стая воробьев с дружным щебетом залетает на террасу и, увидя, что здесь сидит Сулейман, молниеносно улетает обратно. Сулейман, щурясь и невольно улыбаясь, смотрит им вслед. Потом он долго возится, доставая из нагрудного кармана недокуренную папиросу (одну папиросу он обычно курил четырежды; покурит-покурит, потушит, спрячет, потом опять достает и закуривает снова). Тишина...

За садами видны далекие белоснежные вершины гор, и там давно уже сгущаются тучи. Они быстро темнеют и приобретают тот свинцовый блеск, что предвещает скорую грозу. Надвигается дождь.

Сулейман сидит, спокойно покуривая папиросу и разглядывая цыплят перед собой. Одна рука его неподвижно лежит на посохе. Но вот из-за садов, шевеля листьями и перешагивая через деревья, с шумом и со стрекотом налетает крупный, широкий летний дождь; дождь идет при солнце.

Сулейман сидит все так же, покуривая папиросу, наблюдая за дождем, и долго молча возится, пряча спички в задний карман бешмета.

– Дождь идет, – говорит он, наконец, вполголоса про себя,

Старуха, которая вышла на шум дождя и так осталась стоять, прислонясь к косяку двери, отвечает:

– Этот дождь, наверно, долго будет идти.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Сулейман.

– Пузыри кругом... Пузыри, пузыри...

И вдруг дождь, как это часто бывает летом, внезапно перестает. Слышно, как кричат дети, высыпавшие на улицу. Поют птицы. Сулейман, медленно и осторожно опираясь на посох, сходит во двор. У самой калитки он встречает внучку.

– Как тебе не стыдно, – говорит Сулейман, топнув ногой, – босиком ходить нехорошо. Иди, надень башмаки.

Потом, выпрямись, выжидающе останавливается у ворот.

– Эй, – кричит он, заметив меня, – вышла песня! – и голосом, удивительно спокойным, даже скупающим: – Пойдем, потолкуем, переведешь. Все!

Так возникли стихи о Пушкине.

В жестокий, черный век ты жил,
Певец великого народа.
Но только правде ты служил
И в песнях воспевал свободу...

Товарищи! Меня всегда чрезвычайно трогала и волновала эта простота и непосредственность Сулеймана. Я убежден в том, что он именно тем и был прославлен, тем и замечателен и велик, что всегда оставался самим собою, не рисовался, не кривил душой ни при каких обстоятельствах жизни. Он был одинаков и там, на головокружительной высоте, буквально на небесах, куда подняло его время и народ, и в самых низинах, в кругу своих соседей-пастухов, древних, седобородых старцев.

– Может быть, это счастье, – говаривал он мне, – что я не молод. Не то, может быть, я и не сумел бы сберечь свое достоинство, голова бы закружилась. А достоинство поэта – первое, что надо беречь, юноша. Достоинство поэта – есть достоинство его земли.

Я никогда не видел, чтобы Сулейман проявил торопливость в чем-либо или растерянность. И он никогда не терял своего достоинства.

Когда его на съезде писателей представили А. М. Горькому, он сказал:

– Мы – старики, Максим Горький, приятно поговорить с тобой, ровесником, а то кругом одна молодежь, с ними нам не подобает равняться.

Когда ему дали орден и Литфонд предоставил возможность при-

обрести всякие необходимые ему вещи на сумму до трех тысяч рублей, мы с Сулейманом, помню, вошли в магазин на Кузнечном.

Я говорю:

– Здесь, Сулейман, ты можешь выбрать все, что хочешь. За все будет платить государство.

Он сразу же остановился перед полкой с мануфактурой. Дайте тридцать метров вот этого, – показал он на материал в красную полосу, из которого обычно делают матрацы.

– Что еще прикажете? – спросил продавец. Больше ничего не нужно. Остальное есть. Сын вот женится, а у нас, по обычаю, надо дарить невесте матрацы.

– Да что ты, Сулейман, – вмешался я. – Тебе дают возможность купить на три тысячи рублей всего, что надо, а ты повезешь в подарок тридцать метров... Неудобно!

Сулейман задумался.

– Неужто неудобно? – и помолчав, – Тридцать метров, пожалуй, будет мало, ты прав, дайте еще десять метров этого же материала, и тогда все!

Этот человек был неповторим своей первобытной непосредственностью. Я знал хорошо, что должен оберегать и всячески щадить именно эту сторону его характера, эту оригинальность его души. Но, может быть, иногда, по неопытности, я проявлял излишнюю оперативность, как теперь говорят. Это было не по моей вине, слишком долго об этом говорить, эта тема другого доклада.

Работа моя с Сулейманом – это первый в своем роде опыт сотрудничества литератора и народного певца. Достоин или недостоин он подражания – вопрос особый. Будет совершенно нелепо возводить его в закон. Но что в свое время он был оценен очень высоко и оправдал себя – это неоспоримо.

Я понимал и любил Сулеймана как представителя горской бедноты, простого, в лучшем смысле слова, «земного» человека, лезгинского древнего крестьянина, вплоть до тридцатых годов нашего века пахавшего допотопными пуруцами (деревянной сохой), жителя аулов, где и донныне вы найдете коптилки, где сильны родовые обычаи, традиции, понятия патриархального примитивного строя.

Он говорил языком своих соседей, своего аула, своего округа. Это был рядовой колхозник, призванный выражать общие мысли и думы своего народа простейшими стихами. И я сожалею, что до конца понял я это поздно, и вот почему мои переводы его стихов (значи-

тельная часть их) сделаны совсем не так, как я сделал бы их теперь. Я иногда невольно придавал им излишний лоск. Был неопытен. И здесь я должен повторить, что это часто бывало вынужденно, потому что у нас до последнего времени существовала в редакциях странная оценка работы переводчика. Зачастую простота и чистая непосредственность оригинала, если её обнажить, вменяются в вину переводчику, как обеднение и примитивизация вещи.

Я сейчас с некоторым чувством жалости листаю книгу Сулеймана Стальского. Но дело сделано. Урожай собран, финики съедены. Можно теперь сожалеть и мечтать, можно упрекать редакторов и готовить новое, тщательно выверенное, академическое издание песен ашуга, но задним числом корректировать плодотворную работу Сулеймана Стальского со мной я не собираюсь и считаю, что никто не вправе это делать. Сулейман совершил при своей жизни максимум того, на что был способен, и это ему принесло славу при жизни. Стихи затвердели на русском языке и теперь живут самостоятельно, сплошь и рядом публикуясь без упоминания имени переводчика. Я уже не имею к ним никакого отношения. Теперь начинается работа исследователей в тиши библиотек, – слава их кропотливому труду – но пусть помнят исследователи, что стихи эти в свое время крепко пришлись по душе народу. Они и до сих пор звучат все так же свежо, их заучивают в школах, их читают по радио и цитируют по многим поводам, ибо они идут рядом, не отставая от «всадников, сидящих в седле». Этим я, конечно, мог бы гордиться, ибо и моя скромная доля труда в это вложена.

В заключение мне осталось сказать несколько слов. Как-то Сулейману, после очередного приступа болезни (он болел сердцем), врачи посоветовали отдохнуть два месяца в Кисловодске. Сулейман ответил:

– В Кисловодске я уже был. Кисловодск мне ничем не помог. Вот здесь, в горах, есть народный курорт, там я и отдохну.

Так Сулейман и понимал мою работу с ним. Так он говорил о своей работе со мной неоднократно. Некоторые из его высказываний в свое время были опубликованы «Правде», в беседах Сулеймана с корреспондентами. Если угодно, я могу поставить себе в заслугу, что мне довелось быть равие ашуга Сулеймана...

Подхожу к концу.

– Когда я ехал в Москву, – сказал однажды Сулейман, – мне люди говорили: «Сними ты, Сулейман, эти старые чарыки, поезжай в

Москву как купец, надень галстук, купи костюм. Ведь у тебя денег на все хватит, слава богу».

А я им говорю: «Никогда не надену костюм, останусь своим бешмете, старом и пропахшем чесноком, в том бешмете, в котором я родился и в котором ходят мои соседи. В этом костюме народ меня лучше понимает. Я остался при своих чарыках и поехал: в них в Москву, – говорил Сулейман. – Сила моя в чарыках».

Товарищи! Я хочу кончить свой доклад так:

Я считаю, что задача тех людей, которые работают со сказителями, заключается именно в том, чтобы сохранить «чарыки» певца, сохранить своеобразие походки, не переобувать его на свой лад. Но это не значит, что поэт должен быть предоставлен самому себе. Нет! Пусть он будет обут по-своему, в свои чарыки, но пусть он идет в ногу о временем. Пусть будет у него своя походка, но пусть он идет, не отставая от времени, а если он не в силах, пусть кто-нибудь из молодых, верных ему, любящих и чувствующих, возьмет его под руку осторожно, бережно, по-сыновьи.

А что касается методов, они не поддаются учету, да разу и не найдешь достаточно убедительной академической формулировки для них. Все способы, по-моему, можно оправдать, если время их оправдывает, если результаты хороши; все они плохи, если результаты их будут плохи, если время их осудит. Не надо бояться экспериментировать! Не надо топтаться на месте; не тянуть назад, а быть на уровне своего дня, своей эпохи, своего народа. Рождается «новый, советский фольклор, рождается небывалая народная советская литература, и здесь нет заранее предусмотренных правил.

Слава новому!

С. Липкин

БЕССМЕРТНЫЙ АШУГ

В нём жила душа артиста. Я провёл в его сакле некоторое время, работая над переводом «Дагестан». Возможность воспроизведения на чужом языке не только смысла, но и звуков подлинника изумляла его, как художника, привыкшего по-восточному благоговеть перед формой стиха.

Вот некоторые из его вопросов, на которые он сам торопился быстро ответить, желая до всего дойти своим умом.

– Думают ли поэты над тем, что слова нужно рифмовать по смыслу?

Глупо рифмовать «муха» и «брюхо». Муха – маленькая, всегда летит, а брюхо – большое и неподвижное.

– Какие самые сильные в мире слова? На мой слух – русские: то они как поток в горах, то – как озеро, а то – как седой Каспий в бурю.

– Правда ли, что есть писатель по имени Салам Алейкум? (Шолом Алейхем). «Мир вам» – воистину благословенное имя.

– Сын мне читал стихи Пушкина «Обвал». Не бывал ли Пушкин в наших горах? Когда я слушал эти русские слова, мне казалось, что они родились в моем сердце.

СЛОВО ГОРЦА О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Поэму «Дагестан» Сулейман Стальский слагал два года. Он давно уже думал о ней, а когда закончил её и продиктовал сыну Мусаибу, снова приступил к работе – дополнять и исправлять уже готовый, звеневший в его памяти текст, решив использовать замечания друзей. Он называл эту поэму «Моя история», и когда произносил эти слова, то особенно долгим взглядом своих светлых глаз, особенно важным движением смуглой, тонкой руки подчеркивал, что это самый замечательный труд его жизни, и как бы призывал слушателя с ним согласиться.

В самом деле, сколько столетий вошло в эту емкую поэму – от её первых строк о том, как Дагестан терзали монгольские ханы и владыки Персии, до могучего образа Советской страны – корабля с надежными снастями:

Он с бурей дружен оттого,
Что Ленин, мира торжество,
Стал корабельщиком его.

«Моя история»... Но для ашуга Сулеймана это не историческая поэма в узком понимании жанра. Помимо того, что большая часть поэмы посвящена советскому времени, для каждого дагестанца история его народа, его страны есть не далекое, застывшее прошлое, а живое движение к настоящему.

Мы часто говорим: такой-то, когда-то отсталый народ на одной из российских окраин сделал «огромный прыжок» из полуфеодалных общественных отношений в страну социализма. Выражение это,

разумеется, образное – народу не так-то легко «прыгать»; что-то жило, зрело, слагалось, ширилось в его душе, что-то властно толкало его на путь русской революции, и разобраться в этом сложном движении народной души, понять сердце и разум своего народа, понять самого себя нельзя, не узнав мятежной книги былого. По-разному, с различным идейным и художественным результатом, таким исследованием занялись Садриддин Айни в «Рабах» и «Одина», Берды Кербабаев в «Решающем шаге», Айбек в «Священной крови», Аалы Токомбаев в «Кровавых годах». К ним можно прибавить, вероятно, еще десяток имен, и среди них – имя Сулеймана Стальского.

Каким образом неграмотный крестьянин, сумел создать произведение на историческую тему? Как же он пользовался архивными материалами, рукописями, научными источниками? На этот законный вопрос можно было бы дать такой ответ: Сулейману помогли представители молодой дагестанской интеллигенции, учителя, сельские врачи, журналисты, партийные и советские работники. Так недавно осознали они себя принадлежащими к свободному, равноправному народу с большим будущим, так страстно они хотели, чтобы их чувства, мысли были выражены в тех звонких, восточного блеска стихах, которыми пленял их ашуг из лезгинского селения Ашага-Стал! Мне, переводчику поэмы, пришлось наблюдать, как Сулейману устно излагались краткие конспекты исторических событий, как внимал своим грамотным собеседникам старый ашуг, отмечая ту или иную фразу каким-то покровительственно-учтивым наклоном головы в барашковой папахе.

Все это верно, однако, думается, такой ответ был бы поверхностным. Исторические познания Сулеймана Стальского были гораздо более глубоки. Вспомним, что поныне историческая наука о кавказских горцах не может не опираться на изустные предания, поэтичность которых редко вступает в противоречие с достоверностью. Эти предания хорошо известны старикам – и кабардинцам, и осетинам, и чеченцам, и дагестанцам, – а уж Сулейман Стальский знал их превосходно. У всех народностей Дагестана хранятся в памяти рассказы о битвах за горскую вольность с полчищами Тамерлана, с персидскими войсками Надир-шаха; имена хана Султана-Ахмеда и Ермолова, Абдул-Кадыра и Воронцова, Шамиля и «белого царя». А события более позднего времени – грозовой пятый год, бурная весна Октябрьской революции, гражданская война – уже явились для Сулеймана не просто историей, а историей его собственной жизни. Конечно, взгляды

Сулеймана на отдельные исторические личности страдали той узостью, которая свойственна известным преданиям. Так, например, Шамиль для Сулеймана – обожествленный герой, равный Рустаму из «Шах-наме».

Внимательный читатель отметит характерную особенность поэмы. Довольно охотно идеализируя популярных в народе героев прошлого века, Стальский никогда – и в этом он последователен – не идеализирует события, в которых эти герои участвуют. О движении Шамиля поэт говорит: «Меч падал мимо в эти годы». По традиции Сулейман сравнивает отважных горских повстанцев с орлами, но тут же замечает:

Орлы тоскуют взаперти. Кому внимать? Куда идти?

Откуда эта зоркость у простого деревенского певца? Здесь ашугу помог его трезвый крестьянский ум («есть под папахой голова!» – сказал он о себе). Сулейман видел, что все восстания горцев на протяжении столетий терпели неудачу, что как бы ни были отважны герои, они не могли исправить основную несправедливость жизни:

Многострадальное житье!
Ярмо влачили мы свое,
Нас всюду обирали, братья.
Нас брали, как зверей, в дубье,
Свирепо нас карали, братья.

Сулейман Стальский с убежденностью наставника и художника нанизывает строки поэмы на нить одной, главенствующей мысли: только Великий Октябрь впервые дал возможность горцу осознать свое человеческое достоинство, впервые сделал орла свободным.

Величьем Ленина сильны.
Познали волю мы впервые, горцы.

В поэме «Дагестан» нашли свое развитие художественные образы прежних стихотворений Сулеймана. Именно потому, что ашуг в поэме отвечает на вопрос, который он задавал в годы гражданской войны: «где правда времени, друзья?», именно потому, что он обрел эту правду, стало возможным более глубоко, более сильно осветить все то, что волновало поэта в 1918–1919 годах. Когда Стальский говорил:

Всем дань платя, ты разорен.
Кто б ни пришел, тот компаньон.
И ежегодно кроит он
Тебя на свой покрой, Кавказ!

Ненавистью к интервентам всех мастей, с одинаковой алчностью грабившим Кавказ, наполнено и другое стихотворение того периода:

Несутся клубы праха здесь,
Земля дрожит от страха здесь,
То шляпа, то папаха здесь,
То феска красная видна.

«Сталь Сулейман! Пусть ты в пыли, – придут иные времена!» – так кончается это стихотворение 1919 года о захватчиках в папахах, фесках и шляпах. Поэму «Дагестан» поэт складывал, когда уже «пришли иные времена», когда социализм победил в Дагестане, как и во всей стране. И эта печать новых, «иных времен» лежит на главах, в которых Сулейман снова, почти через двадцать лет, возвращается к теме гражданской войны.

Стиль Сулеймана патетичен, но когда ашуг вспоминает далекое прошлое, его пафос обращен к отдельным героям, а не к событиям. Наоборот, события обрисованы как бы нехотя – ведь борьба всегда кончалась поражением. В картинах гражданской войны пафос поэзии Сулеймана, оставаясь и пафосом отдельных героев, впервые приобретает новое качество, становится пафосом события творимой народом истории.

Борьба с наемниками Антанты, с деникинцами, с имамом Гоцинским, с белогвардейцем Бичераховым, с турецким генералом Нурипашой; славная деятельность дагестанских революционеров Махача Дахадаева и Уллубия Буйнакского; первые Советы в горах, боевые подвиги партизан – вот что стало содержанием поэмы. Теперь ашуг не спрашивает: «Где правда времени?». Он знает её, хорошо знает, ибо благодаря этой правде окреп его стих, стало более образным и сильным его слово о гражданской войне.

Новую силу обрело и его слово о партии. Интересно проследить, хотя бы бегло, как развивается в произведениях Сулеймана эта глубоко органичная для его поэзии тема. Еще в 1919 году ашуг спрашивал, обращаясь к России:

Доколь терпеть, как чужаки
Рвут нашу землю на куски?
Ответствуй, где большевики?
Без них нам избавленья нет!

В те трудные годы Сулейман уже понял, что без большевиков нет горцам избавления от векового гнета; но вряд ли он уже тогда мог предполагать, какие невиданные перемены произойдут в стране, руководимой коммунистами. Стальский верил только собственным глазам.

Он был иногда риторичен, но в основе его стихов никогда не лежала отвлеченная риторика, а всегда – подлинная жизнь. И только увидев воочию плоды титанической деятельности партии на благо народа, увидев эти плоды зоркими глазами крестьянина, Сулейман смог сложить свои лучшие строки о партии коммунистов. Не случайно и то, что эти строки мы читаем в поэме «Дагестан» – в последнем крупном произведении ашуга, главном итоге его поэтической деятельности.

Но кто ж разбил металл оков,
Ковавшихся веками?
– Партия!
Но кто же нас вырвал из тисков Могучими руками?
– Партия!
Нас не сумели одолеть
Ни трехлинейка и ни плеть.
Раз искра начала гореть,
Кто, кто раздует пламя?
– Партия!
И Ленин вышел против тьмы,
Народы вывел из тюрьмы.
Зажгла сердца, зажгла умы
Нам Ленина строками партия!

Таково свойство каждого истинно народного певца: он не отделяет себя от народа. Партия преобразила жизнь народа, а значит, и жизнь Сулеймана; преобразила не только ее духовную сторону, но и материальную, – и об этом стоит говорить! Когда Стальский начал

работу над поэмой, ему довелось выступить на Первом съезде Советов Северо-Кавказского края. Ашуг, между прочим, сказал:

«Я член колхоза с первых же дней его организации в моем ауле... В этом году не менее трехсот трудодней у моей семьи. Мы получили сто пять пудов пшеницы, тридцать пудов ячменя, сорок пять пудов кукурузы, тридцать пять пудов риса, двадцать восемь пудов пшена и крупы, двадцать пять пудов капусты, двадцать три пуда яблок, семнадцать пудов орехов, четыре воза тыквы...».

Читая речь целиком, чувствуешь, что для Стальского это сухое перечисление – сама поэзия, это перечисление побед партии. Всю жизнь он работал, был батраком, чернорабочим, единолично крестьянствовал, трудился как вол и никогда не знал сытости, никогда не был уверен в завтрашнем дне. Эту уверенность дала ему партия, и поэтому так сильны и пронзительны его строки, завершающие здравицу партии:

В потемках длил я жизнь свою,
– Твой свет сверкнул в родном краю.
Твой свет я от души пою
Прозрачными стихами,
Партия!

Не скрою – я старался цитировать самые счастливые строки поэмы. В ней есть и неудачные. Не это ли иногда в последнее время дает повод молодым дагестанским поэтам усомниться в достоинствах поэзии Сулеймана Стальского? Напомню, что Пушкин, когда при нем ругали учителя его молодости Жуковского, советовал младенцам не кусать груди своей кормилицы только потому, что у них прорезались зубы.

Бесспорно то, что до Сулеймана еще никто так не говорил о Дагестане – с такой широтой мысли, с такой художественной страстностью, с таким поэтическим жаром.

Великий Ленин писал о том, как важен рост национального самосознания у прежде угнетенных народов. Эту мысль Ленина еще раз вспоминаешь, читая поэму «Дагестан». Тем и дорога нам эта поэма, что она является свидетельством национального, советского самосознания горцев Дагестана. Это народная поэма, слово горца о времени и о себе.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА⁶⁵**I**

В докладе, посвященном памяти великого нашего ашуга, на таком заседании, как заседание Ученого совета Дагестанской базы Академии наук, нет надобности специально останавливаться на вопросах биографического порядка. Основные вехи жизни и творческого пути Сулеймана Стальского широко известны не только в Дагестане, но и во всем Советском Союзе и даже за рубежом нашей страны. Произведения Стальского входят во все школьные учебники. В вузовском учебнике русского фольклора специально ему уделена почти пятая часть места, отведенного всему фольклору советского периода. Сборники стихов и песен нашего ашуга изданы на 12 языках народов Советского Союза общим тиражом в 177 тысяч экземпляров. Каждое издание снабжено более или менее полной статьей о нашем поэте. Одних только литературно-критических работ о Сулеймане Стальском и только на русском языке за семь предвоенных лет, когда с такой невиданной широтой раз неслась по стране слава ашуга, имеется столько, что они составят увесистый том, и одна из задач Института заключается в том, чтобы собрать и издать эти материалы. Это явится необходимым дополнением к той огромной работе, которая уже проделана, – собирание литературного наследия Сулеймана.

В свете всего этого на заседании Ученого совета нет необходимости делать общий обзорно-биографический юбилейный доклад, тем более, что такой доклад был накануне на общегородском торжественном заседании, посвященном памяти великого ашуга. Здесь ставится другая задача – показать, как в процессе литературного развития, связанного с Сулейманом, находит свое выражение, своеобразное олицетворение упорная, почти вековая борьба ведущей, революционно-демократической линии развития передовой русской литературы, великой русской культуры против линии западнической, раболепствующей, низкопоклонствующей, по последним пережиткам которой мы все призваны сейчас партией нанести завершающий, сокрушительный удар. Задача будет сводиться к тому, чтобы на дагестанских материалах показать, как прогрессивная русская литература

⁶⁵ Доклад на юбилейном заседании Ученого совета Дагестанской базы Академии наук Союза ССР 23 ноября 1947 года, посвященном 10-летию со дня смерти Сулеймана Стальского.

– эта наша гордость, являющаяся богатейшей сокровищницей человеческой культуры, всегда стоявшая в авангарде развития общественной мысли в России, как эта литература, поднятая на новую, небывалую высоту Великой Октябрьской социалистической революцией и вдохновленная гениальными идеями Ленина, творчески оплодотворила, призвала к жизни всю многонациональную литературу десятков народов, составляющих наш могучий великий Советский Союз, обогатила, развила её, подняла её в ряде случаев из небытия, помогла заблестать всеми многогранными, полнокровными, яркими цветами.

Сказанное в равной мере относится и к Сулейману Стальскому, и к Гамзату Цадасе, и к Абуталибу Гафурову, и к другим народным певцам Дагестана. В приложении к Сулейману такая постановка вопроса поможет выяснить, чем велик Сулейман Стальский, почему Горький назвал его Гомером XX века, почему он является гордостью всей советской нашей литературы.

В общем плане такая постановка вопроса поможет показать, что советская литература, международное значение которой является общепризнанным во всем мире фактом, не есть простая совокупность отдельных национальных литератур, сплотившихся вокруг ведущей русской литературы. Советская литература действительно и многонациональна, и многоязычна, но она прежде всего едина. Как единое, целостное движение, советская литература есть явление новое, небывалое во всемирной литературной истории, явление столь же своеобразное, исключительное, как и сам многонациональный Советский Союз.

Таковы задачи, которые ставятся выдвигаемой темой, намечаемой сегодня пока только в общем, схематическом порядке. Как видим, речь идет об общих проблемах советских национальных литератур. И в этом смысле доклад на Ученом совете мыслится как предварительная разработка только некоторых и самых общих установок основной на 1948 год темы по сектору литературы нашего Института. Эта тема – создание очерка истории дагестанских литератур советского периода.

II

Блестящая и редкая судьба выпала в истории литературы на долю Сулеймана Стальского. Летом 1934 года он ехал с группой дагестан-

цев в Москву на I-й Всесоюзный съезд советских писателей – по существу еще совершенно безызвестным певцом. Он слагал свои песни уже три десятилетия, но за пределами Дагестана о нем никто еще не слышал. Мало того, даже в самом Дагестане рамки многоязычия ограничивали его известность лезгинскими районами и даже уже – кюринскими предгорьями. Шестнадцать дней длился съезд в Москве, и вот через шестнадцать дней Сулейман возвращается в родной аул, признанный уже всей страной. Великий Горький поставил его в один ряд с бессмертными, назвав Гомером XX века. Лучшие поэты берутся за переводы песен нашего ашуга на русский язык. Одна за другой и в самые короткие сроки выходят его книги, восторженно встреченные советским читателем. Песни Сулеймана заучиваются наизусть, включаются в школьные хрестоматии, переводятся на языки народов СССР. Только три года прожил Сулейман после съезда писателей, и эти три года были сплошным триумфальным шествием ашуга в советской литературе. Редкому из поэтов в истории мировой литературы во все времена и у всех народов выпала на долю такая молниеносная известность и такая всенародная слава. Он блеснул, как ярчайший метеор, как невиданных красок самоцвет, и когда десять лет тому назад смерть отняла у нас любимого ашуга, у его гроба, привезенного из Ашага-Стала и установленного в Зале заседаний Верховного Совета ДАССР, три дня бесконечной чередой проходили трудящиеся города и аулов, а похороны ашуга на том месте, где стоит сейчас временный памятник работы Муэтдина Джамала, привлекли такие массы народа, что всякое движение на площади, на которой раскинулся сейчас сквер, и на прилегающих улицах было полностью парализовано. Благодарный народ отдавал последнюю дань уважения памяти своего великого ашуга.

Чем объяснить эту озаряющую, подобную какой-то гигантской вспышке, славу поэта, яркость которой, как показала проверка временем, не померкла и не померкнет вообще?

Встречаются иногда поверхностные критики-скептики, склонные объяснить популярность Сулеймана Стальского тем фактом, что Горький назвал его на I-м съезде писателей Гомером XX века. Такие воззрения ничего не вскрывают и ничего не объясняют. Они подменяют внешней формой проникновение в суть явления. Никогда в истории никакой самый блестящий эпитет, пусть даже данный таким гением, как А. М. Горький, не поднимал мгновенно-безызвестного поэта на такую ступень славы, на какую был поднят Сулейман. Я уже

не говорю о том, что эпитет Алексея Максимовича – не случайная обмолвка, не щеголяние хлестким словцом: он таит в себе глубокий смысл, является своеобразным выражением взглядов о творческих силах народных масс, которые так характерны для Горького. Это своеобразная оценка многоязычной нашей литературы, целая веха в той борьбе за литературу и культуру ранее отсталых народов, которой так много сил отдал А. М. Горький и которая, опять-таки на мой взгляд, является кульминацией почти столетней борьбы революционно-демократической линии русской литературы.

На этом следует и остановиться сейчас, отложив пока конкретный ответ на вопрос – в чём корни, в чём причины славы и величия Сулеймана Стальского. Такое развитие темы поможет ответить и на этот конкретный вопрос.

III

Следует поставить вопрос о народном и национальном. Ограничим этот вопрос отраслью, которая относится к устно-поэтическому народному творчеству, ибо Сулейман Стальский в период, когда он вырастал в поэта, относится к устной поэзии, к фольклору.

Сейчас, после постановлений ЦК ВКП(б) по художественной литературе, после доклада тов. Жданова, более чем когда-либо ясно, что в русском литературоведении на протяжении ста лет вокруг вопроса об устно-поэтическом творчестве нашего народа шла по существу самая ожесточенная война. Только сейчас мы окончательно освобождаем в этом отношении научную мысль из-под ига традиционного западничества, очищаем её от ложных, антинародных идей европоцентризма. Причем даже до сегодняшнего дня эта работа не доведена еще до конца. Достаточно напомнить статью «Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство», помещенную в последнем номере «Литературной газеты» (за 15 ноября) и клеймящую программу по русскому фольклору, рекомендованную вузам на текущий учебный год. По меньшей мере странно, что даже на третьем году после разгрома немецкого фашизма в наших вузах ходят программы и учебники, которые некритически продолжают считать, что русская фольклористика, как часть литературоведения, шла в течение ста лет на поводу у немецкой пресловутой мифологической школы, что история русской фольклористики начинается с этой немецкой, якобы первой научной школы, что мы шли затем на поводу у бенфеистов, у представителей, в лучшем случае, буржуазно-исторической школы.

Это – явный отход от фактов.

Известно, что среди литературоведов в России были в свое время действительно некоторые последователи школы братьев Гримм, той самой школы, которая выросла в недрах немецкого, так называемого, пассивного романтизма, и занималась не только таким полезным делом как собирание народных сказок, но, в угоду прусским шовинистам, создала свою насквозь лженаучную теорию, сводившую культуру всех народов к единому корню – арийской мифологии.

Мы знаем исторические корни этой немецкой литературоведческой школы. Они в той философии, которая утверждала, что «немцы – избранная нация», «нация господ», а славяне – «не обнаружили разума в мире». Они, эти исторические корни мифологов, в философии Фихте, который, выражая устремления немецких агрессоров, писал: «Если немец не спасет современную культуру человечества, то вряд ли её спасет другая европейская нация... Только у немца, как человека самобытного, есть свой народ, у иностранца его нет».

Мы знаем, что в русском литературоведении были в прошлом веке люди, не видевшие этих корней мифологической школы и пытавшиеся перенести её на русскую почву. Но не эти люди составляли основное направление, гордость и силу русской науки, русской литературы. Русская фольклористика складывалась своими путями и никак не позже западноевропейской. Собираанию и изучению устно-поэтического творчества русского народа посвятили себя еще Пушкин и Лермонтов. Русская наука в этом направлении имела революционеров, новаторов в науке, таких, как Прыжов, Худяков, Рыбников, Якушин. Русская культура знает их великих учителей – Белинского, Добролюбова, Чернышевского, которые со всей революционной страстью били по представителям западной лженауки в России. Русская наука знает Плеханова, продолжателя русских революционных демократов в области изучения народного творчества, и первого, кто дал, вслед за Марксом, Энгельсом и Лафаргом, подлинно научные, марксистские основы фольклористики. Наконец, вершиной этого революционного лагеря русской науки был А. М. Горький, который в полном соответствии с взглядами великого Ленина создал целое стройное учение о фольклоре, о его происхождении, его ценности, его значении для художественной литературы.

Вот оно – основное направление русской литературоведческой науки. Оно имеет и всегда имело подлинно мировое значение. Оно, это основное направление, эта русская наука о народном творчестве,

еще в XIX веке было на голову выше немецкой и английской науки.

И вся история русской науки об устно-поэтическом творчестве народа – это история упорной борьбы против лженаучного, западнического, антинародного, реакционного.

Завершает эту линию развития русской науки великий Горький. И тут мы подходим к его пониманию величия Сулеймана Стальского, к тому подтексту, который Алексей Максимович вложил в свой крылатый эпитет – в имя Гомера XX века. Связано это с такой стороной деятельности Горького, которая еще, к сожалению, мало изучена. Мы знали до сих пор Горького-прозаика, Горького-драматурга, Горького-поэта.

Но есть еще одна сторона Горького, о которой почти ничего не пишут. Горький как теоретик, как великий деятель науки, который будучи жизненно-активным по самой природе своей, будучи организатором, настойчиво добивался направления развития всей литературы по той линии, которую он видел как теоретик.

И вот здесь пересекаются, встречаются жизненные линии Горького и Стальского. Пунктом встречи были разрабатываемые Горьким и исходящие из всей столетней линии развития русской литературоведческой науки проблемы народности, проблемы разрешения национального вопроса в приложении его к развитию художественной литературы.

IV

Известно, что великие представители русской литературы, начиная с Пушкина и продолжая Лермонтовым, Некрасовым, Достоевским, Толстым и вплоть до Маяковского, – пристально и усердно изучали устно-поэтическое творчество народа, учились на нем, творчески его воспринимали.

Но Горький своим интересом к фольклору гигантски выдвигается даже среди всех остальных самых великих представителей русской литературы. Этот интерес у него исключительно давний, пронизывающий всю его творческую биографию, и исключительно всесторонний. Это достаточно широко показано в известной работе Пиксанова «Горький и фольклор».

Горький изучил народное творчество, как никто из самых выдающихся представителей науки. И он не только создал стройное, всеобъемлющее, подлинно-марксистское учение о фольклоре, к сожалению

нию, еще разбросанное пока по разным высказываниям Горького и не ставшее основой вузовского курса. Горький был вместе с тем страстным, горячим пропагандистом фольклора.

Еще в 1904 году он, овладев в процессе всей предыдущей работы всеми сокровищами народного творчества, писал Анучину: «Писатель, не обладающий знанием фольклора, – плохой писатель. В народном творчестве скрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. В 1910 году Горький писал одной начинающей поэтессе: вникайте «в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке... Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту, чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное – это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создает образ двумя-тремя словами».

Борьба за народное творчество, за активное его внедрение в литературу письменную – это целая линия в творческой биографии Алексея Максимовича, это продолжение той линии и той борьбы с западническим, искусственным, низкопоклонным, какую наша литература вела еще со времен Пушкина, а затем Белинского, Добролюбова, Чернышевского и вплоть до наших дней.

Но этого мало. Мы должны подчеркнуть еще вторую линию в творческой биографии Горького. Это не только давнее, непрерывное и всестороннее изучение народной поэзии, но и обостренный интерес к национальным культурам, к национальному фольклору. Этим Горький тоже завершает целую линию развития в русской литературе, представленную в начале её тем же Пушкиным и Лермонтовым, а в конце – Л. Н. Толстым и Маяковским. (Я выделил эти имена, исходя прежде всего из их отношения к фольклору кавказскому.) Горький не только изучал национальный, в частности восточный, фольклор (известно, что он записывал песни ашугов и здесь, на побережье Каспия). Характерную черту Горького-публициста составляли и выступления в области национального вопроса.

Горький очень рано становится горячим пропагандистом ленинского разрешения национального вопроса. В статье «Издалека», а это только одна из серии его статей, он пишет, призывая художественную литературу дать отпор звериному зоологическому национализму и проповеди порабощения племен, раздувавшихся царизмом: «Перед

глазами еще не прозревшего политически, раздраженного недавними неудачами великоросса (речь идет о периоде реакции после поражения революции 1905 года. – А. Н.), грязные руки размахивают черным знаменем «национализма», – надо помнить, что русский человек еще не болел этой болезнью, и надобно вовремя впрыснуть в кровь ему предохранительную прививку. Это прямая и настоятельная задача нашей литературы, – той её части, которая всегда была и до сего времени осталась единственной культурной и организующей силой страны».

Горький писал: «Лозунгом времени должно быть единение честных людей всех племен единение, почвой которого должны быть интересы всероссийской демократии...».

Эту идею Горький проповедовал и осуществлял всей своей огромной творческой и практической организационной работой на протяжении всей своей жизни.

Он перестраивал русскую литературу, звал литераторов к широкому ознакомлению читателей с культурной и поэтическими богатствами всех народов нашей страны. И с особой силой эта работа Горького развернулась после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Недаром Горького называют отцом национальных литератур Союза ССР.

Мы определили, таким образом, две линии в творческой борьбе Горького. Это борьба за народность, за народное творчество и борьба за единство всех литератур народов нашей страны во главе с великой русской литературой. Эти линии – одни из доминирующих в жизни Горького. Это целый этап в его идейном развитии.

Как видим, это – свой, отличный от запада, путь развития русской литературы. Там – зоологический шовинизм и проповедь чело-веконенавистничества, к которой он привел. Здесь – подлинный интернационализм, не заглушающий, а подчеркивающий, возвышающий все национальное, народное.

И вот наступил период, когда были подведены итоги определенного этапа в развитии этой линии русской литературы.

Вехой в этом отношении был I-й съезд советских писателей в 1934 году. И когда Горький познакомился на этом съезде с Сулейманом Стальским, – сама жизнь поэта из народа, само творчество его, оказалось, шли по той линии, которую так упорно и издавна защищал великий Горький.

Сотни и тысячи талантливых людей гибли в безызвестности в

условиях звериной вражды племен, разжигавшейся царизмом. Только Советская власть и партия Ленина дали возможность таланту Сулеймана Стальского расцвести во всей его красоте.

Горький увидел это. Горький первый подметил величие народного певца. Он сумел показать его всем людям Союза Советов, и само имя Стальского стало как бы олицетворением главной, вековой линии развития русской литературы.

В мою задачу не входит исчерпывающая разработка темы «Горький и Стальский». Но следует подчеркнуть, что знакомство Стальского с Горьким не было простой, механической, мимолетной встречей на съезде. С одной стороны, это была многозначительная и полная глубокого смысла встреча для самого Горького. Он является родоначальником социалистического реализма, отцом советской литературы. А «советская литература, – подчеркивал Горький, – не является только литературой русского языка. Это – всесоюзная литература. Если у нас в прошлом был гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, зодчества». Стальский явился перед глазами Горького живым подтверждением правильности этого утверждения, Стальский был гигантом, которого выдвинуло одно из самых маленьких и ранее угнетенных племен нашей страны.

Нельзя также забывать специфических интересов Горького во встрече со Стальским, Сулейман – это явление, кровно связанное с народным творчеством, с фольклором, чем всю жизнь так интересовался великий писатель. Горький видел, как на наших глазах идет процесс самого зарождения литературы, подобно тому, как она в далекие времена зарождалась из народного творчества в лице бессмертного Гомера. Это помогло Горькому тогда же, при встрече со Стальским, сформулировать одно из основных положений его фольклорной теории как науки: «Начало искусства слова – в фольклоре». Как видим, слова Горького о Стальском – не случайно сорвавшийся красочный эпитет, а мысль, полная глубокого содержания. Вот почему весь советский народ так горячо подхватил определение Горького и вчитывался в его слова: «Я обращаюсь с дружеским советом, который можно принять и как просьбу, к представителям национальностей Кавказа и Средней Азии. На меня, – и я знаю не только на меня, – произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме,

шептал, создавая свои стихи. Затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман. Повторяю: начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

С другой стороны, встреча на съезде не была мимолетной, механической и для Сулеймана Стальского. Для него она тоже полна глубокого смысла, как и для всех других писателей Дагестана. Она дала Сулейману возможность убедиться в правильности избранного им пути и во весь голос поднять основную тему своего творчества, созвучную настроениям и мыслям всех советских людей, – тему советского патриотизма, тему ленинской дружбы народов,

Значение встречи Стальского с Горьким нельзя преуменьшить тем фактом, что она была недолгой. Горький не понимал языка Сулеймана, а Сулейман языка Горького, и оба вынуждены были общаться через переводчика.

Сам Стальский два года спустя так вспоминал об этих минутах: «Три года тому назад было такое же время летом, когда я сидел на съезде писателей рядом с Максимом Горьким. Огромный зал был переполнен его учениками, он знал их всех по именам, и я думал о своей беспомощности перед этим великим человеком.

Я не знаю русского языка, Максим Горький не знал лезгинского. Но у нас говорят: «Язык немного понимает мать», – Максим Горький понял меня и мою песню. Он долго и крепко жал мою руку в тот счастливый день, и я не кончу вспоминать об этом до смерти своей. Мы легко обошлись бы тогда и без переводчика, – настолько велика была моя жажда выслушать его. Он улыбался и тряс мою руку, как добрый, старый друг, который давно уже искал встречи со мной. От этого у меня захватило дыхание, и я долго не мог с ним заговорить спокойно.

Судьба моя редко улыбалась мне с молодости, зато старость оказалась счастливой. Я хотел сказать об этом Горькому, но он понял меня без слов и, вторично пожав руку, улыбнулся. Так мы сидели с минуту, а потом, освоившись, я уже чувствовал рядом с собой родного и близкого человека, моего ровесника, с которым у меня, начиная с детских лет, общий язык и общее сердце...

Мы говорили о многом. Максим Горький спрашивал меня о моей

родине, о моих занятиях. Я рассказал ему об электростанциях в Дагестане, о горянках-летчицах, о своих сыновьях и о колхозном урожае, ибо с некоторых пор сады у нас начали цвести по-особому богато.

– При царе мы ходили, надвинув папаху на брови и низко опустив голову. А теперь мы говорим полным голосом, – сказал я Горькому. – Я обещал ему не щадить своих сил, чтобы слагать достойные времени песни. Он похвалил меня и пожелал здоровья, как и подобает истинному другу».

V

И вот тут мы подходим к ответу на вопрос, поставленный в начале доклада: в чем причины такой невиданной славы Сулеймана? В чем его величие? Ответ дает сам Сулейман. Он «слагал достойные времени песни».

Тема победы – вот генеральная тема всего творчества Сулеймана Стальского. А ведь это было время, когда проходили большевистские съезды, которые вошли в историю как съезды победителей. На устах у Стальского, в сердце его было то, что было в сердцах нашего многомиллионного советского народа.

Стальский одним из первых в тот период в такой талантливой, подлинно родной форме поднял в художественной литературе благородную тему советского патриотизма, тему морально-политического единства нашего народа. Вот в чем секрет такой славы нашего ашуга, вот в чем его величие.

Когда говорят о лезгинской литературе, о её художественных средствах, обычно её выделяют от литературы, например, аварской. Истоки последней возводят обычно к древнейшим арабским влияниям, а истоки лезгинской литературы – к влияниям иранским. Известных влияний в далеком историческом прошлом отрицать, конечно, нельзя. Но не под их непосредственным воздействием складывалась дагестанская литература.

Любой народ прежде всего творчески перерабатывает все привнесенное извне, и от этого культура народа не становится менее национальной, своей. Полностью это относится и к лезгинскому фольклору, к лезгинской литературе. В недрах лезгинского народа с древнейших времен зрела своя национальная, народная культура. Она обогащалась под влиянием богатой культуры соседнего азербайджанского народа. Она выдвинула имена замечательных народных певцов Сайда Кочхюрского, Етима Эмина и, наконец, великого Сулеймана из

аула Ашага-Стал. Они – кровь от крови, плоть от плоти своего народа. Не пресловутая иранская культура, а культура своего лезгинского народа, культура народов Дагестана в целом – истоки творческого, художественного богатства Сулеймана Стальского.

Величие Стальского в сравнении с его предшественниками в том, что он расширил рамки народности. В противовес им, содержание его творчества уже не узкоплеменное, а межплеменное, общедагестанское – в первый период его поэтической деятельности, и всенародное, общесоюзное – в последний.

Говоря о взаимовлияниях, предостерегая против преувеличения роли арабских и иранских влияний в литературах народов Дагестана, борясь против своеобразного низкопоклонства перед культурой зарубежного Востока, подчеркивая народность и национальность дагестанских литератур, мы должны со всей ясностью отметить, что становление этих литератур шло прежде всего в русле общего развития великой русской культуры. Мы постарались показать это пока предварительной, схематической обрисовкой основных линий развития русской литературы и её отношений к народному и национальному.

Но в процессе становления и воспитания молодых национальных литератур нашей страны и, в частности, литературы, олицетворением которой является Сулейман Стальский, в процессе этого взаимодействия и помощи, которая коснулась не только содержания, но даже самих поэтических форм, средств художественной изобразительности и часто даже лексики национальных литератур, – русская литература, как первая и ведущая среди единых и равных литератур народов СССР, сама обогатилась за счет взаимовлияний с литературами малых народов.

После Сулеймана Стальского по-новому встал и вопрос о научном изучении русской литературы. Правильно говорила на I-м съезде советских писателей ныне доктор филологических наук писательница Мариэтта Шагинян. Подчеркивая единство содержания творимой в Советском Союзе культуры при всей многокрасочной разнице её в национальных формах, она сказала: «Мы убеждаемся, что наступила пора в истории развития нашего искусства, когда уже нельзя обобщать на узком поле литературы одной национальности, хотя бы и ведущей, а надо обобщать на расширенной основе сравнительного изучения многочисленных литератур социализма».

К таким сравнительным обобщениям мы и должны стремиться. И когда мы ставим сейчас задачу создания подлинно научной моногра-

фии о Сулеймане Стальском, создания очерка истории советской литературы народов Дагестана, мы прежде всего должны исходить из широких сравнительных обобщений и широкого показа роли великой русской культуры и русской литературы в становлении и развитии в первую очередь новой, советской литературы народов Дагестана.

Таков вывод, который мы должны сделать из сегодняшней постановки вопроса о Сулеймане Стальском для нашей научной литературоведческой работы.

И еще один вывод практического порядка, относящийся ко всем писателям Дагестана. Перед нашими литераторами стоит огромная задача – не застыть на том уровне, который достигнут, как бы он ни был велик по сравнению с дореволюционным прошлым. Надо подниматься все выше и выше. Надо подняться на высший уровень мастерства, достигнутый передовой великой русской литературой, особенно в советский период её развития. Надо создавать, подобно Сулейману, высокохудожественные произведения, отвечающие требованиям самой жизни, требованиям современности. Это будут новые произведения нового искусства – национального по форме и социалистического по содержанию, т. е. такие, как у Сулеймана.

Ключ к новому подъему дан в решениях ЦК нашей большевистской партии по вопросам литературы и искусства. С этих решений начинается новый, третий (после съезда писателей в 1934 г.) период в истории советской литературы.

Если первый период, начавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции, характерен становлением новой, советской литературы, пестовавшей великим Горьким; если второй период, начавшийся после Первого съезда, означил новый этап в развитии советской литературы, теснейшее смыкание её с нашей яркой социалистической явью, консолидацию многонациональной нашей советской литературы, превращение понятия народности во всенародность, то третий этап, в который мы сейчас вступаем, будет означать новый гигантский, невиданный до сих пор подъем и неизмеримый рост международного значения нашей советской литературы. На наших глазах идет создание культуры и литературы нового мира, создание великой культуры и литературы эпохи коммунизма, подобной которой по красоте, богатству и величию человечество никогда еще в истории не знало.

Долг советских писателей Дагестана в этих условиях неизмеримо поднять уровень своей творческой работы. А для этого нужен огром-

ный, упорный труд, нужно совершенное овладение богатствами, оставленными нам классиками литературы народов Дагестана и в первую очередь бессмертным ашугом, великим поэтом народов Дагестана Сулейманом Стальским, чью светлую память мы сегодня торжественно отмечаем.

АПОЛОГИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

Среди огромного числа произведений, включенных в «Литературный архив Сулеймана Стальского», имеется 38 таких, которые по формальным особенностям должны быть отнесены к так называемым апологам. Это – менее всего известная часть произведений ашуга. В лезгинских сборниках публиковалось всего 7 из этих 38 стихотворений. В русских переводах, главным образом в местной печати, публиковалось всего 4 стихотворения. Все эти стихи характерны для показа Сулеймана как певца-сатирика, певца-учителя. В его творчестве аллегория и дидактизм – черты, свойственные вообще большинству стихотворений. Здесь же они выявляются особенно ярко.

«Двуногий осёл», «Тейижиз», «Глупец», «всё это образец того аллегорически-дидактического повествования, которое характерно для античных авторов, которое известно под общим названием и из которого в Европе в XVII веке развилась басня.

Как известно, аполог по основным формальным признакам сходен с басней, но в отличие от неё не имеет законченного сюжетного развития. Именно так строятся Сулеймана. Здесь каждое четверостишие закончено, не связано или очень слабо связана с предыдущим и объединено лишь общим рефреном рифмой. По существу, если опустить или переставить строфы, ничего не изменится. Такие перестановки и исправления (как видно из записей, делавшихся в разные периоды) производил и сам Сулейман и не придавал этому особого значения. Главное – сохранить направленность аллегории, сохранить неискаженным намек.

Отсутствие сюжета делает многие сатирические произведения Сулеймана на первый взгляд несколько разобщенными, нецелостными, а для стороннего иногда и не вполне понятными. Это усугубляется вообще свойственным творчеству Сулеймана Стальского (а здесь – углубленным) двучленным строением каждой его строфы (тематический и психологический параллелизм). Чтобы понять иной аполог

Сулеймана, надо знать конкретную направленность (а это сейчас это установить часто невозможно), или представить себе хоть установку его создания.

Аллегория – это любимейшее оружие Сулеймана. Уже в первых стихах Стальского, объединенных в «Литературном архиве Сулеймана» в условной группе стихов о родной Кюре, мы замечаем эту черту творчества ашуга. В своих апологах Сулейман Стальский сам не устаёт подчеркивать свою привязанность к намеку. «Сулейман, не стоит много говорить, – обращается ашуг сам к себе, – ведь для того, кто понимает, достаточно и намёка. (Аполог «Разве не обидно») ⁶⁶. «Оказывается, – словно удивляется он, – намёком можно обличить самого злобного и недостойного человека и сделать это так, что он даже и подозревать не будет, что речь идёт о нём».

Нельзя сказать, чтоб аллегория, иносказание были для Сулеймана прикрытием его обличений только потому, что он в условиях дореволюционного дагестанского аула не мог и не смел выступить в открытую. Достаточно вспомнить его стихи о старшине, о муллах. Правда, так выступать Сулейман мог не всегда, и порой в его голосе – нотки усталости, стремление прикрыть свой удар. «Хорошо, – говорит он в такие минуты, – не знать ни о чем, быть на положении несмышленного, неопытного человека. Пусть думают, что ашуг просто балагур, зато его наставление будет полезно для человека, который его поймет» («Не верь уговорам обманщика»).

Сулейман прибегал к намёку, к аллегории не только потому, что он выступал против явных врагов трудящихся горцев. Он был против многого старого, косного, коренившегося и в близкой ему среде. Он часто в душе был против того, что еще крепко было в лезгинском быту. Но против этого ашуг еще не мог выступать открыто. Порой речь шла об односельчанах, о знакомых Сулеймана, чаще всего о людях глупых и самодовольных, но злых, мстительных. О них ашуг также не хотел говорить открыто. Да, кроме того, намёк, смех бил сильнее. Это, как говорит Сулейман, – камни (стих. «Двуногий осёл» и «Глупец»), это – злые, разящие слова (стих. «Ну и злые же у тебя слова, Сулейман»), и их скажешь не во всяком собрании (стих. «О невежде»). Отсюда – стремление к осторожным намёкам. Отсюда – любовь к аллегориям.

Но Сулейман прибегал к аллегории не только для того, чтобы

⁶⁶ Здесь и дальше названия апологов даны условно, по смыслу. Сам ашуг оставил всю эту группу стихотворений без названий.

прикрыть свои резкие, непонятные людям обличения. Ашуг по складу своего характера любит шутку, любит намёк. И к аллегории он прибегает часто даже тогда, когда никакой видимой нужды в иносказании как будто и нет. Он порой как будто бы просто любителю, развлекается аллегорией, превращает её в загадку.

В тридцать четвертом или пятом году, на одном из вечеров в Касумкентском клубе, Стальский присутствовал на собрании, потом читал свои новые стихи, а затем, пока в зале продолжался вечер, вёл в фойе беседу с группой товарищей. И, как это бывало часто, ашуг как-то незаметно увлекся и начал импровизировать. Импровизация эта, как и большинство подобных ей, не записана и не сохранилась. Но на сей раз это был типичный аполог – без сюжета, как бы рыхлый, неоформленный, но задевавший всё, что поэт подметил на этом вечере. При этом ашуг шутливо экзаменовал своих слушателей. «Как вы думаете, как надо понимать эти стихи?» – спрашивал он и нараспев читал очередное четверостишие. «А это как понимать?» – продолжал он, и слушатели отвечали, а ашуг, то соглашаясь, то поправляя, говорил: «Нет, не так надо понимать эти стихи, а вот так». Он учил друзей искусству аллегории, ибо понять тонкий намёк не всегда легко, ибо «намёк поймет лишь один из ста тысяч» (см. одноименный аполог). К сожалению, мы располагаем лишь одним этим свидетельством, относящимся к созданию и чтению Стальским его апологов. Видимо, огромную роль играет состав собрания, в котором Сулейман произносит свои аллегории, обстановка, попутные замечания ашуга, его пояснения и замечания. Часто это – просто импровизация. Можно предполагать, что создание и чтение сулеймановских басен-апологов происходило примерно так. Ашуг берёт или обобщенный тип, а часто, может быть, и определенное конкретное лицо и показывает его своим слушателям отдельными, необязательно связанными друг с другом иносказаниями. Он как бы с разных сторон освещает человека, которого бичует огнями своей сатиры. Иногда поэт прибегает к своеобразному вступлению.

– Друзья, – говорит он, – я расскажу вам кое-что и кое-о чем, а вы постарайтесь понять (стих. «О невежде»). Вслед за этим идут четыре строки сравнения. Кто-то, оказывается, мнит себя большим человеком и «он воображает, что соорудил какой-то навес. На деле же это – просто тень от арбы, под которой уселся наш бахвал» (стих. «Человек, который думает, что он умнее всех»). Слушатели смеются. Они догадываются о ком речь, а Сулейман продолжает, он бьёт зазнайку

уже с другого конца: «Эй, не сей же столько смуты и дрязг! Ты болтаешь языком, ты – точно седло, которое болтается на спине осла. Ты мнишь о себе, но то, что ты принимаешь за цветущий яйлаг, это – всего-навсего вонючая навозная куча». Снова взрыв смеха, а Сулейман следующей строфой, внешне не связанной с предыдущей, окончательно добивает того, о ком говорит: «Он, оказывается, красив лишь по речам, а нутро у него – дурное. Эй, глупец, тебе кажется, что на голове твоей папаха, а на деле это дрянной женский головной платок». Это – кульминационная точка. По старинным горским понятиям папаха – это синоним мужества, чести. Сказать, что у мужчины головной платок на голове, – значит нанести ему величайшее оскорбление. Ашуг знает это, и он разит не только смехом, но и резкими, злыми словами, которые падают как удары бича.

Приведенный нами пример, может быть, поможет понять суть апологов Сулеймана, найти в каждом отдельном случае какую-то невидимую связь между отдельными его звеньями.

Апологи Сулеймана часто похожи один на другой, часто они сходны и по теме – и в одном и в другом клеймится тот же глупец, тот же самодур, воображающий, что он умнее всех.

По формальным признакам апологи можно было бы разбить на ряд более или менее определенных групп. Прежде всего, сатирические стихи, больше всего примыкающие к басням. Действуют животные, чаще всего осёл или паршивый пес. Ярко выражен антропоморфизм. Строфы перемежаются – порой кажется, что речь идёт действительно о животном, в следующем четверостишии у этого животного уже человеческие черты; еще дальше – прямое повествование о человеке и снова – о животном. Таковы «Двуногий осёл», «Пёс «на цепи», «Гейижиз» и т. д.

Следующая группа стихи, где подлецы, клеветники, глупцы предстают уже в их неприкрытом виде. Но в лицо они не названы. Адресат заменён намёком, иносказанием. Таковы стихи «О глупце, который кажется не тем, что он есть», «Пусть это будет о любом подлеце», «Михеннат» и т. д.

В ряде стихов – прямое обращение к людям, которых Сулейман обличает. Это своего рода памфлеты. Здесь – обращение в лицо, на «ты», хотя о ком идет речь, – мы по-прежнему не знаем. Пример таких стихов: «О человеке, который думает, что он умней всех»!

В иных стихах прямое обличение заменено размышлением о недостойных людях и поучением, наставлением к тем, кто поймёт слова

ашуга. Таковы «Михеннат», «Разве это не обидно?» и т. п. Порой это рассуждение даже не об отдельных людях, а обо всём сельском обществе, о всём районе. Таковы, например, «Глупец» и «Нынче каждый мнит себя ханом».

К стихам этого типа тесно примыкают дидактические, поучающие стихи. В большинстве они и озаглавлены так: «тербия» – т. е. наставление, поучение.

Таковы основные типы апологов Сулеймана. Конечно, все эти попытки сгруппировать стихи Стальского очень условны. Точных границ между ними провести нельзя. И часть стихов, может быть, вообще надо было бы отнести в другие, условно установленные в «Литературном архиве» разделы творчества ашуга и, в частности, в раздел 2-й («От родной Кюры – к думам о родине»).

Также условны будут попытки сгруппировать апологи Сулеймана по объектам сатиры, по типажу, который он подвергает осмеянию. Чаще всего объект сатиры Стальского – бестолковый человек, глупец, который ни в чём не имеет понятия. К таким ашуг беспощаден, зол. Много сатирических строк – о высокомерных зазнайках, о чванливых, кичащихся своим положением людях, ничтожествах, воображающих, что они – центр вселенной.

Особо ненавистны ашугу изменники, способные предать друга, склочники, смутьяны, клеветники, действующие исподтишка.

Сулейман подмечает людские пороки и клеймит их. Он говорит, что в сердце у него – стекло, через которое он видит всё, что творится вокруг (стих. «О головорезе»). Он любит людей, он знает, что «человеческое сердце – точно цветок фруктового дерева... Оно так же нежно и хрупко и обижать его – нехорошо» (стих. «Взывай, Сулейман! Пробуждай от сна»). И к тем, кто не имеет этого сердца, к тем, кто обижает народ, – Сулейман беспощаден.

Небезынтересно проследить развитие сатиры Сулеймана.

На более ранних порах (точные даты, к сожалению, почти нигде не удалось установить) это – озорные строки, некоторые из которых (о волосинке и бревне) как бы перекликаются с юношескими пушкинскими («От всенощной, вечер идя домой»). Правда, о Пушкине ашуг в те годы и не слышал.

Затем сатира Сулеймана становится более определенной, видимо, адресованной, хотя адресат нам сейчас и неизвестен.

В годы гражданской войны сатирический аполог Сулеймана получает новое развитие, ашуг всё чаще и чаще прибегает к нему. По-

вторяющиеся строки позволяют даже более точно определить даты. Это строки о том, как нынче «любая ворона собирается на охоту. Каждый ржёт, и отовсюду доносится это ржание и невозможно узнать, где мерин и где жеребец».

Наибольшее количество апологов приходится, видимо, на 1920–1923 годы. В горах происходит ломка старого, заскорузлого быта. Ашуг принимает в ней участие своими стихами против уразы (мусульманского поста), против старых свадебных обычаев и своими сатирическими иносказаниями.

На дальнейшем этапе Сулейман в форму аполога старается вкрапливать уже что-то новое. Все чаще в нём мы встречаем строки, агитирующие за Советскую власть. Ашуг пишет, что «нашему зданию нужны крепкие стены», что надо «понимать, кто причина нашего освобождения», призывает «держаться пути, указанного Лениным» («Гербия»).

Затем апологи встречаются всё реже и реже, ашуг ищет новых форм, и это новое – гимн партии большевиков, песни о Родине, слова благодарности и любви к ней.

Впрочем, порой и в эти поздние годы аполог всё еще появляется в арсенале ашуга. Им он разит все мешающее нашему движению вперед. Так рождаются стихи «Болтун», «Лжекоммунист», «Лентяй».

Таков путь развития сулеймановского аполога – этой значительной в его творчестве, но почти неизвестной до сих пор и совершенно неисследованной части его литературного наследства.

Несколько слов о поэтике аполога.

По внешней форме он у Сулеймана традиционен. Те же строенные рифмы, те же рефрены и дополнительные внутренние монорифмы перед ними. Рифмы богатые, часто изошрённые. Из тропов ашуг чаще всего прибегает к сравнениям, причем они однотипны с теми, какие встречаются в более ранних произведениях, в разделе втором «Литературного архива». «Он сверху бел, а сердцем грязен. Оказывается, можно иметь улыбку на лице и спрятать в ней свой арам» (стих. «Нет беды хуже незаслуженной»); или «Он с виду – тройной канат, а натянешь – и видишь, что это простая бечевка» (стих. «Намёк поймёт лишь один из ста тысяч»).

Новое в апологе – это исключительная афористичность речи ашуга. Ряд строк здесь может быть отнесен к типичным изречениям – дистихам.

Исключительный лаконизм, доходящий порой до разрыва связи

предложения, меткость, остроумие фразы Сулеймана в переводах пропадают. До сих пор не удалось получить подстрочников сулеймановских апологов, хотя бы приблизительно передающих неуловимые особенности подлинника. Поэтому надо работать не с подстрочниками, а с лезгинскими текстами.

Афористических строк у Стальского – не один десяток. Выявление и передача их – ближайшая задача работы над лезгинскими текстами.

НЕИССЛЕДОВАННЫЙ СУЛЕЙМАН

... Несколько штрихов о жизни Стальского.

Курбан Хпеджский и Сулейман – почти соседи. По творчеству они – антиподы. Брешь наметилась четверть столетия назад. Началось с песни о ... чае.

Зачем же чай, когда подноса нет,
И ложка серебром не шлёт тебе привет,
И к чаю сыра нет, и хлеба даже нет,
Ну для чего ты воду переводишь, эй, народ?

Это сказал Хпеджский. И он добавил: «Чёрт знает, как принижен ныне самовар. Я не ходок к такому дому, – дам зарок!» Дородные аксакалы кивали бородами. Ашуг подобострастно склонялся к сазу:

Другое дело, если полон дом.
Здесь кунаку – почтение. И притом,
Здесь чашку вытрут чистым полотном.
Такому вот и чай подходит, эй, народ.

Стихи о чае стали известны в Ашага-Стале. Сулейман! ответил песней о самоваре:

Эй, не шуми там у дверей, ты нам не пара, самовар.
Ты тянешь к бедствиям людей, к раздорам старым, самовар.
Ты лишь к немногим в дом проник, ты горд и к почестям привык.
Урчишь, мычишь, как сытый бык, и пышешь жаром, самовар.
Ты в досталь пьешь, ты всем – кумир. Но ты забыл наэтот пир
Позвать меня. А с чаем сыр – лекарство, право, самовар.

Ко мне ты холоден – как лёд... Ну, что ж... Кто голоден – поймёт,
Что лишь богатому почёт возносит паром самовар...

Это было в 1913 году. Народ забывал Хпеджского и повторял Сулеймана. Его песни были просты и жизненны. Они были классово заострены.

В одном из сборников есть такой перевод с лезгинского:

Наш старый враг, о чём твой бред.
В твоих биноклях толку нет,
Ведь с каждым днём твой меркнет свет,
И в лампах току не осталось.

Как далеко это от истинного Сулеймана. В оригинале – проще. И лучше. Вот подстрочник:

«Если ты врагу назвался другом, не надейся – в сердце радости не будет. День настанет – и жалеть ты, – от врага приятного – не будет».

«Бинокли. в лампах току нет багряный шёлк знамен, горящий пурпур одежд, звонкая парча песни» – то прозаизмы, то бальмонтщина. Как чужды все эти переводческие изыски поэтическому арсеналу ашуга. Не потому ли он как-то бросил упрёк переводчику: – Мои песни – это белоснежное, выхоленное овечье стадо. Зачем же ты пустил в него грязную свинью с шипами вместо руна?

Ещё Сумароков сказал:

Что очень хорошо на языке французском.
То может скаречно во складе стати русском.

У Стальского в лезгинском тексте стих красив, прозрачен. Прост и мудр. В переводе это пропадает.

Больше всего не повезло рифмам.

В Сулеймане – всё лучшее, что создала восточная поэзия. Он был на родине Низами. Знал наизусть «Лейлу и Меджнуна».

Понятия: сокровищница фольклора и Сулейман – синонимы.

Поэтика Стальского – богатейшая. Рифмы – прекрасные, глубокие. Здесь у ашуга – что-то общее с Маяковским. Гипердактиличе-

ские – четырехсложные и пятисложные созвучия.

Глянесь в перевод – убого, плоско: «лет – поэт, друг – досуг, год – род, звучат – стоят». Редко-редко промелькнут трёхсложники: «и нарком – и знаком, даровит – норовит, без причин – вес и чин».

А ведь в лезгинском сборнике ашуга на 1100 основных рифм – богатых, вплоть до пятисложных, – 182. Двухсложных – 595. Простых, односложных – всего 319. Тридцать процентов. А в сборнике переводов – семьдесят. Прелесть, звучность оригинала исчезли.

Хорошо получилось как-то у Ушакова. Стихи о врагах:

По старым ранам, мой совет,
Ударь его, ударь в ответ.
В трясине, гнившей триста лет,
Воды здоровой быть не может.

Соответствие с подлинником разительное. Это – по образам и мыслям.

Вообще переводы Ушакова и Липкина – лучшие. Это по ним Максим Горький в 1934 году высказал свое мнение о Сулеймане.

Стальский скуп на слово. В сочетании с богатством образов и языковых форм это приводит к замечательному лаконизму его фразы.

Переводы – многословны. Может быть, поэтому они не отражают и десятой доли прелести и своеобразия оригинала. Не отражены в переводах и афоризмы ашуга:

Каждому своё, а чесноку – рот жечь.
Себя, изволь, превознеси, – всё ж пальцем неба не достанешь.
Кто о миллионах речь ведёт – до ста сам часто счет не знает.
Осла хоть курдюком корми, а рысаком осёл не будет.
Язык – не нога: споткнувшись языком, часто остаешься лежать на земле, не в силах подняться.
Кляузник – что змея: цвет один, только ноги разные.
Полоумный с безумным ума не поделят.
Клевета, как чиряк: пока не нарвёт – не лопнет.
Речь светлая, сердце чёрное – жди обмана.
Болтун – не раненый; лекарь не вылечит.

Строф афористических у Сулеймана до пятисот.

Память у Сулеймана изумительная. Он знал слово и любил его. Молодых поучал:

Поэта долг – в лавине слов
Одно лишь лучшее найти.
И с этим словом вновь и вновь
В сердца людей огнём войти.

Как это родственно величайшему поэту нашей советской эпохи:
Поэзия – та же добыча радия:
В грамм – добыча, в год – труды,
Изводишь единого слова ради тысячи тон словесной руды...

Труд неустанный, вечный труд. Это основа творчества Сулеймана. Для каждой строки выбирать слово – самое верное и доходчивое, красивое и простое. И сравнения – самые сильные и меткие. Это действительно поиски жемчужины в горной лавине, в тоннах руды. И притом всё на память. Без карандаша.

Сулейман – неистощимый, живой словарь литературного лезгинского языка. Творец. И донныне языковеды, изучающие кюринские диалекты, обращаются прежде всего к текстам Стальского.

В Курахе это рассказывают как анекдот. Некий начинающий из аула Икра бахвалился: «Поэт – это я. Сулейман?.. Да он и языка нашего как следует не знает...»

И вот они встретились.

– Ты прав, – говорит Сулейман, – окажи милость – растолкуй, что за разница в словах: *ширин, кюгю и верцы*.

Икринец не знал.

Впрочем, он не одинок. Полную глухоту к живому слову мы встретили и в редакции одного из сборников о Сулеймане Стальском.

– В самом деле, что это за слова? – спросили там.

– Вот они: *сладкий, медвяный, сахарный*. Редакторы так и не поняли. В последний момент исправили: *медовый*.

Медовый напиток и *медвяная* роса – для глухих это неуловимо.

ВЕЛИКИЙ АШУГ

... Стальский – певец-мастер, ашуг-устад...

Известно, что в Ашага-Стале (да и не только в Ашага-Стале) не проходит ни одного большого колхозного праздника, на котором Стальский не выступил бы с чтением своих стихов. Этот факт как нельзя лучше определяет Сулеймана как народного певца, ашуга-устада.

Сейчас, в наших условиях, слову «ашуг» возвращен тот смысл, какой оно имело в древности: поэт-мастер, выразитель и глашатай народных чаяний и нужд. В старину ашуг пользовался огромным авторитетом среди населения. Обидеть ашуга почиталось позорным делом, обидевший подлежал проклятию. У народов Дагестана существует множество легенд о бесчестных расправах шамхалов и ханов с ашугами. Например: ослепление Сурхай-ханом Сайда Кочхюрского, лезгинского певца (которого Стальский считает своим учителем), расправа шамхала Тарковского, приказавшего зашить рот бедному певцу из Муслим-аула и позже сославшего в Сибирь другого певца из того же аула – Ирчи Казака. В этих легендах прекрасно выражено отношение бедноты и горского дворянства к народным певцам.

Стальский с его обличительными песнями в своей ранней поэтической деятельности является как бы живым примером такого рода ашуга-устада. И что особенно роднит Стальского с древними ашугами-устадами, глашатаями народных чаяний, народных требований и народного гнева, страстными обличителями насилия и гнета, – это его философское восприятие действительности. Высказывания Стальского по ряду жизненных вопросов так же замечательны, как и его стихи. Стоит вспомнить его недавние высказывания о поэзии («Правда» от 22 мая 1935 г.).

Не менее прекрасны и его слова о свободе личности: «Вы спрашиваете меня: есть ли в нашей стране условия для расцвета личности? Приведу пример. Был запущенный древний сад, где деревья умирали, его жестокий сухой ветер лишал их жизненных соков, подрывая и ломая их ветви. Этот сад расчистила, взрастила наша власть. В этом саду каждое дерево ныне вскопано, очищено от паразитов, наростов. И вот теперь гляжу я и вижу каждое дерево в отдельности, в расцвете невиданным цветом, тяжелое от обильных плодов» («Известия» от 1 мая 1936 г.)

И, наконец, его замечательные выступления на первом съезде горянок-колхозниц в Махачкале, на съезде писателей, на съезде девушек-горянок в Пятигорске, в Кремле – на съезде знатных животноводов. На поэтическую арену Стальский выдвинулся именно как ашуг-уstad.

Он неоднократно рассказывал, что стал слагать песни после встречи с ашугами, забредшими в его родной аул. «... и был день, когда Сулейману экспромтом пришлось сложить песню на некую заданную ему тему, чтобы доказать свое умение ашуга», – пишет в предисловии к вышедшей книге Стальского Эффенди Капиев.

Сулейман уже участвовал в широко практиковавшихся когда-то соревнованиях ашугов- Такие соревнования между ашугами бывали часты. Судьями обычно были все слушатели, весь народ. Вот как об этом рассказывает сам поэт:

– В Ашага-Стал пришли ашуги. Была большая свадьба. Они играли на хомузе и пели свои песни. Один спел песню о хозяине дома, другой, чтобы не отстать, спел тоже... Это были песни, придуманные тут же, – новые, никому неизвестные песни... Долго спорили они песнями друг с другом, сочиняя одну лучше другой. И когда они устали, и хозяин, чтобы отблагодарить их, стал потчевать всем, что у него было лучшего, тогда я пробился вперед и громко предложил: «Я могу спеть такие же песни!». Ашуги громко смеялись и один сказал: «Знаешь ли ты, молодец, что если ты споешь хуже, чем мы, то после тебя никогда нельзя будет петь, – таков наш закон всех ашугов. Слышишь?» «Слышу», – ответил я и попросил дать мне хомуз. Я спел сначала о самом хозяине, а потом о странствующих ашугах, которые хвалят хозяина, не зная, каков он, чем он славен и чем он живет. Хвалят они каждого, кто покормит их и даст им подарки... Гости били в ладони, а я пел ещё и ещё. И вот с тех пор прошло сорок лет, и в наш аул не заглядывал больше ни один ашуг»...

Это – свидетельство высокой поэтической силы поэта, не раз выступавшего на традиционных соревнованиях певцов и неизменно выходявшего победителем. Если бы Стальский оказался на одном из таких поэтических турниров слабее своих противников, он надолго потерял бы авторитет в народе; горской знати и духовенству в этом случае не стоило бы большого труда его развенчать.

Дагестанские богословы и арабисты (а впоследствии и Шамиль) считали для себя обязательным быть поэтами, ибо поэзия, по утверждению ислама, есть высший дар, ниспосланный самим богом. Воз-

веденная мусульманским духовенством в культ, поэзия целиком принадлежала шейхам и кадиям и, как исключение, ханам и бекам. Когда Стальский выступал как поэт, аульская знать заявила: «Он поёт не свои песни!» – она не могла себе представить, чтобы бедняк мог быть поэтом.

Кроме всего, арабисты имели то преимущество перед народными певцами, что их стихи и песни распространялись рукописно, стихи же таких, как Кочхурский, Етим Эмин, Стальский, – только устно. Отрицание «ашугства» Стальского – это отрицание его народности. Статьи по этому поводу повторяют прошлые ошибки Дагестанского института культуры...

Широкий читательский интерес к творчеству Стальского и к его жизни огромен, о том свидетельствуют десятки писем, получаемых поэтом ежедневно со всех концов Советского Союза. Интерес этот понятен, и он должен быть удовлетворен.

Опыт работы, проделанный переводчиком стихов Стальского Эффенди Капиевым, запись биографии поэта, должен быть продолжен. То, что нам известно (Сулейман Стальский «Рассказ о себе», «Правда» от апреля 1936 г.), лишь хорошее начинание. Надо ждать, что Дагестанский институт культуры в ближайшее время в этом направлении предпримет что-нибудь конкретное.

... И вот новая встреча – Сулейман в Махачкале и уже не пять его товарищей по работе, а пятьдесят. Он сидит в президиуме в той же высокой черной папахе, в том же аккуратно залатанном бешмете, несколько удивленный вниманием и теплотой его друзей. Он видит большой зал, полный народу. Сколько здесь человек, трудно решить: верно, больше 200, а может быть, и все 300. Один за другим выступают ораторы, и речь их только о нём, о Сулеймане Стальском, лучшем певце Дагестана.

– Сулейман славно бился своими песнями за освобождение Дагестана от интервентов, мы плохо, товарищи, помогали ему. Давайте признаемся в этом, и в первую очередь я как руководитель Даггиза, – четко и громко падают слова партизана и командира Рабалдана, – от имени даргинских писателей вношу предложение в оргкомитет ССП, чтобы он в свою очередь вошел с ходатайством в ДагЦИК о присвоении звания народного поэта Дагестана назначении персональной пенсии Сулейману Стальскому.

Аплодисменты обрывают его речь.

Выступает Сулейман Стальский и, медленно обводя глазами зал, говорит:

– Извините меня, что я не могу вам ответить. Так часто бывает со спутником, который пошел по новой дороге и, не зная её хорошо, споткнулся... Так случилось и со мной... Он щурит глаза от яркого света, стараясь сдержать застенчивую улыбку.

Друзья встают и стоя приветствуют своего поэта. И Сулейман видит, что он действительно прощен.

ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

(отрывок)

Стальский – яркий представитель устной народной поэзии, показатель той высоты, которой она достигает в творчестве лучших своих мастеров.

Все, кто был в Колонном зале Дома Союзов во время I Всесоюзного съезда советских писателей в конце 1934 года, не смогут до конца своей жизни забыть того большого впечатления, которое произвел вышедший на трибуну худощавый старик в длинном кавказском бешмете и не заговоривший, а запевший свое приветствие.

Пел он на своем родном лезгинском языке, незнакомом огромному большинству собравшихся. И все же смысл его песни-речи был понятен. Он был понятен не только потому, что певец упоминал всем дорогое имя Ленина, но и потому, что пронизывающее всю его речь вдохновение говорило о том, что старик-поэт чувствует свое возрождение и возрождение к новой светлой жизни своего народа, своей Родины, всей братской семьи народов Советской страны.

Буря восторга пронеслась по залу. Она повторилась, когда был прочитан стихотворный перевод речи-песни.

Образ мудрого вождя, образ Горького – «вестника бурь», образ рабочего класса, «поднявшего меч в октябрьский час», и образы писателей, «молодых певцов, глядящих в лицо грядущему», слились в одну общую картину новой социалистической жизни, «свежей, как горный воздух».

Наш день, как горный воздух, свеж.
Сквозь годы сбывшихся надежд,
В горящем пурпуре одежд
Мы к веку юности пришли.
Моя великая страна
От рабства освобождена.
Проснулись мы от злого сна,
Проснулись и сюда пришли.

Выступление Сулеймана Стальского на Всесоюзном писатель-

ском съезде, горячий прием, оказанный ему писателями, отклики на речи Сулеймана в газетах подняли общественный интерес к мастерам народного творчества во всех республиках и областях Союза.

С тех пор все чаще и чаще стало появляться на страницах печати и имя казахского акына Джамбула. Вскоре и он становится всесоюзной знаменитостью. К этому времени много других талантливых казахских акынов и жирши не только берутся на учет Союзом писателей, но наиболее даровитые из них включаются в число членов Союза. В Бурято-Монголии общественное признание закрепляется за рапсодом певцом А. Тороевым. Несколько бахши, народных певцов-сказителей Узбекистана, включаются в состав узбекского ССП. Недавно включение мастеров устной народной поэзии в Союз писателей произведено и в Азербайджане: пятеро талантливых азербайджанских ашуггов стали членами писательской организации. Эти и аналогичные им факты доказывают, как глубоко в общественное сознание вошла мысль о том, что создатели устной поэзии те же поэты, что и их литературные собратья. И Сулейману Стальскому принадлежит честь первому доказать право мастеров народного словесного искусства на признание за ними огромной роли в развитии советской художественной культуры.

Г. Аликберов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О С. СТАЛЬСКОМ

Общественность нашей республики готовится отметить знаменательную дату – столетие со дня рождения народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского. Все те, кто близко знал Сулеймана, кому посчастливилось встречаться с ним и прочувствовать его обаяние и чистоту души, кто работал и сотрудничал с ним, – выступают в печати и по радио с воспоминаниями, отдают должное светлой памяти этого мудрого человека, творца «жемчужин поэзии». Это – законное стремление каждого, кому довелось с ним сотрудничать. Это дополняет то ценное, что собрано о нем, как о народном поэте, в трудах писателей и литературоведов Гаджибека Гаджибекова, Эффенди Капиева, Ахеда Агаева, Расула Гамзатова, Камиля Султанова и других.

В течение ряда лет и я близко знал Сулеймана, и всю его семью. Потому и мне захотелось рассказать читателям о тех фактах и событиях из жизни Сулеймана, которые сохранились в моей памяти, очевидцем и участником которых я был. Я остановлюсь больше всего на

неизвестных или малоизвестных фактах. Они, я думаю, помогут еще глубже раскрыть образ великого ашуга.

Ранние встречи

О Сулеймане из Ашага-Стала, как о талантливом стихотворце и изобличителе пороков общественной жизни, мы, учащаяся молодежь, знали еще в начальной школе по его ранним стихотворениям, передававшимся из уст в уста («Соловей», «Самовар», «Двуногий осел», «Судьи», «Ворона мнит себя орлом», «Где права, друзья?», «От глупости лекарства нет», «Погибни, старый мир!», «Жди, Сулейман, большевиков»). Но я лично увидел Сулеймана впервые в 1926 году, будучи учащимся Касумкентской опорной школы и участником первомайского митинга, на котором он выступил с приветственной речью и стихотворением. Это произвело сильное впечатление.

Помню, вслед за этим, в связи с 10-летием Октябрьской революции, Сулейман посетил нашу школу и интернат, интересовался нашей учебой и жизнью. Мы содержались за счет государства и к этому времени хорошо были одеты и обуты. Это обрадовало Сулеймана. Охваченный чувством гордости за новую жизнь, он с волнением говорил: «Нам, дети мои, не довелось так жить и учиться, как вам, помните и не забывайте это, учитесь!». В заключение он прочитал сложенное тут же стихотворение, посвященное «школьникам», в котором дети названы «цветочками весны», «ростками страны», «опорой партии-борца» и «надеждой Ленина – отца».

В моем сознании Сулейман был вершиной мудрости и таланта, ярким выражением новой жизни. Хотя нас обучали тогда на тюркском языке, мы, старшеклассники, записывали «самодельным» лезгинским алфавитом его стихотворения, выучивали и декламировали их в литературном кружке. Нам помогло то обстоятельство, что старый народный учитель Абужафар Мамедов, в доме которого я жил одно время, помогал нам переписывать стихи Сулеймана.

Надо воздать должное тому, что в течение многих лет учитель А. Мамедов занимался сбором и популяризацией произведений лезгинских поэтов, в том числе Сулеймана. Еще в 1917 году он сделал попытку издать сборник их стихов в типографии Мавраева в Темир-Хан-Шуре, но она не удалась. В 1927 году по его записям в Москве впервые был издан сборник этих стихов. Я помню, как учитель А. Мамедов и С. Стальский дружили между собой, часто бывали друг у друга. Очень жаль, что мы тогда не понимали смысла их связей, не догадались поинтересоваться их сотрудничеством.

Более широкие возможности для систематического сбора, изучения и популяризации произведений С. Стальского открылись у нас в связи с созданием новой письменности и началом выхода в Махачкале областной лезгинской газеты «Новый мир». Редакция этой газеты сразу стала как бы центром, объединяющим все литературно-журналистские силы, организующим и направляющим их усилия на создание и развитие литературы и искусства лезгинского народа.

В этом деле огромную роль сыграл организатор и первый редактор этой газеты ученый-филолог Гаджибек Гаджибеков. Он, собственно, и занялся по-настоящему сбором и публикацией произведений Сулеймана Стальского и других поэтов. В редакции работали в первые годы ее основания будущие писатели З. Эфендиев, А. Фатахов, И. Вагабов и др. С 1930 по 1932 год в кругу этих товарищей начал свою журналистскую деятельность и я, сначала в качестве литературного работника и заведующего отделом, а затем – заместителя редактора. Это еще более сблизило меня с творчеством Сулеймана, превратив его в объект повседневных забот всего коллектива редакции газеты.

Это помогло и молодым силам, в том числе и мне делать некоторые шаги в область поэзии.

БУДУЧИ РЕДАКТОРОМ...

В моей памяти Сулейман Стальский закрепился как поэт-обличитель недостатков нашей жизни, как борец за дело народа. Мое убеждение о нем, как о борце, углубилось в дальнейшей еще более тесной нашей работе, когда я после окончания в 1934 году Всесоюзного коммунистического института журналистики в Москве начал работать в Касумкенте редактором межрайонной газеты «Знамя колхоза». Здесь уже по долгу службы, неоднократно встречаясь с Сулейманом Стальским по множеству жизненных вопросов, мне лично приходилось наблюдать и на деле ощущать силу воздействия его творчества на настроение и умы народных масс.

Я был рад тому, что работа в газете и забота о творчестве поэта-земляка сблизили и сроднили меня с ним и с его семьей. Отношения наши стали более чем близкими. Неоднократно бывая друг у друга и обсуждая ряд жизненных вопросов, я находил в его суждениях и советах много ценного и учитывал их в работе. Важно отметить, что, несмотря на преклонный возраст, Сулейман боролся с косностью и рутиной в строительстве новой жизни, был носителем передового,

демократического и в семейно-бытовых отношениях.

Это было время, когда качался период наибольшего расцвета творчества Сулеймана. Летом 1934 года собрался I съезд писателей Дагестана. Я на этом съезде не был. Но помню, по поручению оргкомитета по созыву этого съезда в Касумкент приехал из Махачкалы М. Эфендиев, который работал тогда инструктором отдела печати обкома партии. Он имел поручение рассказать Сулейману о предстоящем съезде писателей и помочь ему в подготовке к съезду. К этой работе был привлечен и я.

На следующий день после приезда М. Эфендиева мы навестили Сулеймана, передали ему о том, что он избран делегатом и должен быть на съезде. Сулейман радостно воспринял это и вместе с М. Эфендиевым уехал на съезд. Перед этим мы дали в газете подборку новых стихов поэта.

Сулейман Стальский – в президиуме съезда писателей. Выступление его на съезде и присвоение ему высокого звания народного поэта Дагестана имели большое значение в его творчестве, Влияние и авторитет Сулеймана еще более возвысились после его выступления на съезде писателей в Москве и после встречи с М. Горьким, который высоко оценил его «жемчужины поэзии», а его самого назвал Гомером XX века.

В 1934 году республика готовилась к X съезду Советов. В состав делегации Касумкентского района наряду с другими вошли Сулейман Стальский и я. Сулейман выступил здесь с яркой речью и стихотворением, содержание которых было передано мною на русском языке. В стихотворении он воспел новую жизнь, назвав ее «весенним медом» против «горечи затхлого бурьяна прошлого».

Я помню немало фактов, когда редакция по инициативе и советам Сулеймана «общественности выступала с рядом статей по жизненно важным вопросам: о строительстве в Ашага-Стале школы и колхозной гидроэлектростанции, о строительстве в Касумкенте консервного завода, о проведении методом народной стройки Сардаркентско-Корчагского оросительного канала имени Н. Самурского, о ремонте шоссейной дороги Касумкент – Белиджи и т. д. У меня навсегда, закрепились в памяти его вдохновенная речь на митинге колхозников, посвященном пуску колхозной гидроэлектростанции в ауле, в которой он назвал колхоз «светом очей для бедняков».

Сулейман был не просто певцом-поэтом, его деятельность не ограничивалась только воспеванием того, что он сам наблюдал и пе-

режил. Он всегда и во всем был активным участником и вдохновенным борцом. Не удивительно, что общественность аула и района в решении больших народнохозяйственных задач нередко обращалась к советам и помощи Сулеймана. Более того, одно присутствие или выступление его в ряде случаев бывало достаточным, чтобы вопрос, поставленный на собрании общества; разрешался быстро и успешно.

Мне вспоминается случай, когда я, как уполномоченный райкома партии, в 1935 году приехал в Ашага-Стал по делам уборки урожая. Всесторонне изучив положение дел в колхозе, в полевых и тракторных бригадах, я убедился, что под разлагающим влиянием кулацко-мулльских элементов часть колхозников не выходила на работу, а выполнение планов по уборке урожая и сдаче хлеба государству срывалось. Решили созвать по этому поводу специальное собрание. Я пришел на собрание. Не успели его открыть, пришел сюда и Сулейман. Председатель колхоза М. Курбаналиев сообщил о ходе уборки урожая и хлебозаготовок. Выяснилось, что отдельные лжеактивисты, прибегая к дезорганизации колхозников, пытаются свалить всю вину за развал трудовой дисциплины на правление и председателя колхоза, стремясь вызвать этим недовольство среди отсталой части колхозников и сорвать собрание. Я, сознаюсь, вначале не понял сущности происходящего. Не вмешивался в ход собрания и Сулейман. Но вдруг он властно встал, вышел в центр собравшихся и, попросив у джамаата извинение, сделал в адрес этих, «активистов» порицание и произнес: «Эй, вы, думаете, что никто не знает куда гнете? Довольно, не мешайте джамаату самому решить свои дела!». Это возымело действие: крикуны-бездельники незаметно исчезли, собрание справилось со своей задачей.

В РОЛИ ПОМОЩНИКА

Это началось примерно с осени 1935 года. С этого момента я начал заниматься вопросами учета и организации подстрочных переводов как старых, так и новых стихов Сулеймана, а также их публикации. Вначале это представилось легким делом. Но не так-то было, ибо приходилось решать эти вопросы точно, четко и оперативно.

В связи с этим вспоминаю некоторые детали, связанные с подготовкой и проведением праздника – 15-летия Дагестанской АССР. Одно за другим последовали Сулейману задания «Правды», «Литературной газеты», «Дагестанской правды». Я был у Сулеймана и тоже

сделал заказ. Согласно договоренности, через неделю для записи юбилейного стихотворения к нему был послан наш внештатный работник М. Бачханов. Он записал и привез это стихотворение, которое мы и опубликовали в юбилейном номере газеты. Это было то знаменитое стихотворение («В этот мир»), в котором поэт характеризовал этот день как великий праздник народов Страны гор, всех городов и районов, участков и аулов – всех гюнейцев и яркинцев, табасаранцев и агулов...

В то время (число не помню) я был вызван в Махачкалу. По приезде встретился с Г. Гаджибековым; он повел меня к Ю. Шовкринскому, у которого был и председатель правления Союза писателей. Обсуждался вопрос о том, что интерес к Сулейману Стальскому растет, запросы к нему ширятся, но дело, как они говорили, пущено на самотек, организация переводов и контроля за их качеством не налажены, что приводит зачастую к искажениям оригинала. Я тоже отметил своевременность и важность обсуждаемого вопроса.

После этого мы с Г. Гаджибековым были вызваны к секретарю обкома партии Н. Самурскому. Ссылаясь на письмо М. Горького С. Стальскому о собирании боевых песен, рассказов и легенд из истории родного края и на возможность прибытия на 15-летие ДАССР многих гостей из числа видных работников из центра, Н. Самурский пояснил, что «Правда» ожидает крупное выступление Сулеймана и что в этом мы, Гаджибеков и я, должны помочь. Короче говоря, мне тут же вручили большую рукопись в 24 стр. машинописи. Рукопись содержала наиболее важные и яркие факты и события истории Дагестана. И мне было предложено хорошо изучить ее, точно и доступно перевести на родной язык и довести до Сулеймана.

Принимая это, как ответственное партийное поручение, я точно выполнил задание и с готовым текстом перевода рукописи приехал к Сулейману, рассказал ему задачу – создание большой исторической поэмы «Дагестан», повествующей о героическом прошлом и настоящем родного края. Сулейман с охотой принял этот «заказ». По нашей обоюдной договоренности в течение почти месяца я в неделю два раза приезжал к поэту, читал и разъяснял ему основные этапы истории, наиболее яркие факты и события.

Дело, конечно, было нелегким. Но нужно отметить, что Сулейман не только быстро усвоил все это, но и находил удачные параллели и сравнения в истории и поэзии других братских народов. Таким образом, через полтора-два месяца Сулейман уже начал диктовать

первый вариант поэмы «Дагестан». То, с какими трудностями была сопряжена работа по подготовке подстрочника и особенно по художественному переводу, в основном правильно освещается в статье учителя и поэта Э. Билалова, напечатанной в газете «Коммунист» от 19 декабря 1968 года.

Торжество в Махачкале. Прибыли туда Сулейман и я. До выезда в Махачкалу на всякий случай были продиктованы и подстрочно переведены мною на русский язык его краткая речь и стихотворение. Однако на юбилейной сессии ДагЦИКа было предусмотрено выступление кого-нибудь одного из народных поэтов. Было предложено договориться, кого именно.

В этой связи приятно вспомнить, как ярко проявились личные этические достоинства народных поэтов. Я свидетель такого факта: когда по этому поводу спросили их, кто же будет выступать на съезде с приветствием, С. Стальский указал на Гамзата Цадасу, аргументируя это тем, что «он хорошо владеет ручкой (т. е. грамотой), ему легче это сделать». Гамзат же сразу заявил: «Нет, у нас старший Сулейман, он и должен выступать!» Так на сессии по воле своих коллег Сулейман и выступил с краткой речью и стихотворением, посвященным 15-летию Дагестанской АССР.

В начале 1936 года в Москве должно было собраться Всесоюзное совещание передовиков животноводства. В связи с этим в январе (число не помню) я был вызван в обком партии. Здесь заинтересовались состоянием здоровья и творческой деятельностью Сулеймана и тем, как я, как редактор газеты, помогаю ему в работе. После моих пояснений, мне было сообщено, что до назначения официального помощника – секретаря нужно позаботиться о его творчестве, проследить за правильностью записей его стихов, точностью их подстрочных переводов и публикаций. Я также получил задание рассказать Сулейману о предстоящем совещании передовиков животноводства в Москве, о возможности его поездки туда и его выступления там. Вернувшись в район, я обдумал задание, посетил поэта, рассказал ему смысл задания. Через неделю вновь я был у него, выслушал и записал речь и стихотворение, получившее затем название «Я буду петь большевиков».

В январе 1936 года мы вместе с Сулейманом Стальским приехали в Махачкалу. Встретил нас работник обкома партии Абдулла Вагабов. Вечером в здании городского театра им. М. Горького состоялся вечер встречи писателей с народным поэтом, где он выступил со сло-

вами благодарности за теплый прием и зачитал тут же сочиненное стихотворение «Друзьям». На следующий день мы с Сулейманом выехали в Кисловодск, а рядом, в Пятигорске, жил и работал переводчик поэта Эффенди Капиев. В Кисловодске нас устроили прямо на вокзале, в служебном вагоне, где мы вместе с Э. Капиевым работали над усовершенствованием переводов речи и стихотворения Сулеймана.

После этой работы я вернулся в район, а Сулейман поехал в Москву, принял участие в пленуме Союза писателей СССР и во Всесоюзном совещании передовиков животноводства. Здесь в жизни С. Стальского произошло еще более значительное событие – он был награжден орденом Ленина. Орден был вручен ему М. И. Калиным 17 апреля 1936 года.

Стихи и речь мы напечатали в газете и развернули широкую пропаганду их среди населения. Это еще выше подняло авторитет Сулеймана и уважение к нему в массах. Мы, его земляки, особенно гордились этим и готовились к его встрече на родной земле. В честь своего славного земляка общие собрания колхозов взяли на себя обязательства развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов весенних сельскохозяйственных работ.

21 апреля в сопровождении представителей Союза писателей и прессы Сулейман приехал в район. Несмотря на поздний час, для встречи его собралось около тысячи человек. В числе встречающих были и члены его семьи – жена Айна, сын Мирзеюсуф и др. Играла музыка, звенели песни. Примерно в 8 часов вечера подъехали автомашины, из которых вышли Сулейман и сопровождающие его гости. Тут же открылся летучий митинг. С приветствием выступил и я. В своем ответном слове Сулейман говорил, что на этот раз он нашел Москву куда богаче и краше, чем в первый раз, что в его груди накопилось так много нового, интересного, что он сейчас не в состоянии говорить о них. Выражая свою благодарность всем за такую встречу, Сулейман передал трудящимся района и родного села сердечный салам от столицы Москвы, от партии и правительства.

После отдыха Сулейман объехал ряд аулов и районов, рассказывая о Москве, о съезде животноводов, о задачах колхозов. Я наблюдал отношения людей и убедился в том, что эти встречи масс со своим мудрым певцом имели огромное значение в их борьбе за укрепление колхозов и успешное решение задач дня.

Таким образом, вплоть до конца 1936 года я продолжал поддер-

живать тесные, деловые связи с Сулейманом, обслуживал его клиентов, записывал его новые стихотворения, делал их подстрочные переводы по просьбам газет, радио, представлял поэта представителям прессы, которые обращались к нему со своими просьбами, предложениями. В конце 1936 года я был избран секретарем райкома ВКП(б). К этому времени вернулся с учебы и сын Сулеймана – Мусаиб, тоже молодой поэт, который стал уже его настоящим помощником – секретарем.

Будучи кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Дербентского избирательного округа, в начале ноября Сулейман приехал в Махачкалу. В это время я уже работал заведомом печати и издательств Дагобкома ВКП(б). Здесь мы встретились и говорили о делах и событиях в последний раз, и Сулейман вернулся домой, 23 ноября он скончался.

Сулеймана не стало, но его творения продолжают служить народу. Еще в 1938 году под моей редакцией был издан сборник избранных стихов на лезгинском языке. Затем, в связи с Ю-летием со дня смерти Сулеймана, был выпущен более полный сборник его произведений, составителем которого был ученый языковед М. Гаджиев, а редактором – я.

Некоторые общие мысли о творчестве поэта

Прежде всего хотел бы отметить, что творчество Сулеймана Стальского достойно оценено нашей партией, правительством и народом.

Сулейман был на редкость мудрым, с юмором и своеобразным художественным вкусом человеком. Его наблюдательность помогала ему впитывать в себя все то, что создано было народным творчеством в краях, где ему приходилось скитаться с детства из-за куска хлеба. Ведь тысячи были таких, но Сулейман вышел все же один. Его классические стихи, относящиеся еще к началу XX века, ярко свидетельствуют об оригинальности творчества поэта. Я должен сказать, что Сулейман творил свои стихи самостоятельно, по собственному убеждению. Он был редким самобытным, неповторимым явлением в народном творчестве.

Но надо помнить, что творчество Сулеймана не строилось на голлом месте. Несмотря на его неграмотность, красная нить преемственности связывала его произведения с творчеством прогрессивных поэтов многих народов. Все, и те, кто занимался с ним до революции, и те, кто изучал его наследие в наше время, знают, что Сулейман, бы-

вая в различных районах страны, знакомился с творениями выдающихся поэтов Востока, проникал в тайны народной поэзии. Я лично не раз с удовольствием слушал, когда он увлеченно рассказывал о поэзии и о судьбах поэтов в прошлом, когда он декламировал стихи своих предшественников Сайда Кочхюрского и Етима Эмина. Сулейман был творчески связан с такими прогрессивными людьми общества, как ученый Гасан Алкадари, языковед Казанфар Казанфаров, учитель Абужафер Мамедов, которые еще в первые годы нашего столетия начали интересоваться его стихами, делали попытки собрать и издать их.

В свете всего этого странно были старания неких критиков сводить роль народного поэта Сулеймана «к сбору и воспеванию народных песен». При этом должен сообщить, что Сулейман в этой роли певца никогда и ни в одном обществе не выступал. Такое мнение явилось результатом примитивного и вульгарного представления о его жизни и творчестве. Вот почему выдвигается настоятельная необходимость всесторонне исследовать истоки творческого таланта Сулеймана как самобытного народного поэта, как Гомера XX века.

В тридцатые годы, особенно после I Всесоюзного съезда писателей, творчество Сулеймана Стальского расцвело необычайно. Он приобрел такую популярность, что к его слову обращались и различные общественные организации, и наши печать и радио. В связи с различными праздниками и знаменательными датами к нему поступали десятки писем и телеграмм с просьбами откликнуться, написать пару слов... С. Стальский, нужно сказать, не в состоянии был отвечать на все это. Иногда он всецело оказывался в распоряжении тех, кто любой ценой добивался его «откликов».

В этих случаях организаторы «откликов» на ходу, даже без переводчика, записывали Сулеймана и «делали» по ним стихотворения, что, конечно, приводило к расхождениям между оригиналом и переводом.

Однажды, узнав, что по правке зам. редактора одной газеты стихотворение его напечатали с изменением оригинала, Сулейман обратился ко мне с претензией: «Дорогой редактор! Я очень уважаю газету. У нее много дел и без моих стихов. Если что не так, то сам мог бы поправить, но не желаю, чтобы их латали как попало!».

Это говорит о чувстве долга и о том, как дорожил Сулейман своей поэтической честью.

Сулейман оставил ценное наследие. Исследование и пропаганда

его творчества является одной из важнейших задач патриотического воспитания молодежи.

Сулейман, как труженик и как поэт, был организованным, собранным, требовательным и в то же время демократичным человеком со строгой внутренней культурой и передовыми морально-этическими нормами поведения в обществе и семье. Примечательно то, что у него не было и не проявлялось никаких элементов старческой косности и преклонения перед догмами старины. Он был атеистом, просветителем.

Личное обаяние, простота и общительность Сулеймана снискали ему уважение, еще более сроднили его с народом. В передовых, честных людях он видел своих истинных друзей и с радостью воспевал их труд во имя торжества дела коммунизма.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Впервые я увидел Сулеймана Стальского в 1934 году на I-м съезде писателей Дагестана. В президиуме съезда рядом с ним сидел популярный аварский поэт Гамзат Цадаса. Среднего роста, широкоплечий Гамзат и низкорослый, худощавый Сулейман внешне не были похожи друг на друга, да и по характеру они оказались разными.

Гамзат Цадаса больше слушал, чем говорил. У Сулеймана Стальского была склонность к ораторству. В первый же день работы съезда он выступил с речью на своем родном лезгинском языке и закончил её стихами. Видя, что его речь произвела на делегатов съезда сильное впечатление, Сулейман попросил разрешения прочитать еще одно стихотворение. На его просьбу съезд ответил горячими аплодисментами. Стихи он читал не торопясь, выразительно.

И Сулейман Стальский, и Гамзат Цадаса единогласно были избраны делегатами I-го Всесоюзного съезда писателей.

Перед поездкой в Москву решили приодеть Сулеймана – он приехал в Махачкалу в бешмете и лаптях. Впоследствии иронизируя по поводу попыток товарищей перерядить его в европейские одежды, Сулейман говорил:

«Когда я ехал в Москву, мне люди говорили: «Сними ты, Сулейман, эти старые чарыки, поезжай в Москву, как купец, надень галстук, купи костюм. Ведь у тебя денег на все хватит, слава богу».

А я им говорю: «Никогда не надену костюм, останусь в своем бешмете, старом и пропахшем чесноком, в том бешмете, в котором я родился и в котором ходят мои соседи. В этом костюме народ меня лучше понимает. Я остался при своих чарыках и поехал в них в Москву. Сила моя – в чарыках».

Сулейман Стальский в крестьянской одежде вместе с другими делегатами курьерским поездом выехал в Москву на I-й Всесоюзный съезд писателей, на котором предстояла встреча с А. М. Горьким.

Делегаты съезда от Дагестана были поражены случаем, происшедшим с ашугом в дороге. Этот случай красочно описан Эффенди Капиевым, ехавшим с Сулейманом в одном купе. Капиев писал: «Но вот двери купе раскрылись. Вошел проводник, а с ним толстый, в фетровой шляпе пассажир, с желтым изящным чемоданчиком в руках. С нескрываемым чувством брезгливости пассажир этот оглядел купе. Сулейман насторожился: что такое? Не говоря ни слова, тол-

стяк бесцеремонно протянул руку, поднял папаху Сулеймана за самый краешек, за ворсинку (как обычно берут за хвостик дохлую крысу) и, брезгливо отбросив её на стол, поставил рядом с Сулейманом свой чемодан.

– Вот что, гражданин, – говорил между тем проводник, обращаясь к юноше, – передайте старику, чтоб он немедленно перебрался к себе наверх. Нижняя полка забронирована за этим интуристом от самого Ростова.

– Не хабар? Что такое? – всполошился Сулейман, приподнимаясь (он уже, было, приготовился встать).

– Из иного государства, говоришь? – переспросил Сулейман гневно и остался сидеть на месте. Лицо его приобрело странный оттенок, стало замкнутым и неприступным. Он нахмурился. Потом медленно и с достоинством взял со стола кисет, начал не спеша набивать свою трубку табаком. Проводник и пассажир ждали.

– Передай ему, – сказал, наконец, Сулейман, не глядя, а лишь кивая в сторону толстяка. – Передай, во-первых, что я колхозник. Понятно? Бедный человек, – добавил он вдруг притворно-жалостливо. – Касиб адам! (И губа его дрогнула). Во-вторых, ты скажешь ему, что я старик. Да! В-третьих, ты скажи ему, что я как-никак народный поэт. Мол, маленький или большой, это не его дело, – простой поэт! А в-четвертых, сказал Сулейман, неожиданно повысив голос, в-четвертых, ты скажи этому человеку из иного государства, что здесь не его государство, а мое!».

Сулейман Стальский прибыл на съезд писателей Советского Союза. Он был избран членом президиума съезда. Некоторые зарубежные гости были крайне удивлены тем обстоятельством, что рядом с великим писателем России А. М. Горьким сидит старый крестьянин в невзрачном, чуть экзотическом бешмете.

Что он делает здесь среди мастеров литературы? Какое отношение он имеет к литературному творчеству? Может быть, он представитель крестьян Кавказа, посланный приветствовать съезд писателей? Примерно так думали люди, приехавшие из стран, где «интеллектуальная личность» китайской стеной отделена от «простолюдина», где творчество является уделом «избранных». Вскоре они увидели, что так удививший их крестьянин сам является поэтом, равноправным членом дружной семьи советских писателей, объединенных не по расовым, национальным и кастовым признакам, а общностью идей и принципов, великой верой в свободу и счастье всех людей труда.

На съезде писателей состоялась первая встреча Сулеймана Стальского с А. М. Горьким. Присутствовавший при этой встрече П. А. Павленко, который навестил ашуга в его родном ауле за несколько месяцев до открытия съезда, такими словами описал её: «Затаясь, став как-то еще более сухоньким, входил Сулейман в комнату за сценой Колонного зала, где его прихода ждал Горький. Он хотел что-то спросить, по-видимому, о том, как ему приветствовать Алексея Максимовича, и... не успел. Улыбаясь застенчивой улыбкой и глядя на гостя сияющими, радостными глазами, Горький уже подходил к Стальскому.

– Я много слышал о вас, рад пожать вашу руку, – сказал он, склоняясь к невысокому Стальскому, смущенному и неподготовленному к этой исторической своей встрече с великим пролетарским писателем. Но это смущение было мгновенным. Стальский уже отвечал Горькому обычным полупевучим, негромким голосом.

– Я рад, что мы оба старики, – сказал он с удивительной нежностью, – мне будет легко говорить с вами. И, сев рядом, они заговорили через переводчика так, как если бы были знакомы много десятилетий.

Описание этой встречи, сыгравшей столь важную роль в жизни и творчестве Сулеймана Стальского, было бы далеко не полным, если бы мы не привели слова самого ашуга, так охарактеризовавшего впечатление, произведенное на него великим писателем Советской России: «Я не знаю русского языка, Максим Горький не знал лезгинского. Но у нас говорят: «Язык немного понимает мать». – Максим Горький понял меня и мою песню. Он долго и крепко жал мою руку в тот счастливый день, и я не перестану вспоминать об этом до самой смерти. Мы легко обошлись бы тогда и без переводчика – настолько велика была моя жажда слышать его. Он улыбался и тряс мою руку, как добрый старый друг, который давно уже искал встречи со мной. От этого у меня захватило дыхание, и я долго не мог заговорить с ним спокойно. Судьба моя редко улыбалась мне в молодости, зато старость оказалась счастливой.

Я хотел сказать об этом Горькому, но он понял меня без слов и, вторично пожав руку, улыбнулся. Так мы сидели с минуту, а потом, освоившись, я уже чувствовал рядом с собой родного и близкого человека, моего ровесника, с которым у меня, начиная уже с детских лет, общий язык и общее сердце».

На съезде Сулейман Стальский с большим успехом спел вдохно-

венную песню-приветствие. Своё отношение к Горькому старый ашуг выразил в словах, полных глубокого уважения и искренней любви:

Развеяв нашей жизни хмурь,
Мы солнце подняли в лазурь.
Живи, наш Горький, вестник бурь,
Мы навестить тебя пришли.
(Перевод А. Суркова)

В словах Сулеймана слышался голос человека, который говорил от имени тех, кто «проснулся от злого сна» и окрылен «сквозь годы сбывшимися надеждами».

Наш день, как горный воздух, свеж.
Сквозь годы сбывшихся надежд
В горящем пурпуре одежд
Мы к веку юности пришли.

Стихотворная речь лезгинского ашуга произвела сильное впечатление на всех участников съезда писателей. Это впечатление глубоко и ярко выражено в заключительном слове А. М. Горького.

Итак, на литературной арене появился новый поэт, дотоле неизвестный, сразу завоевавший широкую популярность во всей стране. Это удивило многих. Если зарубежных гостей на писательском съезде поразило сам факт появления среди известных писателей простого крестьянина, то это было закономерным явлением в глазах советских читателей. Но и они не могли понять того, каким образом никому неизвестный человек мог стать знаменитым поэтом в течение нескольких дней? Не произошло ли здесь чудо? Однако, как известно, в литературе так же, как и в жизни, чудес не бывает. Вскоре выяснилось, что появление Сулеймана Стальского в большой литературе было подготовлено долголетним, кропотливым и вдохновенным творческим трудом этого поэта из народа. словно видя удивленные глаза своих читателей, Стальский решил рассказать им о своем жизненном и творческом пути. На страницах «Правды» появился «Рассказ Сулеймана о себе», записанный Эффенди Капиевым.

В этом рассказе Сулейман Стальский нарисовал потрясающую картину своего тяжелого детства и отрочества, поведал о своем мучительном жизненном пути до революции, о первых песнях, рожденных

в столкновениях с враждебной поэту средой сильных мира сего. «Мать была беременна мною, когда отец ни с того, ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди в хлеву. Очень оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили это на мне: тотчас же, не дав мне даже попробовать материнского молока, они завернули меня в драный палас и подкинули к отцовским воротам. Так с обиды и началась моя жизнь».

С такой беспощадной правдой описал поэт начало своего жизненного пути. На этом пути в обществе, где человек человеку был волк, подростку, а затем юноше Сулейману пришлось преодолевать много препятствий, испытать холод и голод, материальные лишения, моральные унижения и оскорбления. Характер молодого Сулеймана воспитывался и оформлялся в борьбе с трудностями и лишениями, преодолеть которые было нелегко, но будущий поэт не был надломлен, выдержал испытания, выпавшие на его долю.

В тринадцатилетнем возрасте Сулейман «в поисках счастья» ушел из родного аула. Очутившись в древнем Дербенте, он тщетно искал счастья. Там его ждала та же беспросветная жизнь, тот же подневольный труд батрака. Затем он поехал в Гянджу (ныне Кировабад) и устроился чернорабочим на английских плантациях. По словам самого Сулеймана, там он «жил впроголодь, болел малярией и, наконец, не выдержав, сбежал». На этот раз Сулейман попал в Среднюю Азию. В Самарканде он устроился чернорабочим в депо, около года работал на постройке моста через Сырдарью.

Возвращаясь из Средней Азии и не имея средств для того, чтобы добраться до родного аула, Сулейман сделал вынужденную остановку в Баку, где начал работать чернорабочим на нефтяных промыслах.

Таким образом, за сравнительно короткий срок молодой Сулейман побывал во многих местах вдали от родного аула. Ясно, что он разъезжал не как любитель острых ощущений, а, подобно сотням и тысячам обездоленных горцев-крестьян, искал хлеба насущного, — его всюду преследовала нужда. Однако муки и страдания, перенесенные Сулейманом за эти годы, помогли ему понять важную истину, имевшую огромное значение для его будущей творческой работы. Впоследствии, вспоминая годы скитаний по далеким краям, Сулейман Стальский говорил: «Очень много увидел и узнал я за эти годы. А главное, я узнал, что, везде и всюду было одинаково трудно работать человеку, что уйти самому от себя невозможно, что бедные люди и на Сырдарье и в Ашага-Стале одинаково несчастны». Следо-

вательно, перед тем, как сочинять стихи, Сулейман Стальский приобрел большой жизненный опыт «бывалого человека», имел свои взгляды на устройство общества, где одним везде одинаково хорошо, а другим, наоборот, везде и всюду одинаково тяжело живется. Он узнал не только зло, но и причины, порождающие зло, его социальные корни.

Одним из лучших произведений, созданных Стальским в период гражданской войны, является известное стихотворение «Жди, Сулейман, большевиков!». В этом замечательном патриотическом произведении ярко показана великая вера народа в победу над врагами, его безграничная любовь и преданность Коммунистической партии. Чувствуя близкую победу, поэт с радостью и гордостью воскликнул:

Жди, Сулейман, большевиков!
Прогоним всяких колчаков,
Чтоб край родной не знал оков,
Свободною страной стал!
(Перевод С. Липкина)

В 1920 году в Дагестане установилась Советская власть. Сулейман Стальский восторженно приветствовал победу народной власти, навсегда освободившей горцев от векового гнета. Поэт славит рождение нового, советского Дагестана.

Освобожденный от врагов Дагестан, новая жизнь горцев вдохновляют Стальского на напряженную и плодотворную творческую работу. Будучи наблюдательным художником, Сулейман замечает все, что происходит в обновленной жизни народа, и правдиво отображает эту жизнь.

Мудрый ашуг видел, что новая жизнь побеждала в ожесточенной борьбе с остатками и пережитками старого мира, память о котором была еще свежа. Вот почему он не устает разоблачать старый мир и призывать к его окончательному искоренению. Сулейман считал своим долгом напомнить о том, какой тяжелой и беспросветной была жизнь народа до революции, как глумились над ним эксплуататорские классы.

Сулейману Стальскому, лично испытавшему все ужасы дореволюционной жизни, было о чем говорить, и его гневные строки о прошлом помогли народу еще сильнее ненавидеть старый мир и еще сильнее любить и ценить новую советскую жизнь, принесшую гор-

цам подлинное счастье, о котором они мечтали на протяжении многих веков.

Я вспоминаю жизнь, как сон,
Как сон, что страшной правды полн.
Нуждой кричащей был пленен
Мой путь и мой очаг, товарищ.
(Перевод Э. Капиева)

Сопоставляя кошмарное прошлое с лучезарным настоящим, поэт показывал величие и красоту этого настоящего.

Сулейман Стальский славил «прекрасную новизну мира», где «скучных нет сердец». Он находил удивительно сжатые и ёмкие слова для выражения глубоких мыслей о советской стране, о героическом пути, пройденном нашим народом:

Взгляните, кунаки, вокруг,
Как зреет дело наших рук!
Отчизна битв, отчизна мук
Теперь отчизной блага стала!

Старый ашуг впервые в дагестанской литературе воспел чувство возвращенной молодости:

В моей стране, где нет седин,
Где тают глыбы вечных льдин,
Мильоны, а не я один,
Находят молодость свою.

Утверждая в своей поэзии правду жизни, Сулейман Стальский завоевал огромную популярность во всех уголках нашей необъятной Родины. Еще при жизни Сулеймана знаменитый акын Казахстана Джамбул писал:

Народы горды соловьем Сулейманом,
Чьи песни горят, как большой самоцвет...

Близко знавший Стальского, Ник. Тихонов заявил: «Мне стано-

вится страшно грустно при мысли, что я не увижу больше Сулеймана, не сяду с ним в его вечерней роще под деревом и не услышу его тихого, вдохновенного голоса».

Выдающийся белорусский поэт Янка Купала, скорбя о смерти Сулеймана, вспоминал тяжелую жизнь ашуга, который «родился и вырос в нищете, без хлеба» и которому революция дала свободу, возможность творить песни, «звонче и напевней соловьиной трели»:

В том краю, где горы вознеслись под небо,
Там, где был к утесу Прометей прикован,
Родился и вырос в нищете, без хлеба
Человек, владевший звонкой силой слова.
Но распались цепи.
Сгибла власть тирана,
Осветила воля Саклю Сулеймана.

Белорусский собрат лезгинского поэта писал о близости поэзии Сулеймана всем народам, о её интернациональном значении. По образному выражению Купалы, эта поэзия летела «от вершины Кавказа к белорусским крышам». Задушевное стихотворение Янки Купалы заканчивается утверждением бессмертия ашуга, который «жизнь с честью прожил»:

Ты в сердцах народа
Думою орлиной
Будешь жить во славу
Родины любимой,
(Перевод Б. Иренина)

Русский поэт Джек Алтаузен, погибший в Отечественной войне, в своем стихотворении подчеркнул боевой характер поэзии Сулеймана Стальского:

Замолк певец из песенного стана,
Но боевым словам не замолчать.
И будут их на шашках Дагестана
Бойцы перед сражением читать.

Так и случилось. В дни Отечественной войны поэзия Стальского ока-

залась боевым оружием в борьбе с кровавым фашизмом. О многом говорит тот факт, что в кабине советского танкиста, павшего смертью героя, оказался томик стихов нашего знаменитого поэта. Тогда по радио Дагестана часто передавались стихи и песни Сулеймана Стальского, и они были удивительно созвучными времени. В те дни невольно вспоминались строки из стихотворения Михаила Исаковского, посвященного памяти Сулеймана:

Смерть подошла негаданно, нежданно,
Лежит певец и не откроет глаз...
Но молодые песни Сулеймана
Над миром прозвучат еще не раз.

Да, песни Сулеймана еще долго будут звучать над миром, прославляя стремление людей к счастью, проклиная темные силы человека-неконевистников, мешающие народам жить в мире и дружбе.

Ю. Хаппалаев

СТАЛЬСКИЙ ВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ ДЛЯ НАС ПРИМЕРОМ

Сулеймана Стальского я впервые увидел в 1934 году на Первом Дагестанском съезде писателей. Он тогда, по-отцовски нежно похлопывая своей старческой рукой по моему плечу, говорил на непонятном мне языке. Это были слова дружбы, отеческой любви.

Когда я начал читать певучие, музыкальные песни и стихи Стальского, я почувствовал неиссякаемый источник поэтической красоты.

Эти стихи меня сразу же пленили. Особенно я стал чувствовать громадную поэтическую силу Стальского, его гениальный талант, его тонкое поэтическое мастерство, когда начал переводить стихи ашуга на лакский язык.

Стальский стал для меня учителем. В стихах Сулеймана я видел живую жизнь трудового человека-горца, его горячее сердце, его священные чувства, его любовь к социалистической Родине и ненависть к врагам.

Мы все, молодые поэты Дагестана, стали учениками Стальского. Мы всегда учимся у него народности стиха, глубокому содержанию, вылитому в тонко очерченные певучие четверостишия, умению видеть жизнь и описать её так, как описал великий ашуг. Мы учимся у

Стальского – поэтического великана – стихами и песнями выражать народные думы и чаяния, выражать нашу любовь к Родине. Стальский навсегда останется для нас примером.

Х. Аскар-Сарыджа

СКУЛЬПТУРНЫЙ БЮСТ ПОЭТА

Дорога до аула Ашага-Стал предвещала приятную прогулку. Я шёл пешком за попутной арбой и наслаждался красотой окрестности Касумкента и дальними видами благодатной кюринской земли.

Помню, когда-то здесь, по правой стороне реки, немного ниже от моста, стоял густолиственный лес с причудливыми лиановыми зарослями. Водились ежи, черепахи, змеи. О, как с тех пор сильно преобразовалась вся эта местность! Она покрылась фруктовыми садами, засеянными полями, сенокосами и огородами. Всюду проник советский человек, вооруженный современной наукой, осваивая нетронутую целину плодотворных земель.

Вот и Ашага-Стал – родина знаменитого ашуга Сулеймана Стальского. Я шёл к нему, чтобы увековечить его образ в пластическом материале. Наконец, за последним поворотом дороги я заметил на солнечной полянке огромного колхозного сада необычную для здешних мест группу людей с киносъемочной аппаратурой. Оператор крутил ручку аппарата, а Сулейман, сидя на пне, раскачивал своим длинным указательным пальцем и что-то говорил. Вдруг он остановился. Поднявшись с места, он быстро зашагал навстречу мне. Усталый от натуральных съемок, Сулейман после обычных приветствий стал жаловаться на свою старость, на добрых гостей и назойливых фотографов.

– Эти люди делают доброе дело, Сулейман-даи, – сказал я в утешение.

– Кто не страдает, тот утешает, – ответил он.

– Грядущее поколение будет благодарно им, – твердил я своё.

Поэт покачал головой, протянул «э-э»...

Киноработники были огорчены срывом съемок, а Сулейман, сославшись на усталость, заклинал, что в последний раз снимается, не станет больше позировать художникам, утащил меня к себе в новый дом, только что построенный правительством Дагестана для него.

За завтраком Сулейман, смеясь, оживленно рассказывал, как в Московском музее народов СССР за ним ходила толпа любопытных,

принимая его за живой музейный экспонат. Был в гостях у Максима Горького...

Однако за вечерним ужином случилось то, чего я больше всего боялся. Когда Сулейман узнал причину моего приезда, он от отчаяния встал с места и забегал по комнатам, что-то нервно бормоча. Жена поэта Айна-ханум, заметив мое волнение, стала успокаивать, что у её старика бывают частые приступы головных болей, от которых он очень нервничает.

– Давно ли это у него? – опросил я.

– Да, давно, – ответила она.

– Отчего?

– Много думает. Ум велик, голова не выдерживает, – серьезно ответила она, убеждая не огорчаться, если её старик не согласится позировать.

– Эй, старуха! Он не смыслит в этих вещах, оставь его в покое, – вдруг крикнул Сулейман, услышав наш разговор. Войдя в комнату, он сел рядом со мной. Внимательно выслушав мои соображения, он, наконец, согласился, и мы с ним условились начать работу по окончании киносъёмки.

Живя под одной крышей с Сулейманом, я наблюдал за жизнью и бытом этого замечательного человека...

В Сулеймане сочетались прекрасные человеческие качества, он был благородным отцом и мужем, хорошим общественником и колхозником, талантливым поэтом и государственным деятелем. В доме его чувствовалась дисциплина и трогательная дружба между членами семьи.

Сулейман часто жаловался на мучительную жажду и головные боли, стремился к одиночеству, уходил в сады, приходил и опять исчезал.

– Если бы я был грамотен, – говорил он, – я не напрягал бы столько усилий памяти, чтобы не забыть смысл и текст моих старых и новых стихов, – и тут же с улыбкой на лице продолжал, – но я счастливее соловья, ибо мои песни подхватываются людьми, печатаются, переводят на языки народов, тогда как бюль-бюль лишен всего этого.

Сулейман был необыкновенно аккуратен, того требовал и от других. В назначенный для меня час он всегда с точностью до минуты садился на своё место и терпеливо позировал. Сидя на подоконнике, он часто сочинял стихи и тут же вполголоса читал, но никогда не спрашивал о их достоинстве.

Когда я закончил портретный бюст его, в садах поспели черешни, и начался массовый их сбор. Бюст мною был отформирован и отлит в алебастр и через несколько дней доставлен в Махачкалу.

Это было за пять месяцев до того печального вечера, когда в Большом зале Верховного Совета ДАССР мои руки осторожно снимали застывший гипсовый слепок, с его угасшего незабываемого лица,

Джемал

МОИ ВСТРЕЧИ С СУЛЕЙМАНОМ СТАЛЬСКИМ

Впервые я увидел Сулеймана Стальского летом 1933 года. Мне показали человека небольшого роста, хрупкого сложения. На ногах у него были кожаные «дырихи», какие носят крестьяне Южного Дагестана. Он устало сидел в тени на ступеньках крыльца. Мне особенно запомнилось грустное выражение его больших серых глаз. Весь облик Сулеймана, казалось, говорил о тяжелой прошлой жизни, полной лишений и скитаний. Приблизительно таким я представлял себе Кали-Гасана, бедняка-героя одной чудесной сказки, когда-то в детстве рассказанной мне отцом.

Некоторое время спустя в один из очередных его приездов в Махачкалу я начал рисовать портрет Сулеймана.

Помню, как я начал первые сеансы над подготовительным этюдом к большому портрету поэта. Это было как раз перед отъездом Стальского на съезд советских писателей в 1934 году. Я писал его с натуры у себя в мастерской. Перед тем, как начать работать, я долго думал и выбирал позу для Сулеймана, прося его сесть то так, то этак. В моей голове между тем все время носился тот образ Сулеймана, каким я запомнил его впервые. Сулейман безропотно пересаживался, пока я, наконец, не нашел желаемого положения—позу, близкую к тому образу, который запечатлелся в моей памяти в первый раз.

Во время рисования и в часы перерыва разговор между нами велся на азербайджанском языке, которым Сулейман владел хорошо.

Он был интересный и остроумный собеседник и свою речь часто иллюстрировал каким-нибудь занятным анекдотом или мудрой народной поговоркой. Таких вещей он знал очень много. Некоторые из них я помню и сейчас.

Позировал для первого портрета Сулейман с трудом. У него был в то время болезненный вид, и он мне жаловался, что его донимает

малярия. Я видел, как часто его худое лицо и руки, когда он сидел передо мной на тахте с разостланным ковром, покрывались испариной пота. Поэтому поневоле приходилось часто делать перерывы в работе. Во время отдыха он пил много чая. «У меня всё нутро горит», – говорил он и отказывался от какого-либо другого угощения. Я и после замечал, что он вообще не был прихотлив в еде. Попивая чай исключительно в прикуску и плавно жестикулируя рукой, он говорил каким-то тоже плавным тоном, словно декламировал стихи.

Подготовительный этюд к задуманному мной большому портрету ашуга был закончен. Вслед за этим Сулейман, Эффенди Капиев и другие писатели уехали в Москву, а я на свежую память начал писать самый портрет. Я уже знал из газет и радио о большом успехе Стальского на съезде писателей в Москве, о его знаменательной встрече с А. М. Горьким.

Встречался я с Сулейманом также, когда он вернулся со съезда животноводов, на котором он выступал в Кремле. «Ну, как ездило, Сулейман-даи?» – спросил я.

Портрет Сулеймана, сидящего на фоне ковра, я написал в двух вариантах, один из них находился в Москве, другой – в Дагмузее. Портрет был отпечатан многокрасочной репродукцией в книге стихов Стальского, изданной Гослитиздатом. Я написал еще несколько портретов Стальского и другие работы, посвященные ему.

Должен, однако, сказать, что Сулейман, Как правило, не любил позировать художникам и скульпторам, про фотографов он просто говорил, что они изводят его слишком часто. Неохоту его к позированию я могу объяснить тем, что, имея хрупкое здоровье, он, видимо, тяготился утомлением, вызываемым долгим сидением.

Видел я Сулеймана, когда он после долгого лежания в Кремлевской больнице приехал в Махачкалу с орденом Ленина на груди. Торжественная встреча на вокзале. Как взволнован был старик в эти дни!

Летом 1936 года мы вместе с писателем Эффенди Капиевым и Н. Славянский, путешествуя по Табасарании, попали в Касумкент и заехали к Сулейману в Ашага-Стал. Рядом с его старым домиком возвышался строящийся правительством Дагестана для него новый дом. В своей маленькой сакле, окруженной столь же маленьким садиком, Сулейман принял нас радушно, как старых своих друзей. Во время разговора за чаем он вспоминал своего большого друга Максима Горького и часто жаловался на какую-то особенную головную боль.

«Хай, хай, хай! – повторял он, прижимая ладонь к темени, – что творится в моей голове». В последний раз видел я Сулеймана и в последний раз рисовал с него в ноябре 1937 года, но при каких обстоятельствах – он был в гробу!

Весть о его смерти облетела всех. Тело великого ашуга Дагестана было выставлено в зале Верховного Совета для последнего прощания трудящихся с покойным.

Мусаиб Стальский

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

... Говорят, мелочи определяют характер человека. Вот именно об этих отдельных моментах его жизни и я хочу рассказать читателям.

Всю свою жизнь отец оставался неграмотным и считал это величайшим своим несчастьем.

– Поэтому надо много знать, много учиться, – говорил он. – Вот если бы я был ученый и мог бы сам писать... И не заканчивая вслух свои мысли, отец тяжело вздыхал.

Главной его заботой было, чтобы мы, сыновья его, не остались неучами. В этом он проявлял исключительную настойчивость. Когда в 1926 году в нашем ауле Ашага-Стал открыли школу, отец настоял, чтобы я немедленно туда поступил, и в дальнейшем внимательно и даже как-то придирчиво следил за моей учебой.

Когда я уже учился в Дербентском педагогическом училище и приезжал на Октябрьские торжества или Первомайские дни домой, отец очень радовался моему приезду, но никогда не позволял мне оставаться дома хотя бы на один лишний день.

– Это вредно для твоих занятий, – говорил он.

Был и такой случай. В 1935 году, в конце августа, отец серьезно заболел, его привезли в Махачкалу и поместили в центральную больницу. По сложившимся семейным обстоятельствам я вынужден был задержаться дома и не мог своевременно выехать в Дербент к началу учебного года. Только 3 сентября мне удалось приехать в Махачкалу. Первым делом я отправился навестить отца. Встретил он меня очень сурово. И на вопрос, как его здоровье, сердито ответил:

– Мне не тяжело, что я болен, тяжело, что ты из-за своего приезда сюда пропускаешь уроки. Сегодня уже 3 сентября, а начало занятий

у вас в училище 1 сентября.

Проявляя большую заботу о моем общем образовании, отец в то же время старался развить во мне поэтические способности. Делал он это довольно своеобразно. Часто во время каникул, когда я в саду под его диктовку записывал новые песни, отец, продиктовав три строчки, неожиданно замолкал, лукаво посматривая на меня, и предлагал:

– А теперь последнюю строчку этого стиха подбери сам, но так, чтобы и рифма была и смысл не нарушался.

Если мне удавалось исполнить это задание, с точки зрения отца, удачно, радости его не было границ.

Редко можно встретить человека настолько бескорыстного, каким был отец. В 1934 году он поехал на Первый Всесоюзный съезд писателей. Встретился там с Максимом Горьким. Взволнованно, с помощью переводчика побеседовал с великим буревестником пролетарской революции и как величайшую драгоценность принял от великого писателя маленький подарок на память.

Вслед за этим отцу предложили пойти в один из крупнейших магазинов Москвы. Причем посоветовали не стесняться и выбрать там все, что он захочет. Расходы будут приняты на счет государства. Отец пошел. Он долго осматривал магазин, где в изобилии находились самые разнообразные вещи: дорогие костюмы, пальто, обувь, мануфактура и т. д. После долгих колебаний отец робко попросил дать ему для домашних надобностей несколько метров материала в красную полоску, из которого делают матрацы. На этом все закупки за счет государства и закончились. Как его ни уговаривали, он больше ничего не взял.

После первой болезни отца его по настоянию врача решили отправить на курорт в Кисловодск. Старика это искренне огорчило.

– У меня есть свой отличный курорт, – возражал он, – мой аул Ашага-Стал. Нигде нет таких садов, тени и солнечных дней и свежего воздуха, как в моем ауле.

Однако подчиняться решению врачебной комиссии все-таки пришлось. Отец вернулся с курорта значительно окрепшим, бодрым,

с восхищением рассказывал об образцовой постановке курортного дела, о внимательном, чутком отношении медицинского персонала к больным и закончил свой рассказ несколько неожиданно.

– Хотя там и хорошо было, но дома лучше. Я скучал, очень скучал по своей семье, землякам и родному аулу.

В дальнейшем никто не мог уговорить отца снова поехать на курорт. В каждом таком случае он отрицательно качал головой и в свое оправдание говорил:

– Мне много надо сочинить песен о новой жизни, о солнечной Родине, а слагать эти песни я смогу только, когда кругом тихо и когда нахожусь в кругу своей семьи, в своем зеленом тенистом саду.

Гостеприимство и отзывчивость отца вошли в поговорку в Ашага-Стале. Он радовался как ребенок, когда к нему в дом приходили гости. Тотчас же появлялся самовар, лучшие кушанья, дорогие папиросы, которые отец хранил специально для гостей. Возникла долгая, содержательная беседа. Односельчане так же, как и вся наша семья, безгранично любили слушать рассказы старика. Говорил он очень образно. Если в беседе заходила речь о некоторых, еще не вполне изжитых, варварских обычаях гор в частности о кровной мести, отец обычно советовал

– То, что себе горько, не надо делать другому.

Когда ему сообщили, что в одном из селений объявился юный поэт, который громогласно заявил, что считает свое творчество выше и лучше Сулеймана Стальского, отец несколько не обиделся. Со своей обычной доброй улыбкой он сказал:

– Пока у цыпленка не отросли крылья, ему не надо прыгать на насест. Может упасть.

Надолго сохранились в памяти тихие вечера в ауле Ашага-Стал. Вся семья в сборе. Отец берет свой чунгур, садится и звучным голосом поет свои песни о солнечной радостной жизни в стране. Хорошо исполнял он и песни других ашугов о цветущей Стране гор. Окончив песню, отец обычно начинал рассказывать старые предания, сказки, легенды; знал он их бесчисленное множество.

Отец очень любил семью и всегда стремился поддержать в ней полный мир и согласие, а главное – единство. Когда жена одного из

его сыновей заговорила было об отделении её с мужем из общего хозяйства, отец строго сказал:

– Мы все видим, что настоящая жизнь есть только в колхозе, единоличнику жить плохо. Не надо и вам быть единоличниками в семье.

Отец безгранично любил своих односельчан. Ему были близки все их интересы и нужды. Он часто ходил в гости к соседям и друзьям, и в трудную минуту нельзя было найти более чуткого и заботливого друга, чем старый Сулейман.

Отец считал, что если государство заботится о всех трудящихся, то и каждый трудящийся обязан также чутко заботиться о своих товарищах. А поэтому, когда была возможность, он всегда оказывал своим соседям и друзьям необходимую материальную помощь и очень сердился, если ему пробовали возвращать этот долг обратно.

Так он помог своему заболевшему другу Шихбабе Байрамбекову и многим другим односельчанам.

Подписка на заем, отчисления в пользу борцов за независимость испанского народа – все это находило горячий отклик в сердце отца.

Уже тяжелой больной, не имея возможности пойти на колхозный митинг, посвященный помощи испанскому народу, отец достал деньги, передал их мне и слабым голосом попросил:

– Пойди на митинг и передай там от меня эти деньги нашим братьям.

РАССКАЗ ОБ ОТЦЕ⁶⁷

За год, прошедший со дня смерти народного ашуга Дагестана, в газетах, журналах, в сборниках переводов стихов и песен о Сулеймане Стальском было написано немало. Я внимательно читал статьи и воспоминания товарищей и не всегда узнавал отца, как не узнавал порой по переводам и его произведений. Сулейман был проще, чем пишут о нём, мудрей и говорил он проще, чем передают его речь. Фразы отца были короткими, яркими и крепко били в цель. В стихах отца меня поражала та же удивительная простота. Потому-то, видно, песни его получались так красивы, звучны, легко запоминающиеся.

⁶⁷ По записи А. Ф. Назаревича.

Потому их и любит народ.

Алексей Максимович Горький не случайно назвал Сулеймана Гомером XX века. Я всегда восхищался умом отца, его изумительной памятью. И в бытность личным секретарем, и до этого, как только я окончил пятилетку, мне приходилось записывать немало песен отца, наблюдать, как они создавались.

Быстро, легко, хорошо творил Сулейман.

Бывало почтой доставят письмо. Пишут, что близится большой праздник, – хорошо бы получить поэтическую весточку из Ашага-Стала. Я кончаю читать письмо, отец на мгновение задумывается. Знакомым движением он поднимает ладонь, подносит большой палец к усам, указательный – к чуть нахмуренному лбу и слегка покачивает головой. С понятным любопытством я начинаю наблюдать сложный творческий процесс, а отец уже встряхивает головой: бери, говорит, бумагу, Мусаиб!

Я записываю, а отец ни разу не просит повторить. Его записи – в мозгу. Он наизусть помнит то, что сложил десятки лет назад.

Не прибегал Сулейман к помощи записи и тогда, когда обращались к нему редактора... Вот звонят по телефону из Касумкента.

– Сулейман, Сулейман, – слышится голос из редакции районной газеты. – Мы хотим одну твою песню печатать. Только вот в рукописи не разобрали... Прочитай несколько строк.

– Записывайте, – говорит, не задумываясь, Сулейман

– Воронье у гнезда орлов,
Злобно каркая, вышло на лов...
Их развеет орлиный клюв!
Чтоб отрезать пути врагов.

Ему не надо напоминать, из какой песни строфа, кто записывал, когда. По отрывочной фразе, по одной-двум строкам он знает, из какого это стихотворения.

Удивительная память была у старика! Когда нам поручили записать произведения великого поэта, он легко продиктовал все пять тысяч строк своих стихов, включая созданные до революции. И не помню я случая, чтобы отец сбился, забыл хотя бы одно слово из своей жемчужной сокровищницы. Творческий процесс происходил у Сулеймана свободно, радостно, видимо, с большим внутренним подъемом.

Со стороны часто казалось, что Сулейман свои песни слагал буквально мгновенно.

Это не совсем верно. Окончательному формированию стиха у Стальского всегда предшествовала большая, напряженная работа. Он вдумчиво как бы взвешивал каждый образ, любовно отбирал каждое слово.

Работу над словом Сулейман ценил. Наши односельчане с гордой улыбкой вспоминают, например, как их земляк однажды проучил бахвального, самодовольного молодого поэта из аула Икра...

Заносчивый икринец зубоскалил: «Разве Сулейман настоящий поэт? Он ведь языка лезгинского как следует не знает...».

Но вот как-то в Касумкенте, на людном месте, Сулейман случайно встретился с икринцем. Их познакомили.

– Юноша, это ты меня так чернил? Ну, а ты сам родной язык хорошо знаешь?

– Хорошо, конечно...

– Ну, так помоги мне, старику, – скажи, какая разница между словами: *ширин*, *кюгюн* и *верци*?

Молодой «знаток» лезгинского языка запнулся, начал бормотать что-то невнятное и, сопровождаемый веселым смехом горцев, поспешил укрыться в ближайшем закоулке. Самовлюбленный невежда, видно, и сам не ожидал, что он не знает самых простых вещей – не понимает оттенков и значения синонимов одного и того же слова: *сладкий*, *медвяный*, *сахарный*...

Не таких ли пустых хвастунишек имел в виду Сулейман, когда в одном из своих сатирических стихотворений говорил:

Хоть многих речь моя и злит,
Об этом всяк у нас твердит:
Кто садоводом себя мнит, –
В плодах тот вряд ли понимает.

Обескураженному неудачнику из аула Икра остается утешать себя тем что в области фольклора, литературы, родного языка Сулейман мог загнать в тупик не только начинающего литератора, но и любого, окончившего вуз лезгиноведа. Не один редактор, работая над стихами Стальского, диву давался: откуда столько умел находить ашуг в лезгинском языке какое-нибудь неожиданное словцо – старое, уже, было, забытое народом, но по-новому сейчас освещенное по-

этом, ставшее живым, ярким и метким.

Так было потому, что Стальский за свою, полную упорного труда и исканий жизнь, благодаря своей феноменальной памяти, сумел обогатить свой ум всем многообразием родного фольклора и услышанными им от разных людей классическими образцами тюркской и иранской поэзии.

Сулейман любил вспоминать какую-нибудь старую песню. Кончит её, бывало, и не знаешь, кто автор: нет в конце традиционного обращения поэта к самому себе, этой своеобразной подписи автора.

Спросишь: что это за песня, буба?

Отец разъяснит: так я и узнал, что есть дивная персидская поэма о Лейле и Меджнуне, узнал тюркских поэтов, услышал прекрасные стихи лезгина Етима Эмина, которого так почитал Сулейман, познакомился с таким моим современником, как Тагир из аула Хурюг.

Прекрасно знал Сулейман лезгинский фольклор. В его памяти сохранились буквально тысячи мудрых пословиц и поговорок, звучных народных песен, волшебных сказок. Лучшие образцы фольклора, его образы и меткие слова Стальский мастерски вкрапывал в своё творчество, а, в свою очередь, оно, утверждаясь в народе, само становилось достоянием фольклора.

Ашагастальцы помнят своего Сулеймана, как человека быстрого ума, живого, общительного. К нему любили ходить. С ним приятно было говорить. Его уважали как мудрого наставника в жизни.

Вспоминается наш сад, что раскинулся через дорогу у въезда в аул. Сулейман любил создавать здесь свои песни. Выйдет с палкой из дому, идет к любимому дереву и здесь, в уединении, сидя на кучке сухой травы, подолгу думая, шепчет, что-то творит.

Этот уголок в саду был по существу своего рода аульским литературным клубом. Отсюда видна дорога и проходящие по ней люди. Иных поэт зазывал, затем подходили другие, беседовали о колхозных делах, о новостях в газетах, слушали новые песни ашуга.

Все себя чувствовали непринужденно, часто от души смеялись – Сулейман любил шутку, был находчив, остроумен.

Старики рассказывают, что в прежние, дореволюционные времена бичующее, едкое, насмешливое слово Сулеймана немало неприятных минут доставляло кюринским богатеям, чиновникам-взяточникам, судьям, муллам, старшинам. Стальский их беспощадно высмеивал, и его сатирические стихи, повторяемые народом, били больно, как хлыст. К таким произведениям надо отнести широко из-

вестные стихи «Судьи», «Самовар», а особенно не опубликовавшиеся еще в русском переводе сатиры: «Осёл, ходящий на двух ногах», «Кукуруза», «Тейижиз» и другие, в которых Сулейман высмеивает чванливую, пустоголовую дореволюционную аульскую знать, клеймит жулика муллу Рамазана из Векиляра, наживавшегося в год голода на гнилой кукурузе.

Настоящую войну, рассказывают старики, вёл Сулейман с кулацким поэтом Курбаном Хпеджским. Этот певец феодальных властителей и царских сатрапов ненавидел бедняцкого ашуга. Было это еще в довоенные годы. Встретит Курбан Сулеймана где-нибудь на базаре в Касумкенте и вдруг кричит:

– Эй, курящий трубку тип, ад такого поглотит!

Злобный Курбан, видно, загодя готовился к таким встречам, писал и переписывал вновь убийственные, как ему казалось, строчки стихов, вроде приведенных.

Сулейман умел молниеносно парировать такие выпады. Не успеет рано торжествующий Хпеджский закончить своё очередное двустишие, как уже звучит насмешливый ответ ашуга:

– Эй, дубина, эй, сосед! Где прочел ты этот бред?

Народ хохочет, Хпеджский в ярости трясет головою, а Сулейман уже не замечает его и удаляется по своим делам. Так всегда встречи-поединки с кулацким подпевалой неизменно кончались победой Стальского.

И долгие годы помнил потом и повторял народ едкие сулеймановские эпиграммы на угнетателей народа. На самом себе испытал Сулейман всю тяжесть эксплуатации капиталистов, беков, ханов, кулаков, мулл, муки подневольного рабочего труда в старом нобелевском Баку, в своем ауле, в садах дербентских купцов-виноделов, в Закаспии.

И потому-то так приветствовал он Советскую власть, партию большевиков, которая подняла народ к богатой и счастливой жизни.

Стальский как бы помолодел. Он сам подчеркивает это в своих новых песнях. Он жадно впитывает в себя все новое и интересуется буквально всем.

Вот он у себя дома. Получили газеты – Сулейман сейчас же просит прочитать ему их, по несколько раз переспрашивает: еще чего нового нет ли? В соседней комнате зашипел репродуктор – начинается радиопередача на лезгинском языке. Старик подхватывает маленькую подушку. Усаживается поближе к приемнику. Поэт живет жизнью

всей обширной Советской страны.

Вот Сулейман вышел в аул. Пригревает солнышко, цветут сады, старый художник восторженно впитывает в себя краски, звуки и ароматы чудесной горной весны. Это время года, месяц май, он любит, кажется, больше всех земных радостей. Он сам признает это в лирической песне, сложенной в 1937 году, в последнюю весну своей жизни. Обращаясь к весне, Сулейман весело трогает струны чунгура и поет:

Ты зиму, точно вражьи стаи,
Согнала как-то невзначай.
Я радость вешних дней встречаю,
И лучших месяцев, чем май,
На память мне нейдет, весна!

Весна приносит Сулейману много забот. Это – горячая колхозная пора, а поэт душой болеет за свой колхоз. Стальский был прекрасным огородником, и бессменный колхозный бригадир. Сафикулиев частенько ходил к нему за советом. И сам Сулейман не раз захаживал в колхозные огороды, охотно работал там. Любил он это дело и был в нём таким же мастером, как и в литературе.

Впрочем, в последнюю весну и лето старику уже не довелось много работать в саду и огородах – часто болел он, ослаб. С горечью говорил:

– Старость похожа на одинокий орешек, сохранившийся на дереве до поздней осени. При малейшем дуновении он качается и готов вот-вот упасть на землю, разбиться.

Эти нотки грусти скоропереходящи. Прирожденный оптимист сейчас же скрывает их шуткой. Несмотря на болезнь и седые годы, он держится бодро. Великий труженик до последних своих дней продолжал большую творческую работу. Вместе с тем, он в дни 20-летия Октября совершил утомительное для него путешествие в Махачкалу, готовился к большой кампании по выборам в Верховный Совет.

Народ выдвинул его, своего любимого поэта, кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Вечером 22 ноября он пытался превозмочь недомогание – ходил по комнате, смотрел в зеркало, улыбался:

– А я поправляюсь, не правда ли? Мне стало лучше... Поеду, старушка, в Москву...

А утром Сулеймана не стало.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. СТАЛЬСКОГО

Однажды Сулейман Стальский просил Эффенди Капиева

– Вот вы, грамотные люди, все верхом, а я пешком, и не трудно догнать вас и время. Посадите меня! Не надо ждать, сдерживая коней, пока я догоню вас, опираясь на палку, — я стар, недолго мне сопутствовать вам, — пристройте меня, юноши, рядом с собой в седле и правьте дальше.

Эффенди Капиев, воспроизводя эти слова старого поэта трибуны Всесоюзного совещания фольклористов в 1940 гг, сказал:

– Стало быть, неграмотный певец был не так уж ост, он был подлинным творцом и понимал больше, чем иные наши кандидаты филологических наук.

Как знаток «ценности, назначения и трудностей искусства» раскрылся Сулейман Стальский перед русским поэтом Владимиром Луговским в его приезд к ашугу в 1933 году. Он писал, что в «молчаливом, внимательном кругу» приехавшие из Москвы П. Павленко, Н. Тихонов и он лезгинским поэтом «беседовали о поэзии». «Старый ашуг глубоко и тонко судит о ценности, назначении и трудностях искусства. Беседуя с ним, мы затрагивали очень сложные и трудные вопросы нашего ремесла, и каждый раз ответ Сулеймана был прост, образен, глубоко правдив».

Мысли Сулеймана Стальского о назначении и специфике искусства слова, о поэте и его времени, о взаимоотношениях поэта и народа, об индивидуально-творческом лице большей частью содержатся в речах и выступлениях поэта, в письме к М. Горькому, стихотворениях, особенно в их заключительных четверостишиях, в стихотворении «Молодым поэтам», представляющем собой своего рода поэтическое кредо ашуга, в «Рассказе Сулеймана о себе». Литературно-критические высказывания Стальского отражены и в многочисленных статьях советских писателей, журналистов, деятелей искусств, которые посещали поэта в его родном ауле Ашага-Стале и имели с ним беседы. В таких свидетельствах в первую очередь следует выделить уже цитированные доклад Эффенди Капиева «Моя работа с Сулейманом Стальским» и статью Луговского к первому сборнику стихов и песен великого ашуга, затем статьи: П. Павленко «В гостях у Сулеймана», Х. Аскара-Сарыджи «Скульптурный бюст поэта», А. Родника «В гостях у Сулеймана Стальского», С. Липкина «Бессмерт-

ный ашуг» и Мусаиба Стальского «Воспоминания об отце».

Эстетические взгляды Стальского представляют большой научный интерес. Поэт к ним пришел самостоятельно, читая только одну книгу, как он сам признавался, – «книгу жизни», и они поражают тонкостью понимания специфики литературы и большой близостью к основным принципам марксистско-ленинской эстетики.

Для Сулеймана Стальского поэтическое искусство было мощным средством идейного воздействия на массы, а поэт – страстным выразителем народных дум и чаяний. Эта? Его взгляд поддерживался не только на словах, но и всей поэтической деятельностью ашуга. «Сулейман был не просто ашугом, слагателем песен, – писал П. Павленко, – он был учителем жизни, политиком и вожаком». По признанию П. Павленко, поэзия являлась для Сулеймана «лишь формой учительства, манерой изложения жизненной мудрости».

Поэзия – это орудие воспитания человека, пробуждения в нем добрых качеств. Это одна из наиболее часто повторяющихся в стихах поэта мысль об общественном назначении поэтического слова. «Эй, Сулейман, сзывай, кричи, спеши разбудить спящих!» («После смерти Ленина»); «Сулейман, потрудись-ка ты, глупцов вразумить пора» («Мельник»); «Стал Сулейман – на то все силы, чтоб людям освещать путь» («Колхоз»); «Сулейман, раскинь умом, просвещай каждого соседа» («Все на уборку»); «О, скольких глупцов просвещаешь ты, скольких намеком вразумляешь ты» («От глупости лекарства нет»).

Сулейман Стальский не раз повторял, что поэзия признана учить уму-разуму, пробуждать в людях светлые чувства и любовь к жизни, бодрость духа. Молодым поэтам он советует:

Того, кто молод и кто сед,
Стихом увлечь необходимо.

Поэт, живя в обществе, не может быть свободен от боли, гнева общества. «Ему, против его воли, будет тревожно от плохого и радостно от хорошего, а скрыть от мира, сохранить для себя свою песню ему не удастся,» – говорил Сулейман.

Уже в первых политических сатирах, относящихся к дореволюционной поре, Сулейман Стальский усматривает в поэзии орудие борьбы против гнета и произвола «властелинов мира». Четверостишия из стихотворения «Двуногий осел», в котором меткими эпитетами высказана суровая правда времени, он сравнивает с камнями. В

традиционной форме обращения лирического героя к поэту он сам поражается силе воздействия своего стиха, предостерегая себя от возмездия за эту суровую правду.

Эй, Сулейман, чтобы очнулся,
В кого ты эти камни швыряешь?
Смотри, бока тебе намнут,
Ничего в них от песни нет.

Сулейман Стальский считает, что поэзия, как средство участия поэта в политической жизни народа, дается не каждому. Политический поэт должен всем сердцем воспринимать «страдания и муки» нищеты, в его сердце должны острой болью отдаваться картины народного бедствия. «Ведь это не силой, это не хитростью и не деньгами, а человек от сердца поёт».

Петь от сердца! Это, как выражается Сулейман Стальский, удел людей впечатлительных, неравнодушных. «Нас одержимыми зовут», – говорит он, имея в виду беспокойство, классовую тенденциозность поэта и его творчества. «Но поэт, если только он не трус, молчать не может».

Свои мысли о назначении советской поэзии Сулейман Стальский впервые высказал в стихотворениях, пропетых на Первом съезде писателей Дагестанской АССР в июне 1934 года. Поэт советует дагестанским ашугам, поэтам и писателям следовать заветам Ленина, говорит: «В дело социализма внести вклад свой большой, – хорошо», «уничтожить старые привычки», воспитывать людей по-новому, «этой цели служить – хорошо».

Как настоящий певец социализма, Сулейман Стальский считал, что в советских условиях очень важно активное участие поэтов в политической жизни страны. 18 ноября 1937 года он обратился ко всем поэтам, ашугам и писателям Дагестана. Страна готовилась к первым выборам в Верховный Совет СССР, которые проводились на основе новой Конституции. «Наша Родина, – говорил поэт в обращении, – переживает сейчас незабываемые дни. В такие дни ни один честный гражданин не должен стоять в стороне от великих событий. Все должны активно участвовать в кампании по выборам в Верховный Совет СССР». Поэт считает «долгом перед социалистической Родиной», «первейшей, обязанностью» поэтов, ашугов и писателей – «сложить хорошие песни, написать яркие очерки и стихи о выдвину-

тых кандидатах». Заявив, что наши потомки с огромным интересом будут изучать документы о всенародных выборах высшего органа власти, Сулейман Стальский решил первым вступить в социалистическое соревнование за то, чтобы ярко и вдохновенно воспеть завоевания социалистической революции. «Я начну первым, а вы подхватывайте, поддержите мой голос, чтобы он не остался одиноким».

Поражают мысли Сулеймана Стальского о задачах поэзии в борьбе против пережитков прошлого.

Этими мыслями, в частности, пронизано его письмо к М. Горькому: «Дагестан состоит из скал и ущелий, из гор и рек. Очень много бед приходилось преодолевать в этих горах партии и героическим партизанам в гражданскую войну. Но не меньше приходится преодолевать ухабов и хаоса и сегодня. Такие же скалы и ущелья, – говорит поэт поэтическими образами, – такие же горы и реки приходится переваливать в человеческих сердцах и в человеческом сознании...»

Сулейман Стальский еще тогда выдвинул положение о том, что основной формой преодоления пережитков прошлого средствами литературы является яркий, образный рассказ о том, что несет социализм в жизнь освобожденных народов. Воспитывать людей положительным примером, пробуждать у широких масс чувства активной любви и деятельной преданности делу социализма – вот главное. Сулейман осуждает собратьев по оружию, успевших привыкнуть к чудесам, которые «творятся вокруг них», утверждает, что на новую жизнь надо смотреть «свежим глазом». Поэт, имеющий зоркий глаз, непременно увидит, что «Страна гор» становится «страной веселых садов, жизнерадостных колхозов и умных, здоровых юношей». И дальше: «Я думаю, очень интересно было бы рассказать о том, как получают в наши дни, в нашей стране слепые – зрение, глухие – слух, голые – шубы, забытые – коней, мерзнущие – солнце, старики – молодость. Это у нас получается на каждом шагу...». Поэту было обидно, что к этим чудесам многие местные поэты «привыкли», «этому не удивляются, это забывается». Со своей стороны он, шестидесятилетний старик, торжественно признавался, не в силах сдержать чувства преданности Родине: «Наша страна крепка, молода, здорова, жизнерадостна и могуча. Этим восхищаться я не перестану никогда». А в другой речи заявил: «Я обязан и даю слово, не жалея ни здоровья, ни сил и остатка всей жизни, посвятить себя целиком служению своей великой, счастливой Родине».

Из взглядов Сулеймана Стальского об общественном назначении

литературы вытекало и его образное сравнение себя с оружием, которое остро отточено Советской властью. «Я, – говорил он, – подобен зарытому в землю заржавленному оружию, которое Коммунистическая партия и Советская власть раскопали, придали блеск и остро отточили».

В 1933 году в беседе с московскими писателями Сулейман Стальский, по словам В. Луговского, так определил свое отношение к обязанностям советского поэта: «Поэт должен нести своему народу лучшее, что есть в нем самом, лучшее, что есть в самих хороших людях».

Для классической поэзии народов Востока было традицией создание поэтических произведений по заказу. Все поэмы азербайджанского поэта Низами, на родине которого, в Гяндже, Сулейман Стальский работал за кусок хлеба, написаны были таким путем. Той же традиции в известной мере следовали и лезгинские поэты, предшественники Стальского – Сайд из Кочхюра, Етим Эмин. Эту традицию воспринял в новых исторических условиях Сулейман Стальский. Одному из журналистов он признавался: «Я радуюсь, когда мне присылают заказ. Какой же я буду мастер, если у меня не будет песен для наших доблестных бойцов? Разумеется, под «заказом» Сулейман Стальский имел в виду заказ времени, «социальный заказ». Поэт воспринимал его с радостью, поскольку те думы и чаяния народа, которые он должен был выразить в песне по «заказу», точь в точь совпадали с его личными мыслями и заботами. Так, им были приняты «заказы» от уллугатагских отходников, уволенных в нобелевском Баку от работы и высмеянных поэтом Гаджи Ахтынским («Ответ Гаджи Ахтынскому»), от бакинских рабочих, которые видели жизнь глубже Сулеймана («Старшина»), от бедного соседа-старика, засуженного за долги убитого кровниками сына («Судьи»). Во всех этих случаях поэт вступался за бедняков, возвышал голос протеста против произвола и лихоимства феодалов, мулл и царских чиновников.

С еще большей радостью воспринимались «заказы» На торжественные стихи, которые давались социалистической действительностью, партией, Советской властью. Особенно усилился приток «заказов» после того, как поэт в 1934 году обрел всесоюзную известность. Весной 1935 года корреспондент «Правды» обращается к Эффенди Капиеву «с просьбой помочь ему получить праздничные стихи Сулеймана». «С того момента, как появились стихи Сулеймана в «Правде», отовсюду, буквально со всех концов страны, поэта стали оса-

ждать десятками телеграмм, писем, заказов, к нему начали стекаться специальные корреспонденты и репортеры. Началось паломничество к Сулейману Стальскому». Страну и народ «интересовало живое, боевое слово поэта, сказанное кстати, отвечающее времени, и согласный с думами передового народа, его горячий отклик», – писал Эффенди Капиев.

Когда заказов становилось много, а поэта больного и старого уже покидали силы, он, все же улыбаясь и торжествуя, сетовал на «заказчиков». «Чего хотят они от меня? Дерево плодоносит единожды в году, а от меня ждут урожая и зимою и летом. Вот и сейчас – на макушке может быть всего два-три последних плода, а вы, как детишки, резвитесь вокруг и кидаете палками, рветесь, к последнему, что осталось в поредевшей листве». Мысль о своем отношении к «социальному заказу» Сулейман Стальский высказывал не раз и в стихотворениях. К примеру, в 1919 году в заключительной строфе «Свободы» она выражена так: если бы жизнь не требовала песен, поэт не слагал бы их. «Сулейман не скажет неуместных слов, не сочинит их, если жизнь не велит».

Поэт всем своим творчеством утверждал принцип современности в литературе. За сорокалетнюю поэтическую деятельность он сложил только три стихотворения, целиком посвященных прошлому («Революции 1905 года»), по заказу газеты, «Когда прошлое вспоминал» и «Погибни старый, мертвый мир». Все остальные стихи и песни у поэта сложены на злобу дня, по горячим следам событий, причем зачастую он был и участником этих событий. «Взять время за уши!» – так образно высказывался Сулейман Стальский в одной из бесед с Эффенди Капиевым, а в другой беседе даже сетовал на то, что грамотные люди, словно верховые, опережают его, а он, неграмотный, идет «пешком» и ему «трудно догнать их и время». Он просит пристроить себя в седле рядом с юношами, как поэт называл молодых профессиональных литераторов Дагестана, и править дальше. Он чувствовал, что «наше время – время верховых», оно бежит несравненно быстрее, чем в дореволюционную пору, и, следовательно, поэт, если он хочет идти в ногу с современностью, обязан ускорить шаг. Воспеть стих, пока горячо событие, воспеть так, чтобы стихотворение ускоряло самое событие, – таков был девиз Стальского.

Сулейман Стальский был поборником идейной насыщенности и динамичности стиха. По его мнению, словесное украшательство заволакивает мысль, а мысль, как золото, должна блистать в стихотво-

рении, сделать его весомым. «Пусть будет мысль в стихах твоих», – поучал он молодого поэта, – «весомым стих обязан быть».

Весьма характерно для Стальского часто повторяющиеся в стихах рассуждения о том, что стих – векил поэта, то есть его представитель, говорящий от имени поэта. Чтобы сохранить свое достоинство перед массой, не терпящей пустых разговоров, поэту свой стих от слов пустых предостеречь необходимо.

Осмыслен, не замысловат,
Стих должен быть предельно сжат.
Пусть все слова в стихе блещут.
Так, – не перечь, – необходимо.

В следующей строфе этого же стихотворения («Молодым поэта́м») Сулейман приходит к мысли о необходимости сжатости изложения почти в некрасовском изречении: «Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно» – «Чтоб мыслей было больше, а слов меньше». В ряде других стихотворений («Нашей партии», «Назидание», «Глупец») утверждается та же мысль. Подобные же изречения от лица лирического героя обращены по традиции к самому поэту: «Сулейман, покороче будь, в длинных речах отрады нет». А в последнем из названных стихотворений, которое, не в пример другим, оказалось несколько растянутым, лирический герой уже упрекает поэта: «О, Сулейман, никто другой, как ты, лезгинские слова растянуть не может».

Интересны высказывания Сулеймана Стальского о народности поэта и поэзии. В основе сулеймановского понимания этой проблемы лежит мысль о том, что поэт для народа является тружеником, приносящим ему пользу. Когда к нему в 1937 году приехал корреспондент «Дагестанской правды», он сказал ему: «Мы все вместе строим нашу замечательную родину. И в этом моя работа ничем не отличается от работы каменщика или плотника». По его мнению, поэт должен служить народу не просто стихами, высказывая в них угодные народу мысли, а выражать думы и чаяния народа с такой силой, чтобы можно было стихом расшевелить, растормошить, увлечь народ. К этой же мысли тесно примыкает уже приводившаяся выше мысль Стальского о том, что поэт должен передавать лучшее, что есть в самом народе, в его лучших представителях. Сулейман Стальский далее убежден, что верность принципу народности является главным условием создания

произведений, которые действительно дойдут до народа и сыграют (роль советчика, воспитателя и оформителя общественного мнения. Эфенди Капиев в статье «Великий ашуг» воспроизвел слова Сулеймана на этот счет: «Надо быть верным своему народу, как своей совестью, и тогда не будут рождаться песни с восковыми ногами, которые тают при первом же солнечном луче, которые, едва перешагнув за порог собственной сакли, умирают, не дойдя до народа».

Приехавшие в 1933 году в Ашага-Стал П. Павленко, Н. Тихонов, В. Луговской были очевидцами огромной популярности великого лезгинского ашуга в глазах его народа именно потому, что он не только пел для него, но пел так, что спетое прочно входило в сознание слушателей, становясь их достоянием. «Я понял, – говорил поэт, – народ знает и любит то, что я создаю». Московским писателям он сказал о своих односельчанах, когда те помогали поэту вспоминать забытую строку: «Вот мои книги. У них в голове записаны все песни, что я сложил, Я даже ошибиться не могу. Они все знают».

То, что народ бережно хранил песни ашуга, дало ему право заявить, что истинная поэзия не нуждается ни в бумаге, ни в печатных машинах. Это означало, что настоящие стихи, волнующие людей, будут, как говорил Михаил Шолохов о стихах Сулеймана Стальского, «жить не умирая» в устной передаче. Им письменный, печатный, по словам поэта, «бумажный», «почтальонный» путь не нужен.

Находясь во власти стихии и законов устной поэзии с её непосредственностью общения поэта и народа, Сулейман Стальский отвергал не только печатный путь бытования, но и письменный путь проявления поэтических произведений. Для его понимания поэзии характерна устная импровизация, создание стиха в живом общении с людьми, в гуще быстротекущих событий. Он полагал, что «написать все можно», но, чтобы родилась настоящая песня, необходимо прежде всего, чтобы горело, рвалось сердце: «Я, когда хочу сложить песню, все бросаю. Если работал на поле – оставлю дело, берусь за песню. Тут сразу кричу соседям: идите, слушайте, вышла песня!»

Сулейман Стальский высказывался за народность не только в содержании, но и в поэтической форме произведений. По его мнению, стихи и песни должны быть понятны и доступны людям от мала до велика. «Стих надо создавать так, чтобы он доходил до сердец всех крестьян», – говорит он в стихотворении «Молодым поэтам».

В речи на совещании передовиков животноводства с руководителями партии и правительства Сулейман Стальский очень тонко вы-

сказал мысль о том, что стиль, образ, поэтическое слово должны отвечать идее и теме произведения. Он восторгается тем, что прежде не было так просторно, не было такого ослепительного неба и такой теплоты человеческих рук, человеческих лиц. «У меня нет слов, чтобы выразить это потому, что наш язык беден, и потому, что для такого небывалого чувства нужно новое небывалое слово». По чувству – слово, по содержанию – форма, по теме – стиль – таково направление мысли поэта, который в том же назидании поэтической молодежи говорил: «Стихи под стать событию – вот так слагать необходимо».

Русский переводчик С. Липкин, когда он приезжал к поэту в 1936 и 1937 годах переводить поэму «Дагестан», вел с ашугом беседы об изобразительных средствах, ритме и рифме в поэзии. Переводчику надо было знать мысли поэта, чтобы верно воссоздать на русском языке поэму. Так родилась статья С. Липкина «Бессмертный ашуг». В ней воспроизведены высказывания Стальского о том, что слова надо рифмовать по смыслу, без этого строфа распадется и мысль автора не будет выражена. Вот это высказывание: «Думают ли поэты над тем, что слова нужно рифмовать по смыслу? Глупо рифмовать муха и брюхо, Муха – маленькая, всегда летит, брюхо – «большое и неподвижное».

Ашуг требовал соответствия словаря стихотворения его теме. Недопустимо использование в одном и том же произведении слов высокого и низкого стиля, слов разных интонаций и настроений. Стихотворение должно быть выдержано в конкретной лексической системе. Того же он требовал и от переводчиков. Одному из них он сказал: «Мои песни – это белоснежное, выхоленное овечье стадо. Зачем же ты пустил в него грязную свинью с щипами вместо руна?» «Грязная свинья» – это слово, чуждое поэтическому арсеналу ашуга, оно расстраивает цельность, лексическую, словесно-фонетическую и звуковую гармонию стиха.

Сулейман Стальский считал обязательным, чтобы каждый поэт имел свою походку, свое индивидуальное лицо. Поэты отличаются не тем, что высказывают разные мысли, а тем, что одни и те же мысли высказывает каждый по-своему образно, интересно. Надо не о поэзии судить по поэту, а о поэте по его поэзии. Одному из писателей, гостивших у него, он сказал: «Но у каждого свой сад, в котором живет свой соловей». Эта же мысль повторялась в назидании – «Молодым поэтам»: «Каждому поэту факел свой, чтоб светил, – зажечь необходимо».

Краеугольное положение марксистско-ленинской эстетики о принципах партийности литературы и искусства, и их связи с жизнью народа, как и сама эта эстетика, не были знакомы Сулейману Стальскому. Но он, верный своему народу художник, с самого начала творчества определившийся как политический поэт, стихийно, инстинктом поэта-гражданина, подлинного народного певца, своеобразно приходит к признанию этих принципов. О партийности поэзии он говорил: «Нужно работать с совестью и честью большевика, ибо нет и не может быть иных радостей у человека, кроме тех, за которые борется партия, борется рабочий класс. Это давно пора понять. Это давно пора понять, товарищи!» О том, как важна связь поэта с жизнью народа, Стальский говорил в беседе с Капиевым: «Все острое – коса, топор, бритва – служит не вечно. Их надо время от времени точить на бруске. Мой брусок – это жизнь. Потому и не ржавею, что постоянно жизнь обтачивает меня. Наше писательское ремесло ведь тоже должно быть острым, как бритва!».

ИСТОКИ

(отрывок из книги Г. Корабельникова
«Сулейман Стальский»)

В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века в Дагестане, в частности у лезгин, взаимоотношения между письменной литературой, устной и народной поэзией приобрели особенно сложный, противоречивый характер. Господствующая идеология ислама в то время подчиняла себе всю сферу жизненных интересов населения Дагестана, как нигде на Кавказе. В дагестанских аулах было довольно многочисленное мусульманское духовенство. По традиции, укоренившейся при Шамиле, но утратившей свое прогрессивное значение, горцы привыкли видеть в лице, облаченном духовным саном, непрекаемого наставника. Но была и другая основная причина, объясняющая, почему в то время духовенство занимало такое место в жизни Дагестана, – причина чисто экономического свойства. Дело в том, что из многих ремесел, которыми славился тогда Дагестан, ремесло мулл и других служителей мусульманского религиозного культа приносило наибольшие выгоды. Оно получило широкое распространение. В числе других ремесленников Дагестан, как замечает один из историков, снабжал весь Восточный Кавказ знатоками арабского языка, чтецами, муталимами, муллами и кадиями.

Требованиями этого ремесла и объясняется тот парадоксальный факт, что в нищем и темном Дагестане было не так уж мало грамотеев, знавших арабский язык. В богословских спорах они вырабатывали навыки для будущей профессии. И прежде всего их нуждам служила та духовная литература на арабском языке, которая дошла в Дагестан в рукописных сборниках, а затем в книгах. Иную литературу, за исключением двух-трех светских романов, духовенство в Дагестан не допускало. Оно пресекало всякую попытку приобщить горцев к русской литературе.

В 1911 году народный учитель из Касумкента Абу-Джафар Мамедов составил первую лезгинскую азбуку. Азбука была написана усларовским⁶⁸ алфавитом с русским начертанием букв. Она была издана Управлением Кавказского учебного округа, но из-за сопротивления мусульманского духовенства широкого распространения не получила.

Абу-Джафаров Мамедов знал русский язык, и на его деятельность, видимо, повлияли просветительские идеи русской литературы. Он был собирателем лезгинского фольклора и одним из первых высоко оценил талантливого земляка – Сулеймана. А-Д. Мамедову мы обязаны записями и первыми русскими подстрочными переводами ранних, в том числе антиклерикальных стихов Стальского, на которые, как гласят предания, муллы наложили запрет. Это произошло в ту пору, когда единственная на весь Дагестан типография на арабском шрифте, находящаяся в Темир-Хан-Шуре, печатала стихи преимущественно духовных поэтов, воспевавших пришествие Махди.

Духовная литература доходила к массам прежде всего в проповедях мулл, но также и через устную поэзию, на которую она оказывала сильное влияние, насыщая ее религиозными образами и настроениями фатализма, искусно подменяя вольнолюбивый дух песен горцев мистическим экстазом...

Магомед Эмин, избравший себе псевдоним Етим (Сирота), был тем ашугом, кто первым стал выводить лезгинскую поэзию из-под узких и мрачных сводов мечети на простор народной жизни. Поэтический голос Етима был свеж, искренен, талантлив, но был еще совсем робок. Его песня «Соловей» – это только призыв к пернатому певцу, отдаваясь поэтическому упоению, не забывая и о земной доле:

⁶⁸ Услар Петр Карлович (1816-1875) – известный лингвист и этнограф, знаток Кавказа. Составил грамматику, хрестоматию и словарь лезгинского языка.

Все б тебе, соловью, с цветами играть
Для тебя, соловья, ручьев благодать.
Ты поешь – каждый звук можно чудом назвать.
Песней мир удивляешь – весел и рад.
Вдохновенье пришло – звенишь стоголос,
Позабыл, что бывает и снег и мороз.
А Эмин – сирота помнит столько слез
(Перевод Н. Ушакова)

«Сват», «Бесхвостый бык» и другие бытовые стихи Етима – скорее жалоба на долю неимущего, чем протест против существующих социальных порядков. В его песне «Мир» фаталистическая мысль о бренности всего земного гасит искру социального возмущения, но в этой песне поэт напоминает и о том, что, как бы там ни было на том свете, наш мир заставляет желать лучшего.

Зачем влечешь меня, о мир!
Нет, не соблазняй, не надо!
Одним страданья ты сулишь,
Другим приносишь ты улады.

Етим Эмин освободил лезгинскую поэзию от мистифицирующей оболочки духовных песнопений. Он приобщил ее к классической поэзии; ею была для Етим Эмина азербайджанская и персидско-таджикская поэзия.

Он ввел в лезгинскую поэзию, следуя в построении стиха газели и рубаятам, реди́ф – форму перемежающимися строчками в последующих строфах и повторяющейся сквозной рифмой в каждой четвертой строке всех строф.

Етим Эмин своими песнями, исполненными глубокого чувства сострадания к простому люду, придал демократическое направление лезгинской поэзии. Но собственное содержание, с определившимися мотивами классового расслоения в ауле, с едкой, разящей тунеядцев сатирой, песни стали приобретать уже в то время, когда жизнь в Дагестане утратила былую патриархальную замкнутость и застойный быт лезгинского аула был взорван теми драматическими конфликтами и ситуациями, которыми сопровождалось втягивание Кавказа в мировое товарное обращение – его колонизация после русско-турецкой войны.

В поисках заработка тысячи лезгин разбрелись во все стороны, но прежде всего они подались в соседний Азербайджан, в Баку, на нефтяные промыслы. Многие из них там осели, превратились в профессиональных рабочих, а другие, проработав сезон-другой, возвращались к себе в аул. Но это уже были люди с иным кругозором, чем их земляки.

Так в лезгинском ауле появилась новая фигура «бывалого человека». Прежде аул поддерживал свои связи с внешним миром через купца, ашуга и паломников в Мекку. Аул видел мир их глазами. Теперь впервые увидел мир глазами мастерового. И это не могло не сказаться в воззрениях на действительность, на привычном отношении к явлениям повседневной жизни, к исконным порядкам в ауле.

Вот таким бывалым человеком, который с пытливым пристальностью мастерового оглянулся на мир, и был Сулейман Стальский. К тому же это был человек с призванием поэта, ашуг не по ремеслу, а по душевному влечению, безусловно одаренный, испытывающий потребность выразить свой социальный опыт в художественном слове. Именно это исторически новое сочетание в одном лице дарования ашуга с кругозором и понятиями выдавшего виды мастерового, вырабатывающего свою точку зрения на жизнь, готового вмешаться в ее ход, – такое сочетание и дало лезгинской литературе поэта нового склада.

Стальский, как многие лезгины, знал тюркский язык, знал и персидский – это помогло ему пройти в своих скитаниях не только жизненную, но и поэтическую школу. В Дербенте, в Самарканде, в Закаспийском крае, в Баку – везде мог слышать живые голоса узбекской, персидской, туркменской, азербайджанской поэзии. Он тонко разбирался в восточной поэзии, об этом свидетельствует Мусаиб Стальский в своем «Рассказе об отце». Мусаиб вспоминал, что отец держал в памяти классические образцы этой поэзии и множество произведений родного фольклора:

«Сулейман любил вспоминать какую-нибудь старую песню. Кончит ее, бывало, и не знаешь, кто автор: нет в конце традиционного обращения поэта к самому себе – этой своеобразной подписи.

Спросишь: «Что за песни, буба?»⁶⁹ – Отец разъяснит. От него я узнал, что существует, оказывается, дивная персидская поэма «Лейли

⁶⁹ Буба – отец.

и Меджнун», узнал азербайджанских поэтов, услышал прекрасные стихи лезгина Етима Эмина, которого так почитал Сулейман...»⁷⁰.

Сулейман Стальский слагал свои стихи в той же поэтической традиции, что и Етим Эмин, но это не означает, что он подражал предшественнику. Газель и рубаяты были уже много веков известны на Востоке. Они стали уже стихотворным шаблоном, следуя которому такие эпигоны, как Эмир Аслан, перенесли в лезгинскую поэзию и давно изжитые мотивы, и целый строй обветшалых образов и опошленных метафор. Напомним только одну строфу из его «Похвалы любимой»:

Ты из плова шахского кишмиш.
С Фирдоуси, как с другом, говоришь.
Горной козочкой ты летишь.
Не заставь рыдать, черноокая!

Знакомство с классическими образцами восточной литературы еще не предохраняло само по себе от поэтической рутины. Оно могло бы и Стальского увести на избитую дорогу, если бы не обладал тем чувством действительности, которое возникло из его трудового опыта, из его пробуждающегося социального сознания.

Оглядываясь на творческий путь Стальского, теперь можно сказать, что идейное направление его стихов родилось не только на почве лезгинского аула. Его питала и могучая стихия революционной борьбы русского народа против царизма, помещиков и капиталистов, в которую, как реки в море, вливались и национально-освободительные движения других народов и национальностей прежней России.

Везде, где побывал Стальский, он повстречался с русскими рабочими и видел, что они повсюду выступают как вожаки и друзья местного рабочего люда. И у себя на Кавказе Стальский наблюдал, с каким сочувствием и поддержкой относились передовые русские люди к национальным чаяниям угнетенных царизмом народов и племен. Вернувшись в аул, он продолжал жить интересами рабочих Баку, среди которых было немало его друзей-земляков. Он их поддерживал, когда те приняли участие в забастовке бакинского пролетариата ...

⁷⁰ Сулейман Стальский. Сборник материалов и документов, с. 103.

Правда, революционные настроения того времени еще не находили в стихах Стальского, содержание которых он брал из повседневного быта аула, широкого размаха и отчетливого поэтического осмысления. Но во всяком именно они образовывали сильное подводное течение его стихов, вырвавшееся наружу, когда с победой народов России над эксплуататорским строем и Дагестан поднялся к осознанному историческому творчеству.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

(из книги Г.Г. Гашарова «История лезгинской литературы»)

В одной из статей А. Агаев и В. Тельпугов, говоря о знакомстве русского читателя с поэзией Сулеймана Стальского, удачно сравнили творчество поэта с айсбергом⁷¹. Действительно, народный поэт Дагестана Сулейман Стальский еще не стал «во весь рост» не только перед русским, но и перед лезгинским читателем.

О Сулеймане Стальском существует обширная литература, но многие вопросы, связанные с его творчеством, все еще не стали объектом специального изучения. К числу малоизученных проблем можно отнести и проблему соотношения фольклора⁷², ашугских традиций и литературы в творчестве поэта, а между тем ее решение дало бы возможность раскрыть народные истоки и индивидуальное начало его поэзии.

В литературоведческой среде о Сулеймане Стальском сложились два мнения, два противоположных взгляда. Одни критики считают Сулеймана Стальского представителем фольклора, другие же относят поэта к литературе⁷³. Ахед Агаев поэзию Сулеймана Стальского считает «фольклорно-литературным явлением. Фольклорным – по внешним традиционным свойствам, литературным – по внутренним признакам и качествам».⁷⁴ Несведущему в литературной науке человеку этот спор покажется схоластичным. Между тем вопрос о художественной специфике творчества Сулеймана Стальского имеет принципиальное значение. Речь идет о его месте в поэзии родного народа и в целом в советской литературе.

Рассмотрение творчества Сулеймана Стальского в рамках фольклора прежде всего было связано с тенденцией отождествления фольклора и литературы, наметившейся в работах 30-х годов отдель-

⁷¹ Агаев А., Тельпугов В. Кладовая солнца //«Литература и жизнь» от 15 декабря 1961 года.

⁷² Глаголь С. Великий ашуг //«Северо-Кавказский большевик» от 26 февраля 1936 года; Соколов. Ю. Великий народный поэт Сулейман Стальский //Советская литература Дагестана. Махачкала, 1948. С. 49 (в дальнейшем СЛД); Фетисов М. Народные певцы советской эпохи. Саранск, 1956.

⁷³ Гаджибеков Г. Народный поэт Советского Дагестана//«Дагестанская правда» от 21 апреля 1936 года; Павленко П. Сулейман Стальский//СЛД. С. 36; Юсуфов Р. Сын эпохи//«Дагестанская правда» от 12 сентября 1969 года; Кельбеханов. Р. Творчество Сулеймана Стальского. Автореферат канд. дисс. Куйбышев, 1970; Корабельников Г. От устья к истоку //«Дружба народов», М., 1974. №1., С. 232 и др.М., 1974, № 1, с. 232 и др.

⁷⁴ Агаев А. Сулейман Стальский. Жизнь и творчество. Махачкала, 1963. С. 201.

ных фольклористов⁷⁵. Ряд авторов, механически следуя этой традиции, и в последующие годы смотрели на Сулеймана Стальского как на певца-сказителя.

Не вызывает сомнения, что творчество Стальского – явление отнюдь не фольклорное. Прав был Э. Капиев, который писал: «Раз и навсегда я хотел бы разрушить обывательскую легенду, созданную вокруг имени Сулеймана Стальского, что якобы он был необыкновенно вдохновенный поэт, ходивший из аула в аул с домброй под мышкой и импровизировавший по всякому поводу прекрасные стихи. Ничего он не импровизировал. Он слагал свои стихи так же медленно и осторожно, как все другие поэты... Стало быть, повторяю, речь идет не о каком-нибудь легендарном певце, а о самом простом обыкновенном поэте – Сулеймане Стальском»⁷⁶. Против интерпретации в духе фольклора творчества Стальского справедливо выступил и Р. Юсуфов. По его словам, «Стальский, как никто другой, работал над стихом... Он – законный наследник, как всякий большой поэт, всей национальной истории, всей художественной культуры – и устной, и письменной...»⁷⁷.

Связь Сулеймана Стальского с фольклором бесспорна, но столь же очевидно его поэтическое новаторство, смелый выход из коллективного творчества даже в самых «фольклорных» произведениях. У поэта своя «сулеймановская» манера видения мира, свой оригинальный поэтический голос, свои собственные приемы изображения действительности, поднимающие его над безымянным творчеством. Попробуем раскрыть это на примерах художественных произведений Сулеймана Стальского.

В критике утвердилось мнение, будто Сулейман Стальский начал слагать стихи уже в зрелом возрасте в начале двадцатого столетия. А между тем новые данные о поэте и ранее неизвестные его стихи, и в наше время продолжающие поступать в руки исследователей, дают возможность пересмотреть сложившийся взгляд на творчество поэта. Заслуживают внимания в этом отношении воспоминания Аль-

⁷⁵ Соколов Ю. Русский фольклор. М., 1938. С. 6, 93; Азадовский М. Литература и фольклор. М., 1938. С. 1998.

⁷⁶ Капиев Э. Моя работа с Сулейманом Стальским//Избранное. М., 1959. С. 628-629.

⁷⁷ Юсуфов Р. Указ. статья.

дера Билалова⁷⁸, Эмираслана Асланова⁷⁹ и Кияса Меджидова,⁸⁰ свидетельствующие о том, что первые творческие опыты Стальского относятся к 80-м годам XIX века. К сожалению, не все стихи тех лет сохранились. В первом из дошедших до нас стихотворений «Городу Дербенту», написанном в традиционно-одическом плане, поэт восхваляет овеванный славой, древний город Дербент, в котором прямые, мощеные улицы, изобилие виноградных плантаций, оживленная торговля. Судя по стихотворению, поэту-юноше многое еще представляется в розовом свете, первое пребывание в городе приводит его в восторг:

*Ухшар я Багьдаддиз шикил,
Ачух жеда гьар са гьугьуьл,
Са пад дагь я, са падни гьуьл...*

Он напоминает с виду Багдад,
Каждому приятен его внешний наряд,
С одной стороны море, с другой – горы в ряд...

Поэт восхищен гостеприимством города, где «бывают люди из Ахтов и Кюры, из Астрахани и Шуры». Глаз неопытного юноши скользит по поверхности увиденного. Его прельщает внешний лоск пестрого «восточного» города: «Дома с балконами, окна, как хрусталь, блестят...видел я многолюдный базар, где всевозможные товары выставлены напоказ»... Однако стихотворение заканчивается на грустной ноте. Поэт понимает, что на всю эту роскошь он может смотреть лишь со стороны;

*Гьич са касдал туш хьи бахил
СтIал Сулейман и саил...
Сулейман из Стала, хоть и нищий,
Никому никогда не завидовал я...*

⁷⁸ Односельчанин поэта учитель А. Билалов сообщает, что 10-13-летним подпаском Сулейман сочинил песню, в которой высмеял злого хозяина, выпоровшего его за то, что он вовремя не пригнал домой телят. См. А г а е в А. Указ. раб. С. 106.

⁷⁹ Асланов Э. знал поэта по совместной работе в Баку, и его воспоминания о поэте хранятся у автора этих строк. В них говорится, что Сулейман сочинял стихи еще в юношеские годы, в качестве примера приводится стихотворение «Городу Дербенту», опубликованное в газете «Коммунист» от 23 ноября 1962 года.

⁸⁰ Народный писатель Дагестана К. Меджидов в бытность его в Ашага-Стале в 1929 году записал у Сулеймана ряд стихов. Некоторые из них «Хажалат» («Тоска»), «Марият» относятся к раннему периоду его творчества. Стихи эти хранятся в архиве писателя.

Ученическим произведением Стальского можно считать и стихотворение «Тоска», относящееся, видимо, к периоду скитальчества. Сложенное под влиянием песен отходников, оно рассказывает о горькой доле крестьянина, который на чужбине в адских условиях добывает себе хлеб насущный:

*Гъурбатда рикI бед, дар я зи,
Незва вуна ам, хажалат.
Фу туьтенлай гьич физвач хьи,
Мани – шел я, чан – хажалат.*

Чужбина сердце мое сжимает в тиски,
А тоска разъедает душу.
Хлеб застревает в горле,
Плач – моя песня, сам я в скорби.

В традиционном плане исполнено выявленное из архива писателя К. Меджидова стихотворение Стальского «Марият». Оно было посвящено девушке, на которой он женился, возвратившись после долгих скитаний в родной аул.

Поскольку до нас дошли не все ранние произведения Сулеймана Стальского, обратимся к стихам поэта, сложенным уже в зрелом возрасте. Разговор начнем с «Соловья», поскольку в литературной критике все еще бытует далеко непрофессиональное мнение о содержании этого стихотворения. В нем, как многим кажется, содержится укор «лесной королеве», которая безучастна к людским горестям. Между тем в «Соловье» Стальский очень тонко и мудро создает образ певца эстета, позабывшего свой род и готового распевать песни в «яблоне густой» у того, кто больше платит и не внемлет крестьянину-бедняку.

Об обстоятельствах и истории создания этой песни сам поэт вспоминал следующее: «Посреди улицы сидели бродячие ашуги с бубнами в руках и пели о соловье, тоскующем по солнцу. Ашугам бросали в подолы серебро и медь. Ашуги были одеты в лохмотья» пели с закрытыми глазами, как будто сквозь сон»⁸¹.

⁸¹ Сулейман Стальский. Сочинения. Махачкала, 1964. С. 384, в дальнейшем тексты на русском языке будут цитироваться по этому изданию.

Сцена эта глубоко взволновала и потрясла Сулеймана Стальского. Ему стало больно, что ашуги растрачивают свой дар за деньги. В этот же день поэт сложил свою собственную песню о соловье и исполнил ее друзьям.

Стихи о соловье, чей образ выступает как символ любви, радости, а порой – печали и скорби, широко распространены в мировой литературе. В песнях этих, где соловей – символ влюбленного, там и роза – символ возлюбленной. Обычно царь певчих птиц – соловей влюблен в розу, и печаль его – это следствие разлуки с царицей цветов – розой.

Образ соловья встречается и в лезгинской народной поэзии, и в литературе. Одна из известных среди лезгин песен о соловье принадлежит Етому Эмину. Как справедливо отмечал М. Гаджиев, «соловей у Эмина – это веселое, беззаботное, всегда радующееся создание, наслаждающееся водой студеных родников. Он не знает ни усталости, ни покоя – он охвачен дыханием любви, он влюблен в цветы. Построенная на этих радостных и добрых мотивах песня Эмина заканчивается нотками печали».⁸² Казалось бы, что можно сказать о повелителе птиц после Эмина. Но Сулейман Стальский сумел выразить свое отношение к царю певчих. Поэт шел по линии переосмысления и обновления традиционной темы, внося в нее черты и свойства, способствующие более глубокому раскрытию собственных мыслей и чувств. Соловей у Эмина, как и в родном фольклоре, – это царь птиц, «сотворенный» для радости и веселья, для любования красотой природы и воспевания муз. Ему нет дела до «горя ж печали людской». У Сулеймана же соловей — не сторонний наблюдатель, созерцающий мир «оком безразличия», а живой свидетель происходящего вокруг. Ашуг с вопросом, в котором выражен глубокий социальный смысл, обращается к царю певчих:

*Заз чир жед вун ятIа къучагъ
Зун акурла жемир къачагъ.
Щи гъикI тир ви дуланажагъ,
Тух яни ваз, гишин, билбил?*⁸³

⁸² Гаджиев М. Народный поэт // Сулейман Стальский. К десятилетию со дня смерти. Махачкала, 1949. С. 56.

⁸³ Сулейман Стальский. Сочинения в двух томах. Махачкала, 1958. Т. I. С. 36.

Постой, куда ты?
Страхи брось!
Поведай, как тебе жилось.

Быть может, голодать пришлось?
Будь откровенным, соловей
(Перевод С. Липкина)

Образ повелителя муз – соловья, с которым по традиции ассоциируется прекрасное в природе, Сулейман Стальский лишает привычного ареола, спускает его «с небес на землю». Другими словами, поэт в самом начале творческой деятельности аллегорический образ соловья использует для выражения своего эстетического кредо: поэт, если он действительно поэт, должен не песнями «слух услаждать», а жить народной жизнью, быть его слугой и заступником, отсюда и заслуженный упрек в адрес беспечного соловья, в образе которого Стальский, вне всякого сомнения, подразумевает поэта.

Вслед за образом соловья, наполненным социальным содержанием, Сулейман Стальский еще в дореволюционном творчестве создает галерею образов: сельских судей, старшин и мусульманских священнослужителей – носителей идей ортодоксального ислама. И здесь поэт, развивая сатирические традиции родного фольклора и литературы, в которых муллы выступают объектом насмешек, создает яркие, запоминающиеся стихи о них.⁸⁴

В лезгинском фольклоре немало произведений, в которых вырисовываются образы жадных, тупых, изворотливых, лицемерных мулл. Так, если в сказках «Твердый на веру мулла», «Умный мальчик» мулла наделен такими чертами, как тупоумие, стяжательство, ненасытность, то в сказках «Лиса и волк», «Мулла и жена купца» служитель религии хитростью и обманом готов идти на любое преступление.

Муллы и в лезгинских пословицах, поговорках предстают как паразиты на теле народа: «Деньгами не только муллу, но и шариат можно купить»; «Муллой может стать каждый, но человеком – куда трудней»; «Мулла у народа, а народ у бога просит» и т. д. Мотивами протеста против мулл пронизаны и фольклорные песни-четверостишия, созданные девушками-горянками, родители которых

⁸⁴ Кстати, с сатирическими стихотворениями, направленными против нерадивых мулл, выступали и современники Сулеймана Стальского Гамзат Цадаса, Манай Алибеков, Абусуфьян Акаев, Азиз Иминагаев и др.

не без участия священнослужителей разлучали их с возлюбленными и отдавали за нелюбимых. Девушки, глубоко опечаленные горькой судьбой, обращались с укорами к бездушным родителям и посылали проклятья жестоким муллам: «Меня с любимым разлучивший, пусть твой богатый дом разрушится, мулла». Трудовой народ проклинал мулл и за то, что у него отбирали последний кусок хлеба:

*Закат къачуз руфуна тваз,
Мад кІани затІ аман, фекъи?
Зи балаяр гишила таз
Ша вун жемир акъван пекъи.*

Собирая «закат», чрево заполняя,
Насытился ли, мулла?
Детей моих оставив голодными,
Не будь таким алчным.

Сулейман Стальский – большой знаток народного творчества⁸⁵, ашугской поэзии и предшествовавшей литературы, несомненно, был знаком и с народными: сказками, песнями и поговорками, направленными против священнослужителей. Это видно из его сатирических стихов «Мулла», «Муллы», «Мулле» и «Двуногий осел», в каждом из которых поэт, опираясь на изобличительные традиции народной поэзии, выводит ярко индивидуализированный образ сельского «святоши», обиравшего народ.

В стихотворении «Муллы» поэт свой рассказ начинает с традиционного обращения-зачина, как это было принято в народных сказках, готовя слушателя к повествованию про «мысли и дела муллы без прикрас»:

*За лугъун квез квек квай хесет
Гъавурда куън гъат, фекъияр.*

Примите мой рассказ, муллы
Про ваш обычай я спою
(Перевод Н. Ушакова)

⁸⁵ Сын поэта Мусаиб Стальский в статье «Рассказ об отце» свидетельствует о том, что «Сулейман прекрасно знал лезгинский фольклор. В его памяти хранились буквально тысячи мудрых пословиц и поговорок, звучных народных песен, волшебных сказок» (СЛД. С. 207).

Далее, как и в фольклорных произведениях, поэт раскрывает такие черты мулл, как жадность, («Когда зерно обирает люд, вы у амбаров тут как тут»), обжорство («Вы не считаете за грех, садиться к плову ближе всех»), лживость («Нет правды у мулл в очах, вы только зависти очаг»), лицемерие («Коран забросив, поволок мулла к себе мешок») и т. д. Сулейман Стальский идет дальше. Из ряда тщательно описанных бытовых деталей, штрихов, портретных зарисовок, как при изображении мулл складывается целостная картина. В этих стихах уже нет наивных сетований, призывов к благопристойности.

Сулейман Стальский создает обобщенный типизированный образ аульского «святоши», у которого «тело, как у слона, пузо громадно, а шея от переедания «жиром обросла»:

*Даима сам-поповдин чай,
Магьут чухва, ластик валчагъ.
Гар галукъзамаз жез начагъ,
Жедач квехъ такъат, фекъияр.*

Вам сытность легкая страшна,
Попова пьете чай, нежна
У вас черкеска из сукна,
Бешмет – как атлас, муллы
(Перевод Н. Ушакова).

Приемами градации, сатирического заострения, реалистической типизации, портретных характеристик Стальский вносит в лезгинскую поэзию новую сатирико-обличительную струю, смело разоблачая мулл-тунеядцев, судей, царских чиновников. Как отмечает А. Агаев, в дореволюционной поэзии Сулеймана Стальского зарождается жанр портретной зарисовки, который в дальнейшем в творчестве поэта получит более широкое развитие ⁸⁶.

В литературном плане исполнено стихотворение Стальского «Двуногий осел». В нем также создается реалистический образ муллы. В силу сложившихся обстоятельств, (поэт хорошо помнил инцидент, связанный с сатирой на царских судей, из-за чего чуть не попал в тюрьму) Сулейман вынужден был в иной форме осмысливать явле-

⁸⁶ Агаев А. Сулейман Стальский. Махачкала, 1975. I С. 20.

ния действительности. Аллегория, намек, иносказание встречались и в народном творчестве, в песнях ашугов и в поэзии Етима Эмина, но Сулейман, как большой мастер, настолько расширил и углубил возможности и границы приема иносказания, что аллегорическое стихотворение поэта воспринимается как басня, аполог, назидание. Правда, отсутствие четкого сюжета не позволяет относить стихотворение «Двуногий осел» целиком к басенному жанру, хотя мораль в нем налицо.

Если в предыдущих стихах поэт бичом сатиры разил мулл, как говорят, напрямик, то в «стихотворении «Двуногий осел» Стальский прибегает к тонкому намеку («двуногий есть у нас осел»), нарочито предупреждая слушателей («я кличку скрою»). Разумеется, сельчане догадываются, о ком речь.

Не только поэтические приемы горькой иронии, гиперболы, иносказания, но и повторяющийся в каждой строфе рефрен «Вот осел!» (в оригинале – «Быть не может!») усиливают разоблачительную силу стихотворения. Оно заключается словами, свидетельствующими о том, что поэт осознал разящую силу своих песен, разоблачающих эксплуататоров и сельских мироедов.

Говоря о сатире Сулеймана Стальского на мулл, мы далеки от мысли, что поэт выступал против мусульманской религии. Атеистом Стальский, конечно, не был. Разоблачая отдельных, служителей культа, он выступал против нарушения ими предписаний той же религии.

Творческий, индивидуальный подход Сулеймана Стальского к фольклорной и ашугской традиции ярко проявляется в стихотворении «Ссора мужа и жены», в котором переосмыслен: жанр поэтической переклички юноши и девушки. Песня начинается с традиционного обращения мужа к жене:

*Хун! ашукь тир вун зал эвел.
Гъар акурла жседай хвеши.
Гила тебдил хъана ви гьал,
Ихътин гафар рахаз наши.*

В меня ты была влюблена,
Ласкала раньше нежным взором.

А нынче каждый день, жена,
Меня встречаешь бранным вздором
(Перевод С. Липкина)

Жена отвечает. Диалог продолжается, и читатель узнает, из-за чего произошла ссора: муж, у которого пуст кошелек, не может купить жене обновку. И она, недовольная жизнью в доме мужа, что ни день затевает скандал, обращаясь к мужу с грубой бранью: «Зачем рычишь ты, как злодей», «Ты руганью набил свой рот» и т. д. Наконец, перебранка доходит до такой кульминации, что дальнейшая совместная жизнь становится невозможной. Она обращается к мулле, чтобы последний узаконил их развод.

Сулейман Стальский традиционный жанр поэтического дуэта не только наполняет новым содержанием, но и обогащает его в ритмико-интонационном отношении. Так, поэт умело пользуется лексическими, синтаксическими и звуковыми повторами, трех- и четырехсложными рифмами.

Говоря о новаторстве Сулеймана Стальского, необходимо остановиться на вопросах использования им жанра состязания ашугов («дейишме», «мушаире»). Традиционный спор между ашугами происходил на многолюдном месте либо в форме вопросов и ответов, либо в виде загадок и отгадок. При этом участники спора обращались друг к другу с четверостишиями, исполненными в одной и той же поэтической форме.

В первых стихах этого жанра, как и в приведенных выше, Сулейман Стальский в основном придерживается традиционной линии. Об этом свидетельствуют его поединки с одним зазнавшимся молодым поэтом из села Икра и поэтом Курбаном из Хпеджа. Оба они были выразителями идеологии зажиточной части горского общества. Позже Сулейман Стальский отходит от установившихся традиций. Тематика его «поэтических турниров» не ограничивается одними загадками и отгадками. Темой поэтических прений поэта становятся социальные вопросы. Таково стихотворение Стальского «Самовар», исполненное в форме, близкой литературной традиции. В нем поэт вступает; в полемику с поэтом Курбаном из Хпеджа⁸⁷ (1852–1944).

В стихотворении «Чай» Курбан из Хпеджа чаепитие превращает чуть ли не в ритуал. Как подчеркивает поэт, на скатерти, за которой

⁸⁷ Курбан из Хпеджа. Глаз не насытится тобой, о мир! Махачкала, 1994. С. 97.

пьется чай, должно быть изобилие всего, в том числе и серебряные ложки. Без комфорта нечего чай лить. Таков смысл стихотворения.

Чай для тебя, богатый господин,
Но если в сакле нищенской твоей – один
Полуразбитый глиняный кувшин,
Довольствуйся сырой водой, народ⁸⁸
(Перевод Н. Ушакова)

Услышав от односельчан насмешливую песню, Сулейман Стальский вступает с Курбаном в поэтический поединок. Поэт в стихотворении «Самовар» в спокойном тоне поэтизирует эту новинку лезгинского быта, которая струит благоуханный аромат чая на весь квартал, но оказывается недостижимой для бедноты. Затем, отвечая сопернику, поэт гордо бросает упрек власть имущим от лица таких же обездоленных, как он сам:

*Гъи касдиз хъайитІа девлет,
Гъадаз вуна ийиз гъурмет,
Кесибариз тийиз рягъбет,
Жеда вун лавгъа, самовар⁸⁹*

До нас дошла такая весть:
Лишь тем оказываешь честь,
В чьей горнице достаток есть, –
Для бедных – стужа, самовар
(Перевод Н. Ушакова)

С. Стальский выступает как мастер поэтического поединка. В его стихотворении даже подбор поэтических образов, выразительно-изобразительных средств качественно иной: «труба на темени твоём», «а ты поешь на сотни нот», «душа меджлиса», «на квартал несется аромат», «как бык ревешь ты племенной», «реет пар твой голубой» и т. д.

Новое слово Сулейман Стальский сказал и в жанре социально-обличительной песни. И здесь поэт опирается на традиции фольклора и предшествующей литературы. В народных обличительных песнях

⁸⁸Ушаков Н. Состязание в поэзии у лезгин // Состязание в поэзии. Киев, 1969. С. 205-206.

⁸⁹ Сулейман Стальский. Т. I. С. 46.

(мани), направленных против социального зла, выражается гнев и возмущение против злодеяний, чинимых ханами:

*Цавай фидай вили лифер,
Вили лифер луж авуна.
Гурба-гур хъай чIехи ханди
Чи вахариз гуж авуна⁹⁰*

По небу летящие голубые голуби,
Голубые голуби летают стаями.
Чтоб ты, хан, в могиле перевернулся,
Так жестоко с нашими сестрами расправившийся.

В мани встречаются и такие полные глубокой грусти, слова, как «Мы в саване скорбей»; «Бедность пусть молния разит»; «Мы не знаем, что такое сытость» и другие.

Мотивы протеста против социальной несправедливости встречаются и в творчестве Режеба из Ихрека, Сайда из Кочхюра, Етима Эмина, обращавшихся к изображению конкретных носителей социального зла. Зерна недовольства общественными порядкам», зревшие в народном творчестве, ашугской поэзии и литературе, дали благодатные всходы в стихах Сулеймана Стальского «Старшина», «Судьи», «Богачи-чиновники». Поэт гневно разоблачает продажность, взяточничество судей, чиновников, старшин и их покровителей.

Стихи Сулеймана Стальского острозлободневны и слагались они по горячим следам событий. К примеру, можно взять стихотворение «Судьи». Вот что пишет А. Агаев о причине, побудившей поэта обратиться к этой теме: «...Как-то к Сулейману Стальскому на балкон поднялся живший по соседству старый садовод Алимет. Он возвращался из суда и был мрачнее тучи... Оказывается, Алимет был жестоко обманут и одурачен «судьей Мирзаметом. Неделю назад старик похоронил «сына, убитого кровниками, но не успели просохнуть родительские слезы, как объявились люди, которые стали требовать возвращения долгов, взятых якобы покойным... – Мне что делать, Сулейман, – сокрушался Алимет, – может быть, ты чем утетишь, шаир?»...⁹¹ И Сулейман утетиш его стихотворением «Судьи», в кото-

⁹⁰ Лезгийрин фольклор. С. 60.

⁹¹ Агаев А. Сулейман Стальский.

ром: с большой выразительностью и неслыханной смелостью обрушил на головы царских ставленников «град обвинений»:

*Амач къван куь чанда инсаф,
Са зерре мирвет, судуяр.
Гъич къабулич кесибдин гаф.
ТагайтIа ришвет, судуяр⁹².*

Вы продали бы родную мать,
Не знаете вы сострадания, судьи.
И если взятки вам не дать,
Оставьте нас без внимания, судьи
(Перевод С. Липкина)

Не только горе соседа отдавалось болью в душе Сулеймана, поэт откликался на все события, которые волновали родной народ. Так, своеобразным протестом против колониальной политики царского самодержавия⁹³ было стихотворение «Богачи-чиновники». Начинается оно с традиционного обращения:

*Я стхаяр, пул авайдаз
Начаник уртах хъана хъи.
Вичиз девлет бул авайдаз,
Кесибар алчах хъана хъи*

Смотри: для денежных мешков
Начальники друзьями стали,
Идут, не видят бедняков,
Спесивыми ослами стали
(Перевод С. Липкина)

Затем ашуг с тонкой иронией обнажает мелкие душонки подхалимов. Поэт достигает такого эффекта использованием приема речевой характеристики местных богатеев, коверкающих русские слова:

⁹² Сулейман Стальский. Т. I. С. 50.

⁹³ В 1913–1914 годах во всех округах Дагестана делопроизводство стало вестись в принудительном порядке на русском языке. Это вызвало бурю протеста, известного в истории под названием «антиписарское движение».

*Гъурел тIвар эцигна «мука»,
НекIедиз лугъуз «молока»,
ЧукIулни, шии, «каструлка»,
Ихьтин къаб-къажсах хъана хьи.*

Вы «нек» зовете «малаком»,
«Гюр» стал уже теперь «муком».
Уже «каструлем» – не горшком –
Кичиться перед нами стали
(Перевод С. Липкина)

Не против русской речи выступает поэт, он высмеивает заискивающих перед царскими, ставленниками местных служак, которые щеголяли «знанием» русского языка.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что лезгинский поэт в новых исторических условиях развивает демократические традиции фольклора и предшествующей поэзии. Правильно подчеркивал Д. Климович, что «творчество Сулеймана Стальского уже в дореволюционные годы было глубоко актуальным, освещавшим существенные вопросы родного края, соответствовавшим передовым тенденциям его общественного развития.

Оно показывает, сколь искусственно, хотя бы и с оговорками, выдавать его за некий «сколок античного мира».⁹⁴ И действительно, в творчестве Сулеймана Стальского вместе с новым содержанием появляются оригинальные изобразительно-выразительные средства, художественные приемы, несущие большую идейно-эмоциональную нагрузку.

⁹⁴ В 1913–1914 годах во всех округах Дагестана делопроизводство стало вестись в принудительном порядке на русском языке. Это вызвало бурю протеста, известного в истории под названием «антиписарское движение».

И во втором периоде своего творчества (1917–1920 гг.), когда родная Кюра была охвачена вихрем исторических событий, Сулейман Стальский оставался верен своему поэтическому кредо: «Поэт, если он только не мертв, молчать не может». Революцию Сулейман Стальский принял всем сердцем. Весть о свержении ненавистного народу царя поэт встретил восторженным стихотворением «На свержение царя». Именно в этом стихотворении впервые в творчестве Сулеймана Стальского с огромной силой прозвучал торжествующий возглас, полный глубокой веры в дело народа:

*Амач лугьуз и падишагъ,
Заз са хабар ван хъана хьи...
Инкъилаб, ваз хъуй мергъаба!
Дердериз дарман хъана хьи.⁹⁵*

До меня дошла такая весть,
Что больше нет у нас царя...
Революция, приветствую тебя!
Ведь горевавшим ты лекарством стала.

Произведение это, пронизанное глубокой верой в светлое будущее, было новым словом во всей дагестанской поэзии того времени и свидетельствовало о том, что Стальский, как поэт, шагал в ногу с жизнью. Прав был критик Г. Корабельников, который в своей содержательной статье о народном поэте Дагестана писал, что «Сулейман Стальский – человек с призванием поэта... безусловно, одаренный, испытывающий потребность выразить свой социальный опыт в художественном слове».⁹⁶

В сложной и противоречивой обстановке гражданской войны, когда дагестанскую землю поочередно топтали войска Деникина и Бичерахова, турецкие и английские интервенты, чинившие зверства, когда насилие и разбой, грабежи и убийства стали «нормой жизни», Сулейман Стальский не мог не высказать накипевшую в душе боль. Но говорить об этом открыто было небезопасно. И поэт чаще прибегает к излюбленному приему аллегории и намека. К иносказанию ашуг об-

⁹⁵ Сулейман Стальский. Т. I. С. 89, 911.

⁹⁶ Корабельников Г. Указ. статья. С. 233. 100.

ращался не только потому, что прямое обличение грозило ему расправой, но и потому, что еще в предреволюционные годы он отточил свое «перо» в жанре аполога и его намек был понятен народу. Об этом в одном из его стихотворений есть также строки: «Сулейман, ты не говори много, – для понимающего достаточно «было и намека».

Именно в годы революции и гражданской войны, когда назрела острая необходимость глубже вникнуть в суть происходивших событий, поэт сложил больше стихов, чем за все предыдущие годы. В стихах этого периода наиболее отчетливо проявляется авторская индивидуальность Стальского, который глубоко осознал общественное назначение поэзии, следовательно, и роль поэта как борца за дело народа.

С этой точки зрения показательным его стихотворение «Февральской революции» («Февралдин инкѳилабдиз») Вначале поэт повествует об услышанном: «Уже нет больше царя – до меня дошла такая весть», затем говорит и о деталях: «Царь рвался в лоно тихих мест, но скрепил отреченья манифест». Неслучайно Сулейман в этих строках приводит русские слова «машина», «опоздать», иронический оттенок которых вносит в художественную ткань произведения элементы юмора. Вступительную часть стихотворения поэт заключает творчески переосмысленной пословицей: «Слова красны, дела гнусны, кто яму ближнему рыл, сам туда угодил». И здесь глубокий подтекст: царь и его подручные под гомон красивых слов совершали злодеяния, за что для «самодержца» и его «наместников» «теперь дворцом тюрьма ведь стала». Опять ирония, насмешка. Далее в стихотворении меняется интонация, тон повествования, и поэт обращается с риторическим вопросом:

*Шумуд полковник, генерал...
ЗатI аламачиз кѳуьнерал,
Мягьтел яз, гьейран хъана хъи?..
Шумуд начаник округ
Такъвана пиян хъана хъи.*

Сколько полковников и генералов...
Без мундира и погонов
В недоумении ошеломленными остались?..
Сколько окружных начальников,
Не выпивши, пьяными стали?

Нагнетание во многих строфах и строках в виде анафоры вопросительного слова «шумуд?» («сколько?») придает стихотворению выразительность, усиливает мысль о том, что «беднякам простым на помощь свобода долгожданная пришла».

Не только новыми выразительными художественными приемами исполнено это стихотворение, в нем поэт мастерски пользуется намеком, речевой характеристикой, фольклорными образами для раскрытия идеи стихотворения – всенародного ликования по поводу свержения царя. К примеру, для слушателя достаточно было несколько штрихов («на генералах – эполет и орденов в помине нет»), чтобы понять, что речь идет о царских офицерах, лишенных былой власти. А слава и выражения «пошел-пошел», «врешь», «вон!», «закон без взятки – не закон!», вложенные в уста взяточников-чиновников, как нельзя лучше характеризуют царских ставленников, не гнушавшихся ничем ради личного обогащения. Это произведение Сулеймана Стальского по своему революционному пафосу, идейной направленности стоит, пожалуй, выше всех стихов, сложенных поэтом в предшествующие годы. В нем, как верно отмечал А. Агаев, «раскрывалась новая грань поэтического таланта Сулеймана Стальского – ораторское искусство».⁹⁷ И в последующем поэт не раз обратится к стихам, в которых проявится эта новаторская черта его творчества.

Новым явлением в лезгинской поэзии был и образ Свободы, созданный Сулейманом Стальским в стихотворении «Свобода – счастье» («Гьубьрият хьсан затІ я»). Не иллюзиями о свободе, а жизненной мудростью и чутьем художника он понял, что родина и народ его не обрели еще желанной свободы, что лишь одни названия сменились другими. Сам Сулейман, вспоминая эти годы, говорил: «Какая же это свобода? – думал я. – В судах по-прежнему властвуют над нами – интересная свобода, если только правда это». Мысль эта более выпукло отразилась в следующих словах его стихотворения «Свобода – счастье»: «сороку держат – «это куропатка» говорят, черную змею «звездой» величают, «мрак» называют «светом», а «кур» – «петухами». Далее Сулейман Стальский, нанизав ряд риторических вопросов на основной идейный стержень стихотворения – раскрытие политики Временного правительства, – прибегает к новому ораторскому приему. Соединяя лежащие в разных плоскостях противоположные поня-

⁹⁷ Агаев А. Сулейман Стальский. С. 137.

тия, взятые из самой тогдашней действительности, поэт достигает желаемого – иронического осмеяния дарованной «временщиками» свободы:

*«Им хъсан гъава я» лугъуз,
«Дердиниз дава я» лугъуз,
«Вич ширин гъалва я» лугъуз,
ГъикІда чулав къир хъайитІа?*

*И это – счастье на земле?
И это – пища на столе?
Велят нам думать о смоле,
Что это – сладкая халва, народ!*
(Перевод С. Липкина)

Особой выразительности достигает поэт повторением в качестве рефрена слова «лугъуз» («говоря»), которое более ярко подчеркивало мысль – «о свободе пока лишь только говорят».

Сулейман Стальский как поэт рос и мужал с каждым годом. Именно за несколько лет революционной борьбы российского пролетариата за свои человеческие права классовое сознание Сулеймана, его художественное мышление достигли такого уровня, что поэт поднялся над воззрениями своей среды и над традициями предшествующей поэзии. Яркое свидетельство тому стихотворение «В Кюре диковинок не счесть». В нем поэт гневно осуждает организаторов еврейского погрома – кюринских богачей, которые с целью отвлечь массы от революционных событий натравили некоторую отсталую часть горского крестьянства на татов, живших по «соседству с лезгинами в аулах Мамраш, Ханджал-Кала.

Сулейман Стальский заклеил позором непосредственных участников грязной резни, назвав их «жуликами, ханжами, мерзавцами». Поэт обращается к соотечественникам: «Эй, невежественные кюринцы! Всмотритесь, что происходит в мире!» Он глубоко возмущается тем, что в силу отсталости некоторые люди идут на поводу враждебных революции сил:

*Все знает Сулейман-бедняк,
Да вас не убедит никак.*

Забыв, где настоящий враг,
Евреев бить сейчас умеете
(Перевод С. Липкина)

Сулейман Стальский, глубоко осознавший силу поэтического слова, поднимает свой голос протеста против проявлений национализма, призывая к миру и дружбе народы различных национальностей и вероисповеданий.

Не только новым классовым содержанием отмечены стихи: периода революции и гражданской войны, но и тем, что поэт под влиянием происходящих событий в родной Кюре и во всей России своей поэзией охватывает все более широкий круг вопросов. Прав был М. Гаджиев, который писал: «Начиная с 1917–1920 годов творчество Сулеймана Стальского выходит за пределы его аула и даже за пределы Кюринского округа...»⁹⁸. Об этом свидетельствуют и сами названия его стихов: «Семнадцать аулов моей Кюры», «Кюра – баран для пришельцев», «Дагестан», «Кавказ», «России» и др.

Если в стихотворении «Семнадцать аулов моей Кюры» Стальский ограничивался бытовой характеристикой сел, констатацией фактов, то в произведении «Кюра – баран для пришельцев» он бьет тревогу по поводу «страшной поры», когда «букашка великаном стала» и «любому пришельцу Кюра зарезанным бараном стала». Поэта волнует судьба родного народа, «спящего под открытым небом», доведенного незванными «гостями» до нищенства. Он обращается с вопросом «когда же будет мир иным?» и ему небезразлично, «кто завладеет им?». С негодованием Сулейман говорит о «чужаках», топчущих и грабящих священную землю отцов. Мысль эта выражена в аллегорической форме:

Не знает Стальский лживых слов.
Рога украсили ослов!
И мягкая трава лугов
Для тех ослов калганом стала⁹⁹
(Перевод С. Липкина)

Постепенно для Сулеймана Стальского границы родной Кюры раздвигаются. Таково его стихотворение «Дагестан», в котором поэт

⁹⁸ Гаджиев. М. Указ. статья. С. 65.

⁹⁹ Сулейман Стальский. Соч. Т. I. С. 135.

мастерски использовал художественный прием олицетворения для выражения социальных взглядов и оценки происходящих событий. Тонким намеком он упрекает тогдашних правителей Дагестана, в том, что его двери распахнуты перед интервентами. Поэт, уподобляя эту древнюю страну «седому старцу», заключает:

То слаб и кроток ты душой, –
Тебя пришелец бьет любовью,
То снова дышишь ты войной
И жаждешь боя, Дагестан¹⁰⁰
(Перевод А. Шпирта)

Стихотворение это построено на приеме антитезы, встречающейся и в ашугской поэзии. Реджеб из Ихрека в стихотворении «Две родинки» приемом антитезы передал состояние внутренней раздвоенности возлюбленной, которая в силу социальных условий не может соединиться с любимым. Сулейман Стальский же прибегает к этому традиционному приему для выражения своего отношения к политическим событиям Дагестана периода революции и гражданской войны. И Реджеб в каждой строке повторяет в качестве анафоры выражение – «одна родинка» («сахал»), несущее каждый раз новую смысловую нагрузку, и у Сулеймана Стальского повторяется слово «порой» («гагь») почти в начале всех строк стихотворения и притом каждый раз звучит с другим смысловым оттенком. Реже с помощью повторяющейся анафоры усиливает боль разлуки влюбленных, а Стальский более выпукло раскрывает общую идею произведения – боль и тревогу за судьбы Родины и народа.

По своей идейно-художественной направленности к вышепроанализированным произведениям примыкает и стихотворение «Кавказ». В нем Сулейман Стальский умело использовал присущую традиционной ашугской поэзии особенность – нагнетание вокруг одной мысли целого ряда поэтических образов (сравнений, метафор и т. д.), а затем в заключение – вывод) самого автора. Вместе с тем поэт в этом стихотворении либо переосмысливает фольклорно-ашугские тропы, либо создает свои собственные образно-эмоциональные средства.

Болью и обидой наполнены слова поэта, повествующие о родине

¹⁰⁰ Там же. С. 139.

(теперь уже не одна только Кюра, но весь Кавказ), ставшей местом, где «каждый пришелец разбивает шатер», «садом, откуда яблоки срывает всяк, кто б ни пришел», «яйлагом, где пасутся всякие тощие ослы», «корытом, где каждый чужестранец месит себе тесто», и, наконец, «родником, откуда напивается всякий пришлый». В конце стихотворения автор приходит к такому выводу:

И, размышлениями влеком,
Я, Сулейман, пою о том,
Что стал для всех ты ручейком
И чужаков поишь, Кавказ!¹⁰¹
(Перевод Н. Ушакова)

Стихотворение новаторское не только по содержанию, но и по форме. Прежде всего следует отметить, что встречающийся в народном творчестве, да и в ашугской поэзии, образ сада (под которым подразумевали возлюбленную) поэт переосмысливает, вкладывая в него иной смысл, а именно – сад по Сулейману – это родина, родная земля. Переосмысливает поэт распространенное в народе фольклорное выражение «тощий осел» («яхун лам»), использованное для разоблачения интервентов, врагов народа.

Наряду с переосмысливанием традиционных художественных средств, Сулейман Стальский создает и оригинальные поэтические образы. Так, сравнивая Кавказ с местом, «где всякие пришельцы разбивают свой шатер», а самих «неприглашенных гостей» – с «ослами», поэт выражает уверенность, что они вскоре уберутся восвояси.

И в стихотворениях «Свобода» («Гьуьруьют»), «Каждый мнит себя ханом» («Гьарда вичикай хан ийида») поэт в традиционные образы вкладывает новый смысл. Если лезгинский поэт и ашуг Саид из Кочхюра, описывая жестокости хана, прибегал к скрытому сравнению «Гумном для молотильных досок стали груди наших девушек», то у Сулеймана Стальского образ «гумна» используется в ином аспекте: «Каждому пришельцу наша земля гумном для молотьбы стала». Для показа политики Временного правительства и дарованной им «свободы» поэт переосмысливает народную поговорку: «Каждый глупец из волоска делает толстую опорную балку». Примеры можно было продолжить, но и те, какие привели, свидетельствуют о том, что

¹⁰¹ Там же. С. 142.

Стальский – поэт, чье поэтическое мышление так же находилось в развитии, как и сама действительность, отражаемая им.

Уместно будет привести здесь весьма плодотворную мысль об интеллектуальном развитии и политической зоркости Стальского, высказанную Г. Корабельниковым. Критик пишет: «Да, Сулейман Стальский был не только ашугом, а землепашцем и садоводом... Его принадлежность к лезгинскому крестьянству вовсе не исключает того, что он был интеллигентом. Интеллигентом в том высоком смысле этого понятия, которое оно занимало в духовной жизни народов России»¹⁰².

Логическим завершением творчества поэта периода революции и гражданской войны было стихотворение «России». В нем поэту отчизна мыслится уже в границах всей России, к которой он обращается с сыновней любовью: «Надолго ль ты, моя страна, в мишень для пуль превращена?»

Надо подчеркнуть, что поэт не сразу разобрался в сложной исторической обстановке Дагестана России тех лет. Расширению кругозора, мировоззрения неграмотного, но мудрого поэта способствовали наряду со связями с отходниками – «бывалыми людьми» и собственные наблюдения, поиски ответов на волнующие вопросы.

Из сказанного о творчестве Сулеймана Стальского второго периода следует вывод о том, что он растет от песни к песне, от одного этапа к другому все заметнее становится его профессиональное мастерство. Поэт, поднимая животрепещущие и остро-политические вопросы, откликается на события времени конкретными стихами, пронизанными идеей патриотизма. Гражданственность и патриотизм – это те чувства, которые в дальнейшем одухотворят все его творчество последующих лет.

В марте 1920 года в Дагестане после четырехлетней гражданской войны была установлена Советская власть. Сулейман Стальский как поэт к этому времени был известен во всем округе. Теперь он, поднятый новой властью к активной жизни, с удвоенной энергией воспекает советскую действительность, отдавая свой страстный голос победившему народу. Чувством глубокой признательности рабочему классу пронизано стихотворение «Свобода» («Азадвал»):

¹⁰² Корабельников Г. Указ.статья. с. 239.

*Эй, юлдашар, и азадвал
Ажаиб им гьат хьана чаз.
Кесибарин риклиз шадвал
Хьана, лап рагьат хьана чаз¹⁰³.*

Эй, товарищи, эта свобода
Ох, как трудно нам досталась.
Сердца бедняков наполнились радостью
И от души у нас отлегло*¹⁰⁴.

Вслед за образом желанной свободы, Стальский в стихотворении «Погибни, старый, мертвый мир», звучащем как приговор царскому самодержавию, воссоздает образ (беспросветного прошлого, когда «на кострах сжигали народ и в ярме держали их, как волов», когда «презирали серп жнеца и тяжкий молот кузнеца»). Поэт, на себе испытывший все тяготы и кошмары жизни при царизме, внутренне противопоставляет мрачное, прошлое радостному настоящему:

Почувяв смерть, жесток и дик,
Ты в грудь вонзил мне острый клык.
Сталь-Сулейман тебя постиг:
Будь проклят твой звериный лик,
Погибни, старый, мертвый мир!¹⁰⁵
(Перевод С. Липкина)

Беспощадной критике подвергается царизм и в стихотворении «Старой власти». Оригинальными метафорами, взятыми из окружа-

¹⁰³ Сулейман Стальский. Т. I. с. 155.

¹⁰⁴ *Хотел бы заметить, что Сулеймана Стальского следует перевести заново, ибо переводы 30-х годов в своем большинстве не соответствуют оригиналам. В них нет сулеймановской образности и афористичности. В то время советская переводческая школа только-только зарождалась, тогда еще не было четких принципов перевода. Уже в 1941 г. Э. Капиев писал, что «мои переводы его (Сулеймана. – Г. Г.) стихов сделаны совсем не так, как я сделал бы их теперь» (Э. Капиев. Избранное. М., 1959. С. 648). Позже об этом же писали литературовед А. Агаев и поэт Н. Ушаков, в свое время переводивший Сулеймана Стальского. Н. Ушаков подчеркивал: «Сейчас я уже иначе переводил бы Стальского... Я переводил бы Стальского так, чтобы в переводе сияли яблони и горы, чтобы школьный звонок созывал детвору... Я переводил слова, фразы, размеры и стилистические приемы, а следовало переводить жизнь, выраженную на языке лезгинском, на язык русский» (Н. Ушаков. Весной в Дагестане // Состязание в поэзии. Киев, 1969. С. 179).

¹⁰⁵ Сулейман Стальский. Соч. Т. I. С. 97.

ющей действительности, поэт создает впечатляющие картины прошлого, в котором народ был лишен элементарных человеческих прав. Романовская династия Сулейману представляется то в виде пруда, в котором вода трехсотлетней давности, то в виде гнилой овчины, то в виде трехсотлетней истощенной коровы. Ассоциации у поэта не случайны. Для Сулеймана описание мрачного прошлого не самоцель, а средство, способствующее утверждению мощи и величия радостного настоящего.

Новая социалистическая действительность, воспеванию которой поэт посвятил всю свою оставшуюся жизнь, была почвой, питавшей его творчество советского периода. Но следует заметить, что в первые годы Советской власти Сулейман Стальский, как и прежде, больше обращался к сатире. Если в дореволюционной сатире поэт, разоблачая конкретных представителей царской власти, силой обобщаемых им фактов и явлений поднялся до отрицания всей ненавистной народу общественной системы, то в сатирических стихах советского времени Стальский осуждает все то, что мешало строительству нового общества.

Сулейман Стальский советского поэта представлял лишь в роли активного борца, который, вместе с воспеванием новой жизни, оружием сатиры должен дать отпор недобитым врагам социалистического строя, бороться с носителями пережитков прошлого в быту и сознании людей. С этой задачей он справлялся успешно. И действительно, о чем бы ни говорил Стальский, в его стихах звучит страстный и взволнованный голос народного трибуна, понимающего задачи революционной эпохи. В этой связи справедливыми представляются слова Н. Капиевой о том, что «любой житейский факт мог лечь в основу его стихов, зазвучать широко, празднично, значительно. Стальскому в высокой степени свойственна была та же поэтическая деловитость, которая столь характерна для В. Маяковского»¹⁰⁶. Об этом свидетельствуют его патриотическая лирика, агитационно-призывные стихи, стихи-посвящения, острая сатира и т. д.

Советская власть не только направила по новому руслу все творчество Стальского, но и расширила рамки его сатирической поэзии. Так, объектом осмеяния Сулеймана становятся и самодовольные невежды, которые непомерно высокого мнения о себе, и всевозможные обманщики, сплетники, ханжи, действия которых враждебны со-

¹⁰⁶ Капиева Н. Сулейман Стальский // Сулейман Стальский. Избранное. Л., 1952. С. 32.

ветскому обществу, и носители старой морали, пытавшиеся, как и прежде, держать женщину в кабале.

Вместе с расширением тематики творчества Сулеймана Стальского, в частности его сатиры, меняются и приемы, с помощью которых выводится напоказ объект смеха. Поэт «о невежде, мнящем себя знатоком» и внешне «похожем на инженера», а на деле «не умеющем отличить ущелий от гор», говорит следующее:

Слов много, дел не достает,
Не знает – уксус или мед, –
Иной ковать клинок возьмет,
Болтов, гвоздей стальных не зная
(Перевод М. Зенкевича)

Изображая невежду, «толкующего «Ибн-Хаджар», букв первых прописных не зная», Стальский прибегает к гротеску, пародии. Достаточно привести хотя бы одно двустишие, чтобы убедиться в этом:

*Гафар вичин – профессор
«Нету» – бегьем «юх» тийижиз.*

Профессором он себя мнит,
Обычных дел мирских не зная.

Заслуживает также внимания стихотворение Стальского «Одержимому самомнением» («Вичиз вич бегемишдаз»), в котором разоблачаются чванливые, лицемерные, двуличные люди. И здесь поэт прибегает к конкретным, зримым образам, к гротеску и гиперболе. Оригинальны в стихотворении и сравнения, взятые из лезгинского быта. Так, поэт в одном четверостишии уподобляет своего героя «ослиному арчаку,двигающемуся то взад, то вперед», в другом же – собаке: «И тычешь морду... Ну ты! Она изрядной остроты». Чтобы больнее уязвить объект своего негодования, Сулейман посягает и на самый священный для горца предмет – папаху, с которой связаны понятия мужской чести и достоинства.

Сулейман Стальский творчески продолжает традиции народной поэзии и при описании положения женщины в обществе. Если в фольклорных песнях обиженные судьбой девушки-горянки сетовали на несправедливость общественных порядков, при которых они были

лишены элементарных прав, то Стальский, исходя из условий новой эпохи, эпохи революционных преобразований, «создает стихи, беспощадно критикующие старые обычаи. Показательно стихотворение «Жалоба отцу». Новой и удачной является сама форма построения произведения. Поэт от имени девушки обращается к безжалостному отцу, «продавшему» свою дочь за большой калым нелюбимому человеку:

*За богатея жениха
Меня ты зачем отдаешь, отец?
С жестокосердным жизнь плоха,
Ты сердце дочери сожжешь, отец¹⁰⁷*
(Перевод С. Липкина)

Из песни вырисовывается образ не робкой горянки, покорно выполняющей волю жестокого отца, а смелой и решительной девушки, освобожденной от оков рабства и умеющей постоять за себя.

*Якъин чир хъухъ, ахътин гъуьлубк
Ракъурдач за уьмуьр, буба.*

Твердо знай, что с таким мужем
Я жить не стану, отец.

Как нетрудно заметить, в сатирических стихах Сулеймана Стальского нашли отражение конкретно-бытовые картины лезгинской жизни, описанные новаторскими образами и приемами. Стихи эти также свидетельствуют об усилении в творчестве поэта реалистических тенденций¹⁰⁸.

В советское время меняется аудитория Сулеймана Стальского. Его голос слышат не только жители Кюры, но и всей страны. Соответственно меняется и творческий метод поэта. Так, Сулейман не

¹⁰⁷ Сулейман Стальский. Соч. Т. I. С. 164.

¹⁰⁸ К сведению читателей хотел сообщить, что произведения Сулеймана Стальского в довольно удачных новых переводах изданы в Москве (Избранное. М., 1986. Составитель Г. Гашаров). Позже издана небольшая книга поэта «Неизвестный Сулейман» (Махачкала, 1994), талантливо переведенная Арбеном Кардашовым. В сборник вошли неопубликованные до того времени; духовные и философские произведения Стальского.

просто импровизирует по поводу чего-то, а тщательно обдумывает тему, лишь после того диктует, исправляя отдельные непонравившиеся строки, создавая варианты и, посоветовавшись с «домашними» критиками (в их числе были А. Мамедов, Г. Гаджибеков, Э. Капиев, М. Стальский), выбирает наиболее удачный вариант стихотворения. Точно так же работал казахский акын Джамбул, которому помогали быть в курсе событий эпохи его секретари-рецензенты К. Сатылбалдин и П. Кузнецов.

Теперь Сулейман не тот, кем был до революции. Благодаря новой действительности, дружбе с Г. Гаджибековым и Э. Капиевым, расширяется его кругозор. Стальский в переводе с русского языка знакомится с прекрасными произведениями А. С. Пушкина, А. М. Горького и других выдающихся художников слова.

Под влиянием революционных преобразований расширяется тематика произведений Сулеймана Стальского. Он изображает свободный труд советских людей, строящих новое общество, воспекает дружбу народов, живущих в единой братской семье, создает множество стихов о Советской власти, пронизанных гражданским пафосом. Новое содержание, конечно, требовало новизны формы. И в творчестве поэта появляются такие жанры, как стихи-призывы, стихи-посвящения, стихи-письма, стихи-речи, стихи-обращения, поэмы, думы, обогатившие всю дагестанскую литературу.

Подчеркивая новаторство Сулеймана Стальского, надо отметить, что поэт, повествуя о социалистической действительности, о советских людях, пользуется оригинальными художественными средствами, обновляет во многом традиционную поэтику. Так, поэт часто обращается «образам сада, дерева, цветов, вкладывая в их содержание новый смысл. Как же шло у поэта переосмысливание утвердившихся в поэзии фигур? Обратимся к образу сада, который не является новшеством в творчестве Стальского. Образ сада встречается в поэзии многих народов Востока. Саади (XIII в.) назвал свои (книги «Бустан» («Плодовый сад») и «Гюлистан» («Розовый сад»). Другой иранский поэт А. Джами один из своих диванов называет «Бехаристаном» («Весенним садом»). В дореволюционной лезгинской поэзии, да и в народном творчестве, сад – это символ юной девушки. У Сулеймана же с образом сада появляются ассоциации совершенно иного плана, и он в содержание этого образа вкладывает другой смысл. Поэт под садом подразумевает Родину. Но ведь и понятие родины у Сулеймана находится в развитии. Так, в годы революции и

гражданской войны Родину поэт представлял в пределах Кюры, Дагестана и Кавказа, в советское же время ее границы расширяются.

Об использовании Стальским образа сада хорошо сказал А. Агаев: «В патриотических гимнах сад олицетворяет новую жизнь в дружной семье равноправных народов, Советскую власть, социализм, родину»¹⁰⁹. Если в стихотворениях «Свобода», «Кавказ» поэт гневно возмущался тем, что его родина – «Дагестан, а затем и Кавказ стали садом, из которого уносит яблоки всяк, кто бы ни пришел», то с «расширением» для него границ отчизны под образом «обновленного сада с молодыми саженцами» Сулейман Стальский подразумевает «всю страну Советов. Показательно в этом отношении стихотворение «Большевицкий насос», в котором говорится о «революционном» обновлении старого, запущенного сада. Примечательно название стихотворения и подбор в нем художественных средств.

*Куьгъне багъдин туькьуьл ичер,
Авахъна цуькверин пешер.
Яру сарар авай мишер
АтIуз гъа тарар кьурурай*¹¹⁰

В старом саду с деревьев яблоки
Упали и листья облетели.
Эти высыхающие деревья
Краснозубой пилой срежай...

Образ родины-сада проходит и в стихотворении «Мы достигли своей мечты». В нем Стальский с большой радостью отмечал, что «восемнадцатилетний наш молодой сад высокий урожай уже принес».

Стальский в некоторых стихах обращается к воспетым в лезгинской поэзии могучим образам Шахдага, Шалбуздага и реки Самур. В фольклоре и в творчестве поэтов прошлого к этим образам обращались за помощью как к заступникам, великой силе возмездия. Так, Саид из Кочхюра в стихотворении «Проклятие Мурсал-хану» говорил: «О Шалбуздаг – священная гора, какая нынче тяжелая пора!» Сулейман Стальский же, переосмысливая привычные мотивы, в сти-

¹⁰⁹ Агаев А. Указ. раб. С. 198.

¹¹⁰ Там же. С. 394-395.

хах советского периода нашу страну сравнивает с величественным Шахдагом: «Советов власть – прекрасный сад, она в цвету, в плодах – родная. И справедливо говорят – могуча, как Шахдаг – родная».

Сулейман Стальский, наряду с переосмыслением традиционных тропов, создает и свою собственную поэтику. Для выражения грандиозных идей века, глубокой любви к родине, он создает новаторские образы, отражающие действительность, преобразованную революцией. Это, прежде всего, образы, взятые из народного быта. В стихотворении «Кавказ», относящемся к периоду революции и гражданской войны, поэт интервентов всех мастей уподобляет коварным осам, жалившим ядом ненависти народы Кавказа. В песне же «Октябрьской революции» Сулейман Стальский сравнивает советских рабочих с красными пчелами:

«Наших заводов красные пчелы,
им ничего никогда не страшно»,

К этим образам поэт обращается и в своих речах.

В выступлении на Первом съезде Советов Северокавказского края он сказал: «Страна моя – великая пасека. Каждый колхоз – гудящий и счастливый улей. Мы строим медовую общечеловеческую радость. Но иногда кое-где в улей забирается оса, забирается трутень и... разрушает наши соты»¹¹¹.

Как видим, и здесь образы строятся, на ассоциативной основе: «пчелы» – труженики полей, «пасека» – советская страна», «осы» – вредители, нарушители мирного труда, «ульи» – это наши колхозы и совхозы.

Образ сада, как мы говорили выше, представляет собой символ страны Советов, а деревья – советского строя. С образами сада и дерева связаны и «красные цветы». Так, в стихотворении «Пятигорск» поэт говорит, что «на семнадцатилетнем молодом дереве, с бурно распустившимися ветвями, увидел я обилие красных цветов». Красными цветами называет Сулейман советских граждан: «нового сада пунцовые цветы» («Наша сила»); «багряные цветы», «нашего нового сада алые розы» («Нашим девушкам») и др.

Создавая новые образы, поэт шел от самой жизни. Красный цвет стал для Сулеймана Стальского символом обновленной революцией

¹¹¹ Сулейман Стальский. Т. I. С. 287.

действительности, картины которой он описывает в светлых, радостных тонах.

Сулейман Стальский широко пользовался пословицами, поговорками родного народа, порой и сам создавал афористические обороты по типу фольклорных. Поскольку проблема эта обширна и требует специального рассмотрения, то здесь мы коснемся лишь некоторых аспектов переосмысления, творческого использования Стальским богатств родного фольклора. Обратимся к примерам. В стихотворении «Февральская революция» поэт намерение царских властей потопить революцию в крови выразил пословицей; «Кто яму другому рыл, сам туда угодил». В стихотворении «Каждый мнит себя ханом» поэт, выражая гневное недовольство, говорил, что «каждый глупец из волоска делает толстое бревно». Яркие примеры качественного переосмысления пословиц встретим, например, и в произведениях «Мир в смятении», «Сердце бедняка пусть не будет тревожно», «Лежебока» и др. Так в назидании «Сердце бедняка пусть не будет тревожно» в содержание народной поговорки «Из шкуры, принесенной на годекан, чарыки не получатся» поэт вкладывает иной смысл, а именно: «(Шкуру, отвезенную в Астрахань (в смысле вдаль), и за двугривенник не возьмут)¹¹², т. е. бедняку-труженику, где бы он ни был, живется одинаково трудно.

Стальский прибегает к переосмыслению пословиц, поговорок и для сатирического осмеяния болтунов, ябедников, взяточников и др. В стихотворении «Лежебока» поэт подвергает резкой критике сварливых людей, у которых «пена брызжет изо рта», а сами «не умеют поровну разделить ячмень на двух ослов».

Итак, говоря о новаторстве Сулеймана Стальского, надо отметить, что поэт, наряду с переосмыслением и обновлением сложившихся в родной поэзии тем, образов, пословиц, поговорок, творит согласно требованиям, задачам эпохи и, свои собственные поэтические тропы, афористические обороты. Если первые, сохраняя связь с первоисточником, обретают в творчестве поэта новую жизнь, то вторые – составляют суть его поэтической индивидуальности.

В 30-е годы Стальский обращается к широким эпическим полотнам – поэмам, не получившим раньше среди лезгин широкого распространения. Поэт создавал свои поэмы в содружестве с Г. Гаджи-

¹¹² Этот афоризм Сулеймана Стальского близок к другой лезгинской пословице: «В Багдаде осла можно приобрести за гривенник...».

бекавым и Э. Капиевым. Такая помощь ему была необходима не только потому, что он не был знаком с литературной теорией, с видами и жанрами поэзии, но и потому, что в досулеймановской лезгинской литературе не было развитых; эпических традиций.

Подобные примеры творческого содружества поэта и его равие (секретаря) нам известны из жизни многих деятелей культуры других народов. Адыгейский престарелый поэт Цуг Теучеж хотел сложить эпическую поэму об исторических событиях дореволюционного прошлого, но неграмотному поэту трудно было постичь жанровую сущность поэмы, ее особенности и отличие от песен, сказаний. Его помощники нашли выход из положения. Они ему читали некоторые переведенные с русского языка поэмы, в том числе драматическую поэму А. С. Пушкина «Полтава». Знакомство с образцами переводных поэм позволило Цугу Теучежу создать собственные эпические произведения. Поэт говорил, что «Пушкин помог мне создать поэму «Восстание бжедугов»¹¹³.

Вот и у Сулеймана Стальского под влиянием дагестанских исторических хроник и переводных произведений появляются поэмы «Серго Орджоникидзе», «Думы о родине» и «Дагестан». Последняя является самым крупным произведением поэта, состоящим из двадцати восьми гошм, пронизанных единой идеей. По справедливому утверждению А. Агаева, определившего жанровое своеобразие произведения, «Дагестан» – поэма-хроника, своего рода «Дагестан-намэ» в стихах, поэтическая биография Страны гор»¹¹⁴.

В центре поэмы «Дагестан» – судьба родины и народа. Поэт с огромной любовью повествует о своей многострадальной и вольнолюбивой стране, которую поочередно терзали «монгольский хан», «иранский шах», «самодержавия удав».

Строится поэма на приеме антитезы. Безрадостному мрачному прошлому, когда «незванные гости» – иноземные поработители и жестокие местные узурпаторы совершали зверства, противопоставляется светлое радостное настоящее, когда народ, освободившись от оков рабства, обрел долгожданную свободу и стал хозяином своей земли.

Сулейман Стальский, описывая прошлое, очевидцем ужасов которого был сам, говорит: «О, страшный век, постыдный век! Жиреет бек, на нищих совершив набег». Удачно подбирает поэт и краски, передающие боль и тревогу за судьбу родной земли в годы интервен-

¹¹³ Костанов Д. Цуг Теучеж. Майкоп, 1955. С. 106.

¹¹⁴ Агаев А. Указ. раб. С. 174.

ции, когда «Настал в стране ужасный день. Стал черной ночью день». Поэт конкретизирует описываемые факты:

Беду познали бедняки,
Им вырывали языки,
Сдирала кожу и в тиски
Сжимала их, давила нечисть¹¹⁵
(Перевод С. Липкина)

Поэт верит, что как бы темна ни была ночь, мрак сменится светом. И такой радостный день наступил: «Итак, в горах возник Совет – в кольце неистовых врагов».

«Дагестан» Стальского, как и другая его поэма «Думы о Родине» – глубоко патриотическое произведение. «Гражданственность – это чувство Родины, это активная любовь к ней, это кровная связь художника с народом, служение ему..., – подчеркивал большой советский поэт Михаил Светлов. Этим качеством пронизано все творчество дагестанского поэта и особенно поэмы его «Думы о Родине» и «Дагестан».

В поэме «Дагестан» описательно-повествовательная манера сочетается с изображением событий, с характеристиками исторических личностей. Жанр поэмы в творчестве Сулеймана Стальского был новым явлением, еще больше приблизившим его к профессиональной литературе.

Выдающийся казахский писатель и ученый М. Ауэзов писал о Джамбуле Джабаеве, что «он разрушает привычное историко-литературное деление на устную и письменную, индивидуальную поэзию... Они (акыны – Г. Г.) гораздо ближе индивидуальных поэтов к первоисточнику их вдохновения, они находятся на самой границе героической преобразующей облик земли и общества жизненной действительности и поэзии этой действительности».¹¹⁶ Сказанное М. Ауэзовым о поэзии Джамбула не в меньшей мере можно отнести и к творчеству Сулеймана Стальского, который как никто другой был близок к первоисточнику – жизни народа, откуда черпал свое вдохновение. И он своим оригинальным поэтическим голосом, своей сулей-

¹¹⁵ Сулейман Стальский. Соч. С. 368.

¹¹⁶ Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961. С. 75.

мановской манерой отображал действительность, поэтому его замечательная поэзия, выражавшая правду века, любима всеми, кто знаком с его творчеством.

*Ахед Агаев,
Гаджи Гашаров*

СЛОВО О ПОЭТЕ

(предисловие к сборнику
«Сулейман Стальский. Избранное»)

В историю ушло и 125-летие со дня рождения автора этого сборника. Позади и год его смерти, после которого прошло немало времени. За это время сменилось три поколения людей. Много кардинальных изменений произошло в истории и родного ему лезгинского народа и всех народов Дагестана и страны в целом. Уже не стало Советского Союза, величие которого было воспето Сулейманом Стальским в поэме «Думы о Родине» и стихотворении «Наша сила». Он силу свою, силу нашу, силу народов страны, занимающей «всей земли одной шестой» части, видел в их единении. «Баку, Тбилиси, Ленинград, Москва родная – наша сила». По иронии истории Баку, Тбилиси, Москва, другие столицы, олицетворявшие «нашу силу», разошлись по разным странам. Не стало и Советской власти, не стало и социализма, уподоблявшегося Стальским с «абукевсером в горах». Повержена партия, по сажням которой он измерял ритм истории. Естественно, многие из современников, «новых русских», «новых дагестанцев», «новых лезгин» ставят под сомнение творческое наследие С. Стальского. Появились суждения «кончилась эпоха Сталина – кончилась эпоха Стальского».

Так ли это? Устарела ли, образно говоря, «папаха Сулеймана»? Не пора ли ее действительно сдать в архив истории или же в этнографический музей, чтобы экспонировать рядом с прялкой и кинжалом шамилевского храбреца, по которым можно воссоздать образы прошлой, одновременно и героической, и трагической истории?

Мы не агитируем читателей «за» С. Стальского или «против» него. Пусть читатель сам самостоятельно судит о поэте и истории, о его наследии и современности. Но чтобы судить верно, искренне, надо знать Сулеймана и его поэзию из глубин человеческого бытия, а не руководствоваться знанием лежащих на поверхности жизни событий. А чтобы обрести такое понимание, надобно серьезное вчитывание не только в словесный текст, но и в потаенный подтекст сулеймановских

произведений. Важно вчитываться в то, как поэт понимает совесть и, прежде всего, свою совесть, которой С. Стальский очень дорожил. А совесть он измерял сообразно тому, какую нравственно-мировоззренческую позицию он занимает, созерцая мир и активно определяя свое отношение к тому, что творится вокруг себя, и в собственной душе. Размышляя о своей совести, Сулейман еще в конце прошлого века рассуждал так: «Ведь это не силой, это не хитростью и не деньгами, а человек поет от сердца... Но поэт, если он не труп, молчать не может. Ему, против его воли, будет тревожно от плохого и радостно от хорошего, а скрыть от мира, сохранить для себя свою песню ему не удастся». В этот сборник, дорогие читатели, включены избранные стихотворения поэта, в которых отразились боль и радость, тревоги и гордость Сулеймана Стальского. Он слагал свои стихи, не рассчитывая на гонорар и славу. О том, что за публикацию стихотворений автор может рассчитывать на денежное вознаграждение, он узнал впервые за три года до своей кончины. Так что, создавая свои произведения – лирические и эпические, сатирические и саркастические, любовные и гневные, он пел исключительно «от сердца», пел, потому что он был живым, остро переживающим события жизни человеком, добровольно избравшим себе стезю поэта. Он заявлял многократно: «Я Сулейман – шаир... певец». А призвание певца он видел не в песнопениях, подобных трели соловья в «листве густой», а в том, чтобы говорить правду о себе и времени. Он сам слишком рано познал иронию самой же истории. «Правду говорить нельзя, а неправду говорить в стихах невозможно». Вот заколдованный круг, из которого нет выхода. Так было, впрочем, не только с Сулейманом. Вся известная история серьезного искусства – и поэзии, и прозы, и драмы, и живописи – свидетельствует об оппозиции искусства к жизни, политике и политической власти.

Составляя новый сборник избранных произведений С. Стальского, мы решили представить их в хронологической последовательности. Пусть читатель видит действительную эволюцию его художественных исканий и находок. Решили мы преподнести наследие поэта в новых переводах. Прежние переводы, за малым исключением, осуществлялись еще в 30–40-е годы. Однотомник сочинений, изданный в 1947 году в Москве, канонизировал переводные тексты. Они читались, изучались, в школах заучивались, учеными исследовались так, будто речь идет не о переводах, которые отражают не только видение мира поэтом, но и переводчиком, а об оригиналах. Однако еще в

начале 60-х годов обнаруживались факты серьезных искажений и даже фальсификаций идейно-художественного содержания многих произведений Стальского. Учитывая это обстоятельство, составители и редакторы позднейших сборников произведений Стальского отбирали для включения в них таких переводов, которые были адекватны оригиналу как по идейному содержанию, так и по художественной форме. Вместе с тем еще в 1986 году московское издательство «Советская Россия» выпустило «Избранное» лезгинского поэта (Составитель Г. Г. Гашаров) в совершенно новых переводах.

Из-за малого тиража преобладающее большинство любителей поэзии Дагестана не имело возможности знакомиться с художественным миром Стальского в новом переводческом видении. Настоящий сборник создает такую возможность. В отличие от него, изданный в 1995 году Дагкнигоиздатом сборник «Свет мудрости» (Составитель А. Г. Агаев), составлен из прежних переводов с включением целого ряда новых переводов, особенно произведений религиозно-духовного цикла и памфлетов 30-х годов. Таким образом, читателю представляется выбор. Естественно, особенности той или иной художественной школы переводов поэзия Стальского предстает в них весомо, осязаемо и впечатляемо.

Сулеймановская лира не устарела и эпоха ее не может кончиться из-за того, что происходит смена ценностей в истории. Практически каждое новое поколение творит историю по своим меркам. Уважая заслуги, опыт, деяния поколений отцов, она вносит в нее свои коррективы, изменения в дополнения.

Сулеймановская поэзия возвышается над сменой поколений, поскольку она относится к явлениям высокого искусства. А высокое искусство имеет свои координаты времени. Оно имеет своим предметом вечные темы и, когда эти темы разрабатываются в художественно-талантливой форме, оно властвует над многими поколениями.

С. Стальский был не просто талантливым художником слова, не просто устадом-певцом, а оригинальнейшим человековедом, живописцем человеческих типов, образов и характеров. Это такие типы, образы и характеры, которые присущи и каждому новому человеческому поколению, ибо любовь и гнев, добро и зло, правда и подлость, гордость и вероломство, образы которых созданы С. Стальским, сохраняют свою сущность при любых социальных условиях и одновременно обретают черты разнообразия со сменой поколений.

Значит сейчас С. Стальский и его наследие открываются заново, с

неожиданной стороны. Они открываются как показатель исторического спора между идеалом и его практическим воплощением. В свои юношеские и зрелые годы, воспитанный в исламских духовных традициях, он верил в Творца, в рай и ад, в предопределенность человеческой судьбы. И в стихах своих «Эй, мусульманин, вникни в суть», «О душе», «Познай», «Не сможет» и других он нарисовал идеальный образ Всевышнего, кто является «творцом без чина и наград», а «весь даже род людской умом узреть его, объять не сможет». Но оказалось, именно те, кто считал себя наиболее близким к богу, мулла, шейх, имам, не переставая повторять «валлах-биллах», грешат «сверх меры».

В 20-е годы у Сулеймана переменился идеал. Он поверил в свободу, братство, равенство, счастье человека труда, поверил в идеалы социализма. Последний действительно много дал лично ему самому, семье, аулу, стране и истории в целом. «Советская власть – прекрасный сад», – заявлял он, впервые почувствовав, что он душой помолодел; что Советская власть выкопала из земли, где он «ржавел», остро отточила его, как «кинжал». Но этот уже пожилой, всем миром признанный поэт, создавший идиллические художественные образы Советской власти и партии, их вождей и кумиров, в середине 30-х годов усомнился в своем идеале.

К этому светлому идеалу подвизались различные двурушники, люди не честные, взяточники, невежды, которые мнят себя профессорами, а сами – болтуны. Но, что еще страшнее – злодеи, в лице этих предателей и разоблачителей «сверх меры», по доносам которых сотни честных, добропорядочных сынов и дочерей родины арестовывались, гноились в тюремных застенках, а то и расстреливались, будучи безосновательно обвинены в враждебном отношении к Советской власти и партии, к социализму и интернационализму.

Не забыть бы читателю, что даже поэт, только что награжденный орденом Ленина, лично знакомый Сталину, известный в стране патриотическим творчеством, певец «зари человечества», тоже был зачислен в список «неудобных людей». Прежде всего из-за его личных дружественных связей с целым рядом государственных деятелей и деятелей науки и искусства (Н. Самурский, Б. Астемиров, Г. Гаджибеков, А. Вагабов, А. Алкадарский и др.), которые «разоблачались» органами НКВД – ГПУ, как злейшие «враги народа». Положение Стальского усугублялось и тем, что всем названным он посвящал стихи приветственно-одического характера, полные высокой челове-

ческой патетики. Накануне смерти поэта, которая была ускорена трагедией истории, трагедией любимой Родины, он подвергся еще одному удару. Изъяты все книги его стихов на лезгинском языке (1934–1936 гг.) и в русских переводах (1936–1937 гг.) из-за того, что составлялись они «врагом народа» Г. Гаджибековым или им делались подстрочные переводы.

Сулейман Стальский возвращается из глубин истории к нам, к современникам, как глашатай правды, свободы и справедливости, как выдающийся талант, сумевший перечувствовать и разглядеть опасные тенденции в развитии человеческого духа. Едва ли не самым обидным в жизни он считает, «когда уродство и порок перед нашим взором», причем такое уродство и такой порок, которые разрушают душевные устои человека. Как и в тот год, когда С. Стальский сочинял стихотворение «Как разбудить спящих?» (1918), сегодня злободневно звучит его вопрос: «Свободу ждали племена//О ней мечтали издавна, //Но почему ж пришла она с таким уродливым лицом? Свобода ль это, коль народ// Ее не знает и живет, // Как прежде – в муках? И невзгод//Все больше, больше с каждым днем?».

Придя к нам, современникам новых социально-экономических преобразований, С. Стальский вразумляет в первую очередь своих единоплеменников, лезгин: «Пора бы сделаться умней».

Поэт глубоко национальный, лезгинский, Сулейман возвысился до вседагестанского поэта и «общего поэта», став верным сыном и Дагестана и всей России. Его одинаково волнуют социальные и житейские проблемы как «малой», так и «большой родины», органично связывал их, он возвышается от Кюры до Дагестана, затем до Кавказа и России и, наконец, мира в целом; и в этом восхождении он не отрывается от своего национального корня, питающего все древо его жителю поэзии. Как и в 20-е годы, свежо звучат его взволнованные предостережения: Кюре – Лезгистану – не стать «любому пришлому зарезанным бараном»; Дагестану – отвратить незваных гостей, которые лезут к нему «грубо, бьют по плечу и пьют с ним»; Кавказу – «выйти из нужды, выйти из войны»; России – «обрести власти ощущение».

Открытие Сулеймана Стальского не закончено, оно продолжается...

ВОСХОДЯЩИЙ СВЕТ МУДРОСТИ

(вместо послесловия к книге
«Сулейман Стальский. Избранное»)

Весной 1933 года неожиданно-негаданно в Ашага-Стал нагрянули московские писатели. Сразу трое – Петр Павленко, Владимир Луговской и Николай Тихонов. А посоветовал съездить туда Багаутдин Астемиров, который утверждал, что поэт весьма оригинален.

Гостей встретил к вечеру «щуплый старичок в бешмете». После краткого чаепития все спустились со второго этажа горской сакли на полянку перед ней и расселись на весенней траве. Через Алибека Фатахова поэты обменивались мнениями, и, как затем признавался Луговской, они «затрагивали очень сложные вопросы своего ремесла». Сулейман «глубоко и тонко судил о ценности, назначении и трудностях искусства».

Но, пожалуй, даже не это, а два других обстоятельства поразили москвичей больше. Во-первых, феноменальная память Сулеймана. Даже отвечая на вопросы о поэтической профессии, он в подтверждение своих слов речитативом пел или старую, или же тут же сочиненную песню. Варьировал слова, тропы, метафоры, а по их лезгинской звукописи, звонкой и колоритной, гости чувствовали обаяние его стиха.

Впрочем, Сулейман и сам попросил гостей прочесть стихи. Фатахов даже улыбнулся: Сулейман ведь не владел русским языком, да еще поэтическим. Но ашуг шепнул Фатахову на ухо: «Язык немого понимает мать». Тот перевел афоризм, и те, кому он был адресован, тут же запечатлели на бумаге.

Другим открытием для гостей стала необыкновенная известность поэта в народе. Известность – в смысле широты распространения его старых и новых песен.

Через два года Павленко рассказал об увиденном. На лужайку, где они сидели, беседуя, со всех сторон стекались сельчане, возвращавшиеся с полей. Образовалась своего рода живая, стена. «Когда Сулейман на секунду задерживал строку, забывал слово, народ подсказывал ему хором». А обрадованный поэт восклицал: «Вот мои книги! У них в голове записаны все мои стихи, что я сложил. Я даже ошибиться не могу, все мое знают».

Это был великий акт творчества, в котором участвовали все. Поэт передавал своему народу, говоря словами того же Луговского, стихи, напетые для народа, полные «ясной мудрости».

Ясная мудрость! Сказано точно, искренне и справедливо. Она-то и привлекала людей к поэзии Сулеймана. Не агитки, не гимны и оды и даже не сатира, а то, что называется мудростью. Любая вещь запоминалась и почиталась самим поэтом и народом настолько же, насколько она была исполнена этой ясной, сияющей солнечным светом мудрости. Мудрость составляла орлиные крылья поэта. Благодаря им он парил из аула в аул, взбирался на вершины Шахдага, устремлялся на равнину.

Вот уже сменились три поколения люден после ухода Стальского из жизни, объявились даже охотники «закрыть» его эпоху: мол, он поклонялся «идолам». А народ не просто помнит своего ашуга – все новые поколения тянутся к нему, к его ясной мудрости. В недавней статье «Как говорил Сулейман» Шихзада Юсуфов топко уловил это явление. «Сулеймана лагъайвал» – стало присказкой. И стар, и млад в подходящий момент вставляют: «как сказал Сулейман», и тут же приводят его мудрый афоризм. К примеру, такой: «Себя, изволь, превозноси, – все же пальцем неба не достанешь». Или такой: «Кто о миллионах речь ведет, – часто до ста счет не знает». Может быть, и такой: «Осла хоть курдюком корми, – рысаком осел не станет». Или вот еще: «Язык – не нога, споткнувшись языком, не всегда встанешь».

Сейчас, когда в очередной раз «взбесился мир», возрастает спрос на сулеймановскую мудрость. На его поучения, наставления, уроки, в которых содержится богатый житейский опыт столетий. И дело не в отдельных, самостоятельных мудрых изречениях, которых много в его творчестве. Все его наследие пронизало, пропитано и озарено мудростным началом, восходящим светом мудрости.

И что примечательно: сулеймановские мудрые мысли и афоризмы, в которых столь много оригинального, чувств и утонченного ума, уже во многом растворились в народном сознании. Они живут уже самостоятельно, временами подвергаясь новой образной переработке. Они расходятся по аулам, горным долинам, перешагивают и за поэтическую Отчизну Сулеймана.

И потому прежде всего, что мудрость Стальского построена на уме и таланте народа, которому на своем веку многое пришлось пережить, Пережить и перестрадать. Помню свой разговор на эту тему с Михаилом Шолоховым. И не где-нибудь, а во Владимировском зале

Кремля в Москве. Правительство во главе с Н. Хрущевым организовало прием делегатов съезда писателей страны. Шолохов с северокавказской делегацией уединился в этом зале, и, когда кто-то меня ему представил, он тут же спросил: «А как там старый Сулейман? И сейчас перед взором стоит его облик, и речь па первом съезде звенит в ушах».

Вместо ответа я деланно продекламировал: «Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обрели певучую, пленительную по своей непосредственности и свежести форму песенстихов. И, обогащенные талантом певца, снова шли в народную гущу, чтобы жить, не умирая».

По мере того, как я по памяти излагал текст, светлело лицо Михаила Александровича: «Да, было такое. Хотя смерть обычная штука, смерть Сулеймана потрясла меня. Тогда я так и отозвался: «Живое двигая вперед»... Почти весь текст помню. Сулеймановский стих завораживает...»

В том и состояло потаенное своеобразие сулеймановской мудрости, что она черпалась из народного самосознания и вновь уходила в него, формируя его, заново пробуждая. Кому-то стороннему не все это может быть попятно. Истинные деятели искусства по-разному воспринимаются разными народами. Познавательное восприятие, поэтические образы разнятся у народов. Как бы Сулейман ни был и сам ни любил представляться «общим поэтом», сородичи понимали да и нынче понимают его несколько иначе, под иным углом зрения, чем братские народы. Для родного народа он поэт национальный, как для народов-братьев — дагестанский, вместе с тем и общечеловеческий. Последнее свойство — в той степени, в какой поэт находит заслуженное признание в дальних краях.

Кто-то сравнивал Сулеймана с Рабиндранатом Тагором. Да и горьковское уподобление его древнегреческому Гомеру, хотя и является личным восприятием отдельного писателя, указывает на общечеловеческую самоценность ясной мудрости знаменитого ашагастальца. Может быть, со временем забудутся его строго «классовые», «партийные» произведения, но та мудрость, на которой настояно его наследие, будет жить долго. Как долго — история покажет. Не нам гадать.

В связи с проблемой мудрости в поэзии, мудрости в искусстве, характерной для Дагестана и целом, встает, конечно, вопрос о серьезном научном- исследовании этого феномена дагестанской души.

Проблема сложная для решения. Такой духовный, познавательный и нравственный феномен, как мудрость вообще, мудрость Стальского в особенности, трудно покоряется научному изучению. Здесь требуются иные критерии и подходы, но это не снимает актуальности самого вопроса,

Как у каждого мудреца – от Гомера, Хайяма, Гете, Гейне до современных, – она сугубо индивидуальна. У Сулеймана она глубоко иронична, аллегорична и иносказательна. Этим, вероятно, она и завораживает его сородичей и вообще всех поклонников его таланта. Если коварного мздоимца и злодея он бичевал колкими образцами, то к невежде, глупцу, простофиле и наивному малому он был крайне участлив. Правда, порой и самого недостойного человека он обличал так, что тот даже и не подозревал, что речь идет о нем, или же, подозревая, делал вид, что не о нем речь.

На протяжении десятилетий у поэта выработался этот своеобразный прием мудрствования – намеками жечь и пробуждать людей. Почти треть всего его наследия сотворена таким образом. Намек стал острейшим оружием поэта. Аллегория – стрелой. Ирония – щитом. Вместе взятые, они образуют «творческие мускулы» его поэзии. «Ворона тоже зазналась, – где снег, не ведая, где грязь: над птичьим царством поднялась и петь, как соловей, пытается... Слепой, а хочет он легко найти игольное ушко, по нашим спинам высоко взобраться чудодеей пытается... Как правду передать другим? Кто станет жить умом чужим? Намеком вразумить своим Стал Сулейман пытается».

Как видно, аллегория достаточно прозрачна, адресат – рядом. Это не абстракция, а самая земная конкретность. Он сам сознавал: играет с огнем. Хотя говорил, порицал светлым, мудрым намеком, прямо не называя объекта своей иронии, поэт нередко сам страшился собственных аллегорий. Вот создал он длинной цепью ярких метафор образ двуногого осла, погрязшего в похоти, а под конец и растерялся. Непременно из-за угла кто-то волком налетит: «О ком же Стальский речь ведет? В кого он камнем попадет? Боюсь, что мне бока намнет исчадь злое, тот осел». Но, тем не менее, Сулейман, как сам сознавался, был поэтом, а не трупом. Ему было радостно от хорошего и тревожно от плохого, и скрыть песню, зародившуюся в глубинах беспокойного духа, не мог. Да и народ требовал поэтического оформления его гнетущего самосознания. «Поэт – ореховое дерево. Покуда есть на его макушке хотя бы один-единственный плод, люди не перестанут швырять в него палками». Но сулеймановская мудрость жила

не только тревогами о судьбах народа, задавленного нуждой. Не только переживаниями, связанными с расползанием по миру зла и насилия. Может быть, и современному миру посвятил он свой стих: «Мир изменил свое лицо. С ума сошла цена теперь, в мильон обходится яйцо, хмелеет без вина теперь!»

У Сулеймана были и заветные цели. Он мечтал, и мечты вдохновляли его, как вдохновляется молодой джигит, загоревшись от махмудовской любви к ясноокой горянке. Он думал, и думы его о родном народе, о Дагестане, о Родине «в одну шестую часть земли» да еще о дружбе «братских всех племен» несли его, составляли суть его оптимистического творчества.

«Пределы родины, – писал его друг и сподвижник Эфенди Капиев, – расширились теперь для Стальского. Это уже не только свой маленький аул, но и весь Союз, необъятный и необозримый. Огромен стал круг интересов поэта». Думы о Родине, мечты о ее процветании, о том, чтобы солнце ей прежде всего посылало «свои лучи», надежды на сияние «утренней звезды», раздумья о том, что нас ждет «медовая радость»... Ими он жил. Им он поклялся, как влюбленный юноша. И с ними ушел из жизни, оставаясь в памяти народной.

«Сулейман перейдет в легенду». Так отозвался на смерть поэта Борис Пастернак. Русский его собрат позавидовал ему. Не тому, нет, не смерти. А тому, что Сулейману суждено было стать одним из тех в Дагестане, на Кавказе, кто закладывал основы нового родного просвещения. В Стальском все было и есть культура: каждый его шаг и вздох, каждое движение мысли и поступка, его телесный облик. Все это одухотворено. Все значимо. «Помимо сложенных им творений, и самая жизнь народного барда есть памятник письменности, потому что автор сам становится книгой для записей последующих поколений». Это – тоже Пастернак.

Тогда, в 1938 году, он только мог сказать: «Так будет, верно и со Стальским». Прошло уже много десятилетий, и, несмотря на неоднократные «открытия» и «закрытия», Сулейман, радуя одних, печалю других, продолжает восхождение в свое бессмертие.

*Арбен Кардаш,
Народный поэт Дагестана*

НЕПОВТОРИМОСТЬ СУЛЕЙМАНА

Великий лезгинский поэт Сулейман Стальский родился 18 мая 1869 года в селении Ашага-Стал (Нижний Стал) бывшего Кюринского округа Дагестанской области. Эта официально принятая дата взята из «Личной карточки» делегата IV Вседагестанского съезда Советов, заполненной 4 апреля 1925 года со слов самого Сулеймана.

«Мать была беременна мною, – вспоминал поэт в «Рассказе о себе», записанном Эффенди Капиевым, – когда отец ни с того ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди в хлеву. Оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили это на мне: тотчас же, не дав мне даже материнского молока, они завернули меня в драный палас и подкинули к отцовским воротам. Так с обиды и началась моя жизнь».

Много выпало лишений и страданий на долю будущего поэта, который вынужден был скитаться по стране в поисках куска хлеба. С тринадцати лет он батрачил в Дербенте на виноградниках и мареновых плантациях, работал в Гяндже, чернорабочим на нефтепромыслах в Баку. Потом судьба забросила его в Среднюю Азию, где он трудился чернорабочим в железнодорожном депо в Самарканде, участвовал в строительстве железнодорожного моста через Сырдарью. После всех скитаний и жалкого существования таким же нищим и обездоленным вернулся Сулейман в родное село.

Удивительно, что в этих невыносимых условиях жизни будущий поэт сумел сохранить свое человеческое достоинство и сберег тот хрупкий поэтический дар, которым был щедро наделен свыше.

Творческий путь поэта значим еще и тем, что он проходил через разные социальные потрясения и перемены исторических эпох, когда в расшатанном обществе начинался процесс сбрасывания масок, и природа человека стала раскрываться в полной мере. Сулейману Стальскому как поэту-человековеду был важен этот исторический момент, и он своим метким взором и цепким умом выхватил в вихре смуты самые яркие типы людей, оказывающиеся при любой власти на гребне событий. Это в основном типы отрицательные, носящие в себе три самые разрушительные силы – глупость, злодейство и из-

менчивость как в нравственно-этическом смысле, так и в политическом.

Сулейман Стальский, как редкое творческое явление, вызвал неподдельный интерес у Максима Горького, назвавшего его на Первом съезде советских писателей в 1934 году «Гомером XX века» (прежде всего как представителя устной словесности, на ниве которой лезгинский поэт являл высокие художественные достоинства).

Неповторимость Сулеймана заключается в том, что он соединил в своем творчестве письменную и устную литературу. Будучи неграмотным человеком, он не мог записывать свои тексты, но работал над ними, как автор, владеющий грамотой, заменяя не вполне удачные слова и строки на более весомые.

Жанровое и тематическое разнообразие его наследия тоже не позволяет причислить эти произведения к устной литературе. Сатира, любовная, гражданская, политическая, морально-дидактическая и духовно-философская лирика – основная часть его наследия. Вместе с сыном – поэтом Мусаибом Стальским он создал пьесу о Саяд Стальской – удивительной поэтессе с трагической судьбой. Афоризмы Сулеймана частично вошли в книгу Эффенди Капиева «Поэт», в которой автор создал художественный образ народного стихотворца.

В 1936–1939 годы книги лезгинского самородка по общему тиражу занимали одно из первых мест среди книг всех поэтов Советского Союза. Сулеймана читала вся страна.

Стихи поэта были переведены на все языки народов нашей страны, на европейские языки, на китайский, монгольский, вьетнамский. О его стихах восхищенно отзывались крупнейшие советские поэты и прозаики – Н. Тихонов, В. Луговской, П. Павленко, Б. Пастернак, М. Шолохов, Л. Леонов, Н. Ушаков, С. Липкин и многие другие.

Хотел бы привести еще один интересный факт, засвидетельствованный листовкой «Дагестан – своим фронтовикам» (№ 8), выпущенной в 1944 году. Это рассказ одного воина-дагестанца, участника Сталинградской битвы (кстати, сын Сулеймана, Мусаиб, погиб под Сталинградом): *«... когда бой окончился, в одном из наших танков нашли томик стихов Стальского. Оба они верно послужили Родине. Танк прорвал немецкую оборону и раздавил несколько батарей. Томик стихов был обогрен кровью танкиста и опален огнем битвы. Это высшая награда для поэта».*

Сулейман Стальский был поэтом всей нашей великой Родины, он гордился ею, славил ее, считал, что труд и помыслы каждого гражда-

нина должны быть направлены в русло умножения мощи и славы своей державы, духовного единения ее народов.

Не обошел поэт вниманием и некоторые перегибы в истории страны. Он осудил в своих стихах репрессии 30-х годов, призывал не писать доносов, критиковал новых «мурсал-ханов» – партийных деятелей, ведущих себя как деспоты старых времен. Он не предал своих старых друзей арестованных по ложным обвинениям. И он на все времена остается полпредом человеческого общества со всеми его духовными идеями, богатством и ценностями.

Сулейман Стальский был и остается самым современным поэтом Кавказа и России в том смысле, что некоторые его стихи читаются в контексте нынешнего времени и создают впечатление, что созданы в гуще примет и событий, свидетелями которых являемся мы, живущие в новом столетии.

О ДУХОВНОЙ ЛИРИКЕ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

Духовная поэзия в лезгинской литературе имеет давние традиции и корни. Стихи религиозного содержания мы обнаруживаем у многих лезгинских поэтов: Рухун Али, Эмина из Ялцуга, Рухун Махмуд, Мирза-Али Ахтынского, Етим Эмина, Курах Сейфуллаха, Гаджи Ахтынского и т.д. К сожалению, этот пласт художественной культуры народов Дагестана мало изучен, что подтверждается справедливым замечанием С. М. Хайбулаева: «Эта проблема остается наиболее слабым местом нашего литературоведения, почти не тронутой целиной, не только в отношении аварского национального материала, а также общедагестанского в целом. Нет сколько-нибудь самостоятельной работы посвященной изучению духовной литературы»¹¹⁷. Определяя направления и пути исследования духовной литературы, он считает ошибочным сведение духовной литературы к религиозной идеологии, образам и сюжетам и призывает рассматривать ее как синтез философских, эстетических, нравственных, этических, научных убеждений в их единстве.

В советскую эпоху творчество многих поэтов и писателей рассматривалось в угоду идеологических и классовых установок, что в значительной степени искажало, деформировало и принижало то духовное наследие, которое призвано было обогатить и развить нашу культуру. Это в значительной степени касается и творчества замечательного лезгинского поэта С. Стальского. Будучи народным поэтом, он целиком и полностью разделял страдания и радость, трудности и лишения, горе и счастье простых людей. Все его творчество пронизано чувством сопереживания к несправедливо обиженным, ненависти к захватчикам и угнетателям. Он искренне верил, что новый строй, новая формация изменит жизнь человеческого общества, что в мире воцарятся справедливость, добро и разум.

Сейчас нередко можно слышать упреки в адрес поэта о том, что он неверно толковал социальную природу нового строя. С этим нельзя согласиться. Ведь советский период в истории нашего народа при всех ошибках принес много положительного как в духовной, так и в

¹¹⁷ Хайбулаев С. Духовная литература аварцев. – Махачкала, 1998. – С. 10.

материальной сферах. И надо сказать, не все происходящее вызывало одобрение и восторг у поэта. Так, на подавление восстания крестьян после коллективизации С. Стальский откликнулся стихотворением «Бандитам», где осудил жестокое усмирение восстания как злодейство, которое нельзя оправдать, действия властей – как противоречащие учению ислама.

С. Стальский – человек выросший, сложившийся как личность на требованиях и постулатах мусульманской религии, был, конечно же, верующим человеком. Об этом свидетельствует целый ряд стихотворных размышлений поэта, которые перекликаются с общеизвестными аятами Священного Корана. Эта сторона поэзии С. Стальского еще совершенно не исследована. Очень удачные переводы его духовных стихотворений сделаны талантливым поэтом и переводчиком Арбеном Кардашем в небольшом сборнике «Неизвестное»¹¹⁸. В нем он поместил лишь некоторые из стихов последних лет жизни С. Стальского, которые, по мнению переводчика, более или менее поддаются точному художественному переводу. В них поэт размышляет о темных сторонах человеческой души, о неизбежности порока, невозможности его искоренить:

О боже, у земных путей
Тепла былого не осталось.
Терпенья у иных людей –
Хотя б какого – не осталось
(«Не осталось»).

Причину несчастий и невзгод, выпавших на долю его современников, поэт видит в том, что люди забыли о Боге:

Лис ханом стал в краю забот,
И недовольствует народ.
Никто молитву не блюдет,
О ней ни слова не осталось
(«Не осталось»).

Пальма – символ веры в Бога, священное дерево Саудовской Аравии, является центральным образом следующего четверостишья:

¹¹⁸ Стальский С. «Неизвестное», перевод с лезгинского А. Кардаша. – Махачкала, 1994.

Большое горе нас гнетет
Нет избавления от невзгод
И пальма наша не цветет –
В сердцах к ней зова не осталось.
(«Не осталось»)

Люди попирают самое святое – слово Аллаха, аяты Корана, и их нельзя назвать людьми:

Иные твари норовят

Сравнять с землей Калам, аят.
Укоротили Шариат –
Как такового не осталось.
(«Не осталось»)

В другом стихотворении «Живет себе дурак иной» поэт смотрит на быстро меняющийся мир. При этом меняются только декорации, а действующие лица все те же:

Иные жадностью горят,
Иные глупости творят.
Слепые духом норовят
Учить добру, забот не зная.

В этом же стихотворении находим прозорливые строки, подтверждающие, что великий А. С. Пушкин не ошибся в сравнении поэтов с пророками. Только пророкам Господь Бог приоткрывает завесу будущего, скрытую от всех остальных людей. Сулеймана мучит вопрос: смогут ли люди распорядиться свободой правильно, не нарушив божественного устава?

Свободе, будто неземной,
Как рад рабочий класс простой
Там, за грядущей чертой,
Какой конец всех ждет, не зная.

В стихотворении «Где?» С. Стальский размышляет о будущем. В погоне за бранным, люди растеряли божественный дар, «безверье в душах гнезда вьет». Добро и зло человеческой души метафорически связаны с образом воды:

Небес водица не течет,
Чрез край гнилая лужа бьет,
Сровнялись дол и пик. И вот
Глава где? А почтенье где?
(«Где?»)

Очень символична концовка стихотворения. Только Всевышний откроет поэту истину и поможет «прозреть»:

О Бог, я, Сулейман, молюсь,
Что лишь тебе в рабы гожусь.
О жизни мыслями отдаюсь –
Я слеп. Мое прозренья где?

Сулейман Стальский очень остро и болезненно воспринимал темные стороны человеческого бытия – глупость, жадность, лицемерие, снобизм. Всеми этими пороками в достаточной степени наделен род людской. Антитезой им выступают все качества Великого Творца – Аллаха в стихотворении «Не сможет». «Вне времени он и незрим», «неописуем он, велик», «глубокий ум его – времен вращенье исчерпать не сможет», «он господин миров», «его мечты добра полны», «и волю высшую его никто ведь удержать не сможет».

Ты, Сулейман, не уставай,
Вслух эти мысли повторяй,
Аллаху славу воздавай,
Что в сердце истлевать не сможет
(«Не сможет»)

Таким образом, идеал поэта – облик Всевышнего, все его 99 имен из прилагательных в превосходной степени являются эталоном для мусульман в их духовной и мирской жизни.

Человеческий век короток, мир бранный, душа слаба, а тело тленно. Об ответственности человеческой души за проступки и неотвратимости ответа за них перед Богом говорится в стихотворении С. Стальского «Душе». Оно включает в себя одиннадцать четверостиший, каждое из которых оканчивается обращением «глупышка» к душе человека. Удел ее – «уйти в путь дальний». В чем смысл жизни?

Но ты познай пути земли:
Куда ушли Омар, Али?
У мира карты – короли
А у тебя – валет, глупышка.

Земной мир – «мир грез», смерть неизбежна, а за ней отчет о прожитых днях, о добрых и недобрых делах. Именно к этому должна готовиться человеческая душа:

Хоть все отдай – из мира грез
Уйдешь. Мучителен допрос
Загробный: на какой вопрос
Ты сможешь дать ответ, глупышка?

Тема бренности и несовершенства этого мира, поглощающего лучших из рода человеческого, звучит в стихотворении «Миру». Он рассматривается поэтом, исповедующим Ислам, как временное пристанище, враждебное человеку. Этот мир не пощадил ни пророков, – посланцев Господа, ни творенья рук человеческих. День Суда неотвратим, и он когда-нибудь разрушит этот мир.

Мудрый Сулейман никогда не забывал о смерти и призывал к этому своих современников в стихотворении «Бедняга, ты ума лишен...». Обращаясь к сильным мира сего, поэт говорит о покаянии, смирении, слабости человека перед лицом смерти:

Понятно, ты силен и смел,
А надо мыслить чтоб умел.
О зле-добре своих же дел
У ангелов узнаешь ты.

Смерть уравнивает всех перед лицом Аллаха, и это совершенно очевидно и несомненно.

Последние годы жизни С. Стальского были связаны с трагическими событиями 1937 года. В числе репрессированных оказались многие выдающиеся деятели науки, образования, с которыми поэта связывали дружеские отношения. По свидетельству Султановой Зулехи, вдовы Г. Гаджибекова, репрессированного в 1937 году, С. Стальский был из числа тех немногих, которые не отвернулись от жены «врага народа» и протянул руку помощи ей, оставшейся совер-

шенно одной¹¹⁹. Его честность, порядочность и благородство протекают из образа жизни и мыслей, ибо он был настоящим и правдивым мусульманином.

В страшные годы репрессий ему предлагали создать произведения против сынов Дагестана, которые были объявлены врагами народа. На него оказывали давление, ему угрожали. Но поэт остался непреклонным. Как тут не вспомнить замечательные строки поэта-философа Омар Хайяма:

Не преследуй людей по наветам чужим,
Меж людей будь разумен, и добр, и терпим.
Скажешь: «Зло я творил не по собственной воле».
Не поверит никто оправданьям твоим.

Все это заставило поэта еще раз задуматься о мире, о взаимоотношениях людей между собой. В своем последнем стихотворении «Бренный мир» поэт говорит о враждебности этого мира человеку, о его одиночестве.

Все сказанное выше, позволяет нам выразить мысль о том, что творчество С. Стальского многогранно. Он был не только поэтом-сатириком, пропагандистом, лириком, философом, но и певцом, воспевающим вечные истины.

¹¹⁹ Гаджибеков Г. Творческое наследие. – Махачкала: ДКИ; 2003. – С. 212.

ТВОРЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОЭТА
(послесловие из книги «Сулейман Стальский
«Свет мудрости»)

Размышления о судьбе Сулеймана, его феномене рождают в душе множество вопросов. Отмахнуться от них невозможно. Они неотступно будоражат душу. Они требуют не просто ответов, а объективных исследований и разъяснений. Хотя я знаю, что задача эта не из легких. Общество наше, которое, говоря словами самого поэта, «перевернулось кверху дном», еще слишком идеологизировано и политизировано, чтобы можно было рассчитывать на его настроенность на истину.

Вот и сам Стальский, исхудавший в последние годы своей жизни, страшно напуганный репрессиями 30-х годов, разочарованный, с дрожью на губах смотрит на нас, приходя к порогу моего, твоего дома.

Кто же он, Сулейман? Откуда, из какого поэтического мира? Каким он приходит к нам, его потомкам в «новый мир»? Его «новый мир» для большинства людей уже превратился в «старый мир» и его клянут, как он в свое время в стихотворение «Поди ты прочь, дурной старый мир!». Действительно ли с «кончиной эпохи Сталина» кончилась «эпоха Стальского»?

Вопросов много, да и ответов не меньше. Если даже не наоборот. Да или нет... Каждый вопрос ставит нас перед сложной дилеммой. В таких случаях нет односложных ответов: да или нет. Если другие: и да, и нет.

Чтобы найти клад, надо его раскопать. А чтобы ответить на поставленные вопросы, в первую очередь следует освободить наследие Сулеймана и его общественное понимание от фальсификаций. Творчество, пожалуй, ни одного из дагестанских мастеров слова столь не искажено, не перевернуто как его творчество. Дело в том, что сам он не записывал свои стихи, речи, песни, афоризмы, письма. Он только говорил, диктовал, а как все это излагалось на бумаге, зависело от добросовестности или испорченности писаря. Кто-то добавлял целые строфы, кто-то убирал не пришедшиеся ему по вкусу. Один усиливал

его патетику, другой – лирику. Один заострял его сатирический накал, другой, напротив, придавал стиху распевность. Кто говорил «Урусият», «Москов» сообразно своему восприятию и нормам лезгинской грамматики, а кто ужасно русифицировал их, ломая рифму и ритмику. Один из верующих делал безбожника, другой из безбожника – верующего.

Но та фальсификация, которая совершалась сородичами, не идет ни в какое сравнение с тем, что делали переводчики, составители его переводных книг. Фальсификация в переводах столь груба и жестока, что когда читали их поэту, он приходил в ужас. И это не только слова. В 1935 году, когда стали появляться первые переводы, он сокрушенно сказал своему биографу Гаджибеку Гаджибекову, когда тот приехал к нему: «Зачем же пускать грязных свиней в отару моих белых барашков?». Биограф по возвращении в Махачкалу воспользовался удачно подвернувшимся случаем выступить на литературном совещании в обкоме и передать собравшимся негодование поэта. Афоризм поэта запечатлелся в памяти участников форума, и по сию пору он популярен у любителей афористической мысли. Но это не подействовало. В 1936 году в Москве одновременно в двух издательствах вышли два сборника его стихов, один из которых даже был переиздан, так огромен был спрос читателей. Казалось бы, Сулейман Стальский от восторга будет на седьмом небе. Куда там! Разгневался не в меру. Пригласив учителя-соседа, продиктовал ему документ, где выразил свое отречение от обеих книг. Нет, не хотел он чужих кабанов, ему милее были свои барашки, пусть даже тощие и хромые. Заговорило профессиональное, да и человеческое достоинство, которое он высоко ценил. «Достоинство поэта, говорил он Эффенди Капиеву, своему творческому собрату, – первое, что надо беречь, юноша. Достоинство поэта есть достоинство его земли».

Поссорившись с переводчиками, Сулейман в очередной приезд не пустил их на свой порог. Так и скончался, помирившись, правда, только с Капиевым. А сын поэта Мусаиб, работавший у отца секретарем, через год после его смерти выступил в «Литературной газете» со статьей. Отметив большое количество статей и рецензий на «изъятые» автором книги, он писал: «Я внимательно читал статьи и воспоминания товарищей и не всегда узнавал отца, как не узнавал порой по переводам и его произведениям».

В 1947 году, когда в Москве предприняли издание однотомника Стальского, составители вместе с местными литературоведами нема-

ло потрудились над очищением его сочинений от фальсификаций. Но эта работа так и не была доведена до конца. Одни фальсификации уступали место другим. Особенно в области идейного содержания сулеймановского наследия. Всему его облику, образу искусственно придавалась крайняя односторонность. Кроме осуждения «старого мира» и восхваление «нового мира», ничего не осталось. Но здесь впервые публиковались философско-дидактические произведения (свыше 40!), и уже в 1975 году, один из составителей, Григорий Корабельников писал, что эта книга «привела читателей к Стальскому незнакомому, еще не исследованному, неожиданному, сочинявшему и такие стихи, которые шли вразрез со стереотипными представлениями о поэте», хотя и эти стихи подверглись идеологической обработке. Кроме того, философско-дидактический цикл создавался поэтом на протяжении почти сорока лет, вплоть до кончины. Это было любимое занятие, лучшее, что удавалось и во что он вкладывал душу, притом свободно, без каких-либо давлений со стороны. Но составители свели весь цикл к 1919–1923 гг., создавая ложную картину творчества Сулеймана. Тем более, что в стихах последующих лет он с огромной патетической силой и сатирически памфлетной гротескностью выводил человеческие типы «новой формации». Именно в этих типах, в создании их и заложен творческий подвиг поэта, выделяющий его из всей поэтической когорты Дагестана.

Но прежде, чем подробнее рассказать об этом, следует затронуть и такие явления. Первое – хаос, который творится в сборе, хранении, паспортизации, издании и исследовании его наследия. Далеко не все еще собрано. В редакции газет и журналов, в издательства, к литературоведам, живущим в Махачкале и Баку, то и дело поступают все новые, прежде не публиковавшиеся произведения, среди них есть и подлинные шедевры. За последние годы уже более тридцати таких образцов увидело свет на родном языке, и до десяти в переводах Арбена Кардаша – на русском. Выявлен большой цикл, и здесь велика заслуга Галиба Садыки, – религиозных произведений. Он был известен и прежде, особенно жителям Ашага-Стала и многих близлежащих селений. Еще в 1953 году, в мой первый приезд в Ашага-Стал для сбора материала, я записывал отдельные от них. Но многие стихи еще ждут своего издания, перевода, научного анализа и литературоведческого объяснения. Это – подлинные жемчужины поэзии, хотя нынче мы стесняемся произносить высокие слова. Лишь небольшой фрагмент из стихотворения «Не сможет» в переводе А. Кардаша:

Аллаха сведущим пером
Никто другой писать не сможет.
Весь даже род людской умом
Узреть его, объять не сможет,
Вне времени он и незрим,
К советам не привык чужим,
Тот, кто советуется с ним,
Его глагол слышать не сможет.
Неописуем он, – вселик.
Не жаден ни к чему. Велик.
Кто слушаться его отвык,
Тот с места даже встать не сможет.

Еще много лет назад Наталья Капиева преподнесла дагестанской литературе великолепный дар – пьесу Сулейман Стальского, сложенную им в паре с Мусаибом. Капиева разыскала ее в архиве редакции пятигорской газеты, где некогда работал Эффенди. Общая тетрадь, исписанная на латинском алфавите, с указанием обоих авторов на первой же странице. Пьеса пришла на мое имя, а я по прочтении обнаружил, что в ней Сулейман выступает не просто в новой для него роли драматурга (ему принадлежат стихотворные диалоги, которых большинство в тексте), а как ценитель искусства слова. Ведь посвящалась-то она ашагастальской поэтессе Саяд. Сейчас пьесы благодаря работе Гаджи Гашарова увидела свет в журнале «Самур», но досадно, что вот уже два года она остается и без презентации, и без литературоведческого анализа. Пока даже лезгинский театр, носящий имя Стальского, не удосужился сказать свое слово.

Еще одно открытие Сулеймана связано со сборником «Афоризмы». О его существовании не знают сейчас ни апологеты, ни оппоненты поэзии ашагастальца. Но это реальность. И принадлежит сборник Алискандеру Алкадарскому, внуку знаменитого историка, арабиста, поэта. Будучи просвещенцем, Алискандер на протяжении долгих лет, с 1914–1934 год, заезжая в Ашага-Стал из своего аула, затем Касумкента и даже из Махачкалы, записывал у поэта его новые афоризмы. А Сулейман, оказывается, был мастером афористического жанра. Народ знал об этом его увлечении. И по сей день ходит множество его афоризмов, но даже близкие люди не подозревали, что поэт на протяжении двух десятков лет делился ими с просвещенцем.

Написав свое предисловие к сборнику, Алискандер в 1934–1935 годах попытался его издать. Но вскоре получил 10 лет тюрьмы, как отъявленный «враг народа», а сборник угодил в подземные помещения НКВД – ГПУ ДАССР. И почти двадцать лет он соседствовал с крысами, сыростью, плесенью. Если бы не посмертная реабилитация составителя, истлела бы бумага, и афоризмы превратились бы в труху. В конце 50-х годов позволили семье Алискандера завладеть изъятым прежде сборником.

Однако ходит сборник до сих пор по рукам то какого – то литературоведа, то журналиста, то сородича Алискандера, каждый пускает в прессу какие-то сведения, цитаты их предисловия или группы афоризмов, и не известно еще, когда он увидит свет, чтобы во весь свой голос заговорил поэт.

Беспокоит и дрящущее многие десятилетия несоответствие уровня профессионального литературоведения в Дагестане эстетической природе искусства. Это особенно наблюдается, когда оно имеет дело со сложными, многогранными, противоречивыми явлениями. К ним относится и творчество Стальского, требующее применения методологии и философии высокоэстетического звучания. В понимании Сулеймановской поэзии преобладает описательный идейно-тематический анализ. Он, конечно, важен, но только тогда, когда на его основе литературовед восходит к исследованию созданных художником слова человеческих образов, типов. Для Сулеймана не существуют сами по себе, скажем, судья, мулла, торговец, кавха, учитель, управленец, вождь, лидер или кто-либо другой. Хотя эти социальные типы преимущественно и фигурируют в его творчестве, но только потому, что в них он объединил черты людей, занимающихся тем или иным родом занятий.

Между тем, в критических и литературоведческих работах Сулейман предстает скорее как политолог, чем человеквед. Его сплошь и рядом характеризуют как «политика» и «вождя», «политического лирика», хотя он был и остается художником, мастером искусства слова. Говоря об эстетической сути его творчества, можно считать художественным подвигом открытие им на специфическом местном материале колоритных образов. Их много в созданной им галерее, но их можно свести к триптиху – лицемер, глупец и злодей.

Образы эти сложились в итоге повседневных наблюдений за людьми, допущенными к управлению социальными, правовыми и духовными процессами в обществе того времени. Из неприятия их че-

ловеческой раздвоенности. Из явного несоответствия их слов делам реальным, практическим поступкам. В цикле, посвященном клерикалам, он изображает лицемера-двурушника в состоянии, когда он, «забросив Коран», «волочит мешок с закатом»; мулла ближе всех садится к «жирному плову» и мясной грудинке; на его устах без устали вертятся «валлах, биллах», но норовит почаще справлять поминки. Лицемерный судья гонится за взяткой, хотя по роду занятий он должен быть воплощением абсолютной справедливости. Торговец тоже клянется в своей мусульманской добродетели, но за большую цену сбывает гнилую кукурузу в голодный год.

Летит время, царская власть сменяется советской. Сулейман, возможно, ждал, что исчезнет лицемер как тип личности. Но вскоре встретился с ним в «новом мире», в лице тех же служивых людей. Лицемерит уже «советский» торговец: бравируя «честностью», он тут же припрятывает товары для сородичей. Лицемерит «двуногий осел». Заняв «теплую» должность, «ведет двойную игру». «Слова его парят превыше всех небес», но он не забывает, однако, «точить кинжал и злой, как бес».

Для Сулеймана совершенно новым и шокирующим стал «лицемер» в образе коммуниста, Или, напротив, коммунист в образе лицемера. Поэт со стыдом заметил, что иные коммунисты и не помышляют жить по идеалам «счастья для всех», равенства, братства, порядочности. Они заняты собой, своими корыстными интересами. Но зато они «языки в мед окунают», хотя сами «горше хины», и «зубы точат оселком». Поэт мудрой метафорой разоблачает их лицемерие: «длинный штык в ветхом мешке утаить невозможно».

Образ лицемера Сулейман с ювелирным мастерством разработал на материале свободы. Той свободы, о которой люди мечтали с древнейших времен. Для поэта это – свобода бедняка от нищеты, мусульманина – от двурушничества власть имущих. Это свобода любви влюбленных. Свобода творчества для поэта. Свобода народа, рвущегося к свету. Сулейман несказанно обрадовался отречению царя от престола, словами «О революция моя! Тебя полыхать на все края!», воспел февраль 1917 года, с радостью принял «чудеса» осени того же года, даже гимн посвятил, назвав его «Свобода» («Азадвал»). Но когда на родину его нахлынули то с севера, то с юга различные воинствующие пришельцы, с ужасом заметил, что Кюра родная, и Дагестан преславный, и Кавказ гордый и Урусият, близкий его сердцу, ведут себя «как потаскухи», «Нежный взгляд дарят любому», «всеоб-

щей рекой, питающей чужих» стали. Свобода вылилась в сплошное лицемерие, из ее осознания вырос отчаянный крик: «Эй, провались ты, лживый мир//Совсем перевернулся ты. // В тебе стыла ни капли нет//В блуд, в подлость окунулся ты».

В 20-е последующие годы Сулейман попал в ситуацию, близкую той, что сложилась лет тридцать назад. Тогда он, верующий мусульманин, воспевал Аллаха и из благоговения перед ним осуждал лицемерных служителей культа. Теперь же, влюбленный в «весну человечества», в «цветущий сад» социализма, через муки сомнений пришел к осознанию лицемерия даруемой им свободы. Сейчас еще точно не известно, когда было создано произведение «Свобода– бесценный дар», то ли в конце 20-х, то ли в начале 30-х годов. Всего сорок строк, но какой памфлетический накал чувств, высокая экспрессия возмущенного сознания!

Существует перевод С. Липкина, который лишь местами воспроизводит образ свободы, подвергшейся лицемерному перерождению. Из-за трудностей перевода метафор С. Липкин опустил наиболее художественно-выразительные места, а авторский замысел просто исковеркал. По «идеологическим», видимо, соображениям истолковал его как сатиру на «богача», хотя речь идет о «бедняке». Нового перевода, к сожалению, пока нет. Приходится довольствоваться подстрочным переводом и свободным пересказом содержания. Да, считает поэт, свобода – «дар бесценный», но если она осознается народом, если массы рвутся к ней. Но еще такой народ не родился, и таких масс нет. Пользуясь этим, и власти «обещают свободы», кои не только не «даровались», но и не могли быть вообще дарованы из-за их явной «несбыточности». Поэтому, считает Сулейман, «свобода» обрела трагикомическую суть, вылилась в сладкое лицемерие. Цепью ярких метафор, рассчитывая «намеками вразумить людей», поэт высмеивает эту «свободу». //Сороку за лебеда выдают//Черную змею за звезду выдают//Всякий цвет – за медь выдают//– не станет ли свобода прокисшим вином? Ночную темень за зарю выдают// Курицу за петуха выдают//Зверя за оленя выдают// Не станет ли свобода ишаком?//Говоря: «молодой овцы барашек», //Не станет ли свобода убегающим зайцем?»

В галерее человеческих образов, колоритно выведенных Стальским, особое место занимает «глупец, одержимый самомнением. Глупец описывается параллельно с «невеждой, мнящей себя знатоком», но эти два образа сливаются в один обобщенный. Он стал со-

здаваться поэтом еще в начале века и вырос из его стихотворений «иной идти стремится вброд», «Случается кляча конем», «На кушаке, дружок». В годы же, когда «мир перевернулся кверху дном», невежественный глупец стал орудием в руках всевозможных «пришельцев».

Новый облик обрел самонадеянный глупец в новое время, искренне воспетое Сулейманом. Воспеть-то воспел, но ясно видел, что и в нем к управленческим должностям тянутся они, «вороны, мнящие себя орлами». Если при прежней власти правители росли из среды богачей, то при новой власти, замечает Сулейман, они вырастают из бедняцких масс. Но независимо от социальных источников, они схожи между собой. И те и другие лицемерны, вторые, сверх того, еще глупы и невежественны. И из-за этого «морочат всех враньем», «словами насыщают они желудок твой». Глупец многолик. Это и инженер, строящий здание, «ущелий, гор крутых не зная», и «профессор», в «мирских делах не сведущий». Он даже и арабист, толкующий об «Ибн-Хаджаре», хотя прописных букв не отличит.

Но главное, в сулеймановском образе глупца – это все же его прыть и властолюбие. «Он полон чванства, похвальбы. Все люди для него рабы».

Центральным образом в триптихе является злодей. Он вбирает в себя черты и лицемера, и гордого глупца-невежды, однако у него существует и собственная суть. Образ злодея также создавался поэтом на протяжении всего творческого пути. Порой параллельно с лицемером и глупцом, но чем больше поэт рос как художник и как гражданин, тем основательнее в его философско-дидактическом творчестве воспроизводился злодей. И это в время, когда он как никогда прежде восславлял «кружение весны над миром». Кажется, острое противоречие. Чем больше становится у него одических произведений о «величии лет», тем более контрастными, навевающими ужас красками, он рисует образ злодея. В то же время с ростом числа хвалебных произведений, выдергиваемых из его нутра армией корреспондентов, требовавших новых песен, он меньше сочинял аллегорических вещей.

В создании образа злодея Сулейман шел от «Бандита» и «Головорезу», затем «Лжекоммунисту» и, наконец, к «Михеннату». По времени они относятся к 1917, 1927, 1934 и 1937 годам. Михеннат (злодей собственно) – социальный тип страшной силы. В нем сливается все мерзкое, коварное, опасное и постыдное в человеческой природе. Он – исчадь ада и сатана. В образе головореза злодей «пре-

ступленьем заклеямен», «патронташами перегружен», он «страшен и жесток». В лице проходимца он «себя хозяином зовет», «зло смешает с добром», «я, говорит он, ювелир, а блеск не знает». В облике лжекоммуниста злодей кичится, что он «партиец», и тут же «продает честь и стыд», «он мнит себя шахом, султаном», воображает «львом-тигром», место «Мурсал-хана метит занять».

И вот завершение образа. Злодей (михеннат) появился в последний раз в мае 1937 года в разгар массовых репрессий. Тень угрозы нависла и над головой самого Сулеймана. То, что он имел звание народного поэта, даже орденом был отмечен, не давало ему ордера на неприкосновенность. Общественности были известны его связи с Левевичем, Астемировым, Гаджибековым, Вагабовым, Алкадарским. Наконец, с Самурским, который хоть и находился на свободе и был первым лицом в республике, но уже был взят на мушку органами НКВД – ГПУ. В апреле «Дагправда» писала об обвинении его в преступной связи с правым уклонистом Томским.

По логике вещей можно было ожидать, что в своем новом облике злодей предстанет в образе «врага народа». В образе троцкиста, зиновьевца, шпиона, пантюркиста, националиста и диверсанта. Печать, радио с утра и до глубокой ночи только о них и трубили. В прессе печатались стенограммы судебных процессов, «враги народа» признавались в своих «предательствах» и «изменах». Да и сам Сулейман, поначалу поверив во все, что пишется и говорится вокруг, порой и свой возмущенный голос подавал.

Но нет, не среди арестованных, заклеяменных органами власти, в значительной степени и общественностью, нашел Стальский злодея высшей пробы. А среди «своих», среди тех, оставался на свободе. Среди вершителей и пособников репрессий. Это они, эти последние возведены Сулейманом в «злодеи». В нем, в злодее, «сердце – ад, в нем сердце – яд //коварство помыслы творят», он «пристроен с виду, но разнуздан, как бык», «стал бешеным, горячим псом» и «важным, как индюк». И завершил Сулейман памфлет стихами: «Эй, Сулейман! Твой честный стих//Клеймит коварных, лживых, злых. //Но за глаза ругать других, //Так говорит певец, – преступно».

К осени его самого уже не стало. И только Эффенди Капиеву, почти тайком приехавшему проведать его, он успел с тревогой вымолвить: «Берут всех. И пожилых, и молодых».

Поистине судьба. С крутыми поворотами и зигзагами, подъемами и спусками.

Раздел 4
ИНТЕРЕСНОЕ О СУЛЕЙМАНЕ

В 1961 году книга Сулеймана Стальского «Сочинения», подготовленная Дагестанским книжным издательством, официально была запрещена, а ее тираж полностью уничтожен. Что же случилось 50 лет тому назад?

В 1960 году в Москве была организована Декада дагестанского искусства и литературы. В числе намеченных публикаций для выставочного показа в Москве значилась и книга стихов Сулеймана Стальского. Однако из-за сравнительно большого объема и типографских сложностей издания было решено подключить к ее изданию ставропольскую типографию. Она располагала хорошим оборудованием и квалифицированными кадрами. Ставропольские полиграфисты охотно взялись за издание книги. Однако по неизвестным мне, ее составителю, причинам, выпуск книги задерживался. Прошла Декада и еще много месяцев, и лишь осенью 1961 года из типографии поступил так называемый сигнальный экземпляр. Оставалось ждать тираж. Но не тут-то было. Вместо тиража из Ставрополя тревожные вести поступили из Москвы через Дагестанский обком КПСС. Первый секретарь (А. Даниялов), спешно вызвав меня, велел немедля отправиться в ЦК КПСС, где издание стихов Сулеймана Стальского задержано, и по возвращении подать заявление о добровольном уходе с занимаемой мною должности заместителя заведующего идеологическим отделом обкома КПСС. Не получив каких-либо разъяснений о мотивах распоряжения ЦК, я кинулся в финхозсектор для оформления командировки. Удостоверение на выезд получил, однако в оплате командировочных мне было отказано. Не велено – и все! В ЦК КПСС серьезный разговор со мной провел заведующий сектором печати. «Что ты наделал?!» – набросился на меня Б. Стукалин, то ли требуя ответа, то ли выражая свою досаду и негодование. Я разводил руками, был растерян, ибо не знал сущности обвинений, предъявляемых мне. В ходе разговора стали проясняться события в Ставрополе и в ЦК КПСС. Сигнальный экземпляр книги Сулеймана Стальского, посланный типографией в Ставропольский крайком КПСС, каким-то образом попал в руки первого секретаря. Тот, увидев, что книга подарочный оформлена, преподнес ее Никите Хрущеву, который оказался в Став-

ропольском крае то ли по служебным делам, то ли на отдыхе в санатории. Ради интереса глава партии и государства поверхностно пробежал глазами текст. А в стихотворении «Слово о молле Рамазане» его взор задержался на строфах:

Конечно, кукуруза есть,
Да кто такую станет есть?
Ей боров не окажет честь –
Она же князь князей у нас.
Как абрикос, желта она
В квашне. Когда ж испечена –
Горька, как хина, и красна,
Как хна. Что делать с ней у нас?

Никита Сергеевич Хрущев поручил своему помощнику и сектору печати ЦК КПСС «зловредную книгу изъять», и автора, и составителя, и редактора, и еще кого надо к черту исключить из партии. «Безобразия! Партия взяла твердый курс на подъем животноводства и продовольственного дела в стране расширением посевов кукурузы, а ей палки в колеса вставляют мошенники! Не выйдет. Исключить и наказать!» Острый нервный тик пробежал по моему телу, напугался, как никогда в жизни, хотел объясниться, доказать. Но Борис Иванович Стукалин был неумолим. Обвинив меня в том, что я «заодно с поэтом», прочитал из книги, не выпускаемой из рук, и такую строфу:

Я хлеб попробовал дрянной –
Скорей запить его водой!
Служил бы прежде хлеб такой
Отравой для мышей у нас.

Я пытался убедить оппонента, что стихотворение относится к 1909 году, и посвящено оно торговцу, который в голодный год торговал «гнилой кукурузой», а не вообще кукурузой. В Дагестане же горцы с давних времен используют кукурузу, из ее муки и хинкал делают. Да и в тексте стихотворения говорится, «и дорогая, и гнила», «товар гнилой». Не желая слышать мои доводы, заведующий сектором печати потянулся к телефонному аппарату. «Составитель книги – А. Агаев – у меня, желаете увидеться?» Последовал отрицательный ответ, но что-то все же было сказано. Борис Иванович мне пояснил:

«Напишите объяснение, потом можете уехать. О мерах сообщит обком». Выскочив из здания ЦК КПСС, я спешно отправился в Союз писателей СССР и РСФСР: мне нужно было авторитетное лицо, которое могло бы за меня заступиться. Я был известен писательскому кругу как автор остро дискуссионных статей. Удалось встретиться с одним лишь Алексеем Сурковым. В его переводе в изданной книге Сулеймана Стальского было опубликовано стихотворение «Приветствие съезду, получившее новое название «Не торопясь, сквозь зной и дождь...» Алексей Сурков участливо выслушал мой рассказ об ожидаемом наказании и изъятии книги Сулеймана Стальского. Зная Стукалина достаточно близко, мой собеседник тут же позвонил ему. Однако он ответил: «Я бы помог сам, но дело серьезное – замешан первый секретарь (Н. Хрущев). Вряд ли будет пощада».

Возвратясь в Дагестан, я отправился на прием к первому секретарю обкома КПСС с уже заготовленным заявлением о «добровольном уходе». Но уход не состоялся. Отделался легким испугом – указанием и внушением, но с грозной оскорбительно-обвинительной формулировкой – «недобросовестность в составлении сборника». К «гнилой кукурузе» еще добавили публикацию двух-трех стихотворений, где упоминается имя Сталина, да еще в одной из сулеймановских речей содержится идея о «ленинско-сталинской национальной политике». С видом глубоких знатоков партийные верхи меня поучали: ленинская политика была, а сталинской – не было. На мое недоуменное: «Я тут при чем – это слова Стальского!» ответили: «Стальский тоже ошибался». Секретариат обкома КПСС принял решение об изъятии «Сочинений» Сулеймана Стальского, выпущенных Дагестанским книжным издательством, а весь тираж пустить под нож. Возможно, какие-то экземпляры книги как «вещественные доказательства» осели в сейфах органов по охране военной и государственной тайны в печати, КГБ или еще где-то. На «воле» же оказался один-единственный экземпляр, который хранится у меня с 1961 года.

*Ахед Агаев,
доктор философских наук*

Когда Сулейман на секунду задерживает строку, забывает слово – народ подсказывает ему хором.

– Вот мои книги, – показывает на них Сулейман. – У них в голове записаны все песни, что я сложил. Я даже ошибаться не могу, они все мое знают.

Да, народ знал своего Сулеймана так же отлично и полно, как и Сулейман свой народ. В этом единении поэта с народом таилась вся сила Сулеймана.

Когда он говорил перед народом, исчезала робость его жестов, голос приобрел особую твердость, уверенность.

Весь он становился мудрым, большим.

Так вот он каков, Сулейман!

Надо было видеть его в окружении своих слушателей, в тесном общении со своим народом, чтобы до конца понять все величие его таланта, все истоки его громадной популярности и авторитета. Сулейман был не просто ашугом, слагателем песен, – он был учителем жизни, политиком и вожаком. Поэзия являлась для него лишь формой учительства, манерой изложения жизненной мудрости.

Писатель Павел Павленко

– Когда я ехал в Москву, мне люди говорили: «Сними ты, Сулейман, эти старые чарыки, надень галстук, купи костюм. Ведь у тебя денег на все хватит, слава богу». Я им говорю: «Никогда не надену я костюм, останусь в своем бешмете, старом, пропахшем чесноком, в том бешмете, в котором ходят мои соседи. В этом костюме меня народ лучше понимает». Я остался в своих чарыках и поехал в Москву в них. Сила моя в чарыках.

Народный поэт Дагестана С. Стальский

Три года тому назад было такое лето, когда я сидел на съезде писателей рядом с Максимом Горьким. Огромный зал был переполнен его учениками, он знал их всех по имени и я думал о своей беспомощности перед этим великим человеком. Я не знаю русского языка, Максим Горький не знал лезгинского. Но – у нас говорят, что «язык немного понимает мать», Максим Горький понял меня и мою песню. Он долго и крепко жал мою руку в тот счастливый день, и я не пере-

стану вспоминать об этом до своей смерти. Мы легко обошлись бы тогда и без переводчика, настолько велика была моя жажда выслушать его. Он улыбался и тряс мою руку, как добрый старый друг, который давно уже искал встречи со мной. От этого у меня захватило дыхание, и я долго не мог с ним заговорить спокойно.

– Судьба моя редко улыбалась мне в молодости, зато старость оказалась счастливой. Я хотел сказать об этом Горькому, но он понял меня без слов и вторично пожал руку, улыбнулся. Так мы сидели с минуту, а потом, освоившись, я уже чувствовал рядом с собой родного и близкого человека, моего ровесника, с которым у меня, начиная еще с детских лет, общий язык и общее сердце...

Мы говорили о многом. Максим Горький спрашивал меня о моей родине, о моих занятиях. Я рассказывал ему о электростанциях в Дагестане, о горянках-летчицах, о своих сыновьях и о колхозном урожае, ибо с некоторых пор сады у нас начали цвести по-особому богато.

– При царе мы ходили, надвинув папахи на брови и низко опустив голову. А теперь мы говорим полным голосом, – сказал я Горькому. Я обещал ему не щадить своих сил, слагая достойные времени песни. Он похвалил меня и пожелал здоровья, как и подобает истинному другу.

И вот с той поры запала мне в сердце дума. Когда лезгин идет в гости к своему другу, он приносит ему в хурджилах лучшие и дорогие, сокровенные плоды своего сада. Я стал прививать к старым деревьям новые могучие ветви молодого нашего счастья. Стал любовно и вдохновенно хлопотать в своем саду и растить плоды.

– Плохие ли, хорошие ли, но все же я от сердца несу их своей родине, – думаю я. И тогда же посадил я в своем саду айвовое дерево. Скоро оно было все в цвету, и я не мог наглядеться на его стройность. Я ждал плодов, я ухаживал за ними с гордостью и стеснялся в этом признаться соседям. Была дума у меня, теплая и радостная, поехать в гости к Максиму Горькому. Поехать и поднести ему на своих ладонях лучшие и самые сладкие плоды этого дерева.

Да не пришлось.

Тяжелая и большая печать, как ливень, обрушилась прошлым летом на мой сад. Айвовое дерево поникло. Плоды его осыпались на землю, не успев созреть, и я заплакал тогда, убитый горем. Я потерял зоркого и доброго учителя – друга, имя которого Максим также сходно с лезгинским словом «максум», что означает мудрый, постигший все науки.

Айвовое дерево высохло, а моя любовь к нему удесятерилась. Я перенес ее всю без остатка на свой сад. Я помню слово, данное великому Максиму Горькому, и не щадя сил тружусь, ибо надо оправдать себя и перед его памятью, как перед совестью своей, быть честным, достойным своего времени и своей обновленной страны.

1937

Записал Эффенди Капиев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Программные произведения Сулеймана Стальского	
Сулейман Стальский в школе.....	
Известные писатели, поэты и литературоведы о С. Стальском	
Интересное о Сулеймане	

Учебное пособие

Курбанова Заира Гаджиевна

**СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ.
ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ЕГО КАК ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ
СВОЕЙ**

Технический редактор – *З. Адильгиреева*
Подготовка оригинал-макета – *М. Тагиев*

Подписано в печать – № 1 30..01.2026